

ГКУ «Дом общественных организаций»
Ассоциация антропологов и этнологов России
Рязанское региональное отделение

Материалы и исследования по рязанскому краеведению

Сборник научных работ

Том 92

Рязань 2026

ББК 63.3
М 34

Редакционная коллегия:

*П.В. Акульшин, Ю.Ю. Гордова, В.П. Нагорнов, О.В. Романов,
И.Ж. Рындин (гл. редактор), С.В. Филимонов, А.И. Хвостов (зам. гл. ред.)*

Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. научных работ / ГКУ «Дом общественных организаций»; Ассоциация антропологов и этнологов России Рязанское региональное отделение. – Рязань, 2026. – Т. 92. – 140 с.

ISBN 978-5-908157-39-1

Настоящий сборник научных работ содержит исследования и материалы по рязанскому краеведению, размещенные в рубриках: археология, история, геральдика, генеалогия, антропонимия, топонимия, этнография, из истории религии, есениноведение, литературоведение, персоналии, материалы к Большой Рязанской энциклопедии. Сборник подготовлен рязанскими и иногородними учеными, педагогами и краеведами.

Большая часть работ, составляющих сборник, была прислана в редакцию в качестве докладов и сообщений на XXVII областной научной конференции «Рязанский край: история, люди, события», проходившей в заочном режиме в мае 2026 г. в рамках праздника «Дни славянской письменности и культуры».

Рецензенты: *Соколов А.С.*, доктор истор. наук, зав. каф. истории и культуры Рязанского государственного радиотехнического университета;

Гребенкин И.Н., доктор истор. наук, профессор каф. Истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

ББК 63.3
М34

ISBN 978-5-908157-39-1

© Коллектив авторов, 2026
© Коняхин А.В., (Book jet),
оформление, 2026

Содержание

Предисловие	4
Археология	4
Иванов Д.А. Исследование летописного рязанского города Глебова в 2025 г.	4
История	15
Рындин И.Ж. Дворянское землевладение в Рязанском крае в конце XVIII – первой половины XIX вв.	15
Хвостов А.И. Изменения в статье «Рязанские эсеры в 1917 – 1918 гг.», опубликованную в «Материалах и исследованиях по рязанскому краеведению» (Том 90)	37
Геральдика	38
Рындин И.Ж. Геральдика рязанских дворянских родов (продолжение)	38
Антропонимия	43
Перекусихин А.В. Фамилия Перекусихин в антропонимии Рязанского края: морфология и этимология	43
Топонимия	54
Гордова Ю.Ю. История изучения рязанской топонимии и антропонимии	54
Этнография	64
Кармацкая Г.А. Песенные традиции населения сел Сараевского района Рязанской области	64
Из истории религии	72
Михайлов С.С. Старообрядцы и сектанты исторической местности Ялмать на востоке Егорьевского уезда Рязанской губернии, и некоторые мысли по поводу ее христианизации	72
Есениноведение	79
Самоделова Е.А. Исполнительская манера сказочника у Сергея Есенина: напевное произношение и ритмичность, мимика и жестикуляция	79
Балясова И.И. Образ сердца в поэзии Сергея Есенина (Опыт исследовательской работы при изучении поэзии на факультативах в старших классах средней школы)	90
Архитектура	97
Пасынков С.В., Курчевская О.В. О реставрации деревянной резьбы иконостаса Успенского собора г. Рязани	97
Литературоведение	103
Нагорнов В.П. Рязанские приметы в морском рассказе Станислава Гагарина «Вы снились мне на Лабрадоре...»	103
Персоналии	111
Романов О.В. Новые аспекты и перспективы изучения двух юбилеев Симеона Бекбулатовича, включая его роль в политической жизни Московского государства и вопросы сохранения исторической памяти через призму прошедших лет	111
Попов Н.С. Рязанский путешественник, исследователь Памира В. Ф. Ошанин и его мать, до последнего времени неизвестная помещица из Лебедяни	117
Шаркова Т.В. Василий Головин – слава земли Пронской (По страницам книги В.А. Дивина «Повесть о славном мореплавателе»)	122
Хвостов А.И. Иван Васильевич Ведерников	126
Горюнов А.А. Дед (очерк о П.С. Горюнове, которому в январе 2026 года исполнилось бы 155 лет)	129
Материалы к Большой Рязанской энциклопедии	134
Нагорнов В.П. Владимир Николаевич Васильевич	134
Нагорнов В.П. Госпитали воинские в Ухоловском районе в годы Великой Отечественной Войны 1941 – 1945 гг.	135
Нагорнов В.П. Ибердский Свято-Алекса́ндро-Невский Софрониев монастырь	135
Нагорнов В.П. Святой источник (родник) Николая Чудотворца в с. Сатино Ухоловского района	135
Нагорнов В.П. Святой источник (родник) праведного Софрония Ибердского у поселка Ибердский	135
Нагорнов В.П. Цикорная фабрика	136
Нагорнов В.П. Софроний Ибердский (Лисин)	136
Рындин И.Ж. Калашников Валерий Васильевич	137
Сведения об авторах	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник содержит 25 научных работ 17 авторов.

Исследования и материалы, вошедшие в сборник, представляют различные разделы рязанского краеведения: археологию, историю, геральдику, антропонию, топонимию, этнографию, из истории религии, есениноведение, литературоведение, персоналии, материалы к Большой Рязанской энциклопедии. Большая часть работ, составляющих сборник, представляет собой доклады и сообщения на XXVI областной научной конференции «Рязанский край: история, люди, события», проходившей в заочном режиме в мае 2026 г. в рамках праздника «Дни славянской письменности и культуры».

Работы настоящего сборника поднимают большой пласт «уездной», «районной», «губернской» и «областной» истории, географии, культуры, природоведения Рязанской земли и тем углубляют ее изучение.

АРХЕОЛОГИЯ

Д.А. Иванов

Исследование летописного рязанского города Глебова в 2025 г.

Аннотация: В публикации представлены результаты археологических раскопок 2025 г. на территории на т.н. Северного Посада летописного рязанского города Глебов. Исследованиями изучена одна из городских усадеб второй половины XIII - первой половины XIV в., получен материал, характеризующий бытовую и ремесленную деятельность жителей средневекового города.

Ключевые слова: Рыбновский район, р. Вожа, с. Глебово-Городище, Глебов, посад, раскопки, XIII-XIV вв.

На территории Рыбновского района Рязанской области расположено старинное село Глебово-Городище. Здесь, на мысу при слиянии рек Вожи и Реберки, во второй половине XII в. возникает большое укрепленное поселение, которое большинством историков и археологов отождествляется с летописным рязанским городом Глебов.

Глебов единственный раз упоминается в летописи в перечне рязанских городов в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в канцелярии митрополита Киевского и всея Руси Киприана в 1394–1396 гг.

Город состоял из внутренней крепости (детинец) и неукрепленных посадов.

В 2025 г. на одном из таких посадов, который в списках объектов археологического наследия Рязанской области числится как «Глебово-Городище Северный посад», Вожская археологическая экспедиция Рязанского исторического музея продолжила свои исследования.

Поселение Глебово-Городище Северный посад находится на окраине с. Глебово-Городище Рыбновского района и начинается непосредственно за валом и рвом детинца Глебова. «Северный посад» расположен на высоком левом берегу р. Реберка (лев. приток р. Вожа) недалеко от ее устья, возвышаясь над уровнем реки на 16 м. Протяженность поселения с юга на север составляет около 430 м, с запада на восток около 160 м, площадь памятника составляет около 6, 8 га.

В настоящее время южная часть памятника занята заброшенной пашней и покрылась дерном. Здесь же проходит грунтовая дорога из с. Глебово-Городище в с. Печерники Зарайского района Московской области. Северная половина памятника ежегодно распахивается под сельскохозяйственные посевы. С 2004 г. центральная, южная и юго-западная части поселения используются как площадка для мероприятий, посвященных победе русского оружия в битве на Воже 1378 г., проводимых в августе каждого года в рамках Межрегионального военно-исторического фестиваля «Битва на Воже».

Археологические исследования 2025 г. были сосредоточены на раскопе 3, заложенном в 2018 г. на восточной окраине памятника. К раскопаным участкам 5 и 7 с севера была сделана прирезка площадью 60 кв. м., получившая обозначение «участок 8». В итоге общая площадь исследованная площадь раскопа 3 за семь лет раскопок составила 468 кв. м.

Культурный слой на раскопанном участке представлял собой темно-серый суглинок мощностью около 40 см, верхняя часть слоя разрушена многолетней распашкой.

На уровне зачистки материка были выявлены все исследованные впоследствии объекты и ямы, равномерно распределявшиеся по всей площади исследованного участка. Таких объектов выявлено девять, пять из которых являлись столбовыми ямами, остальные четыре (крупные объекты) располагались в определенной системе (рис. 1).

Яма 115 и яма 116 соединялись друг с другом, были вместе ориентированы по одной линии в направлении северо-запад – юго-восток. Яма 115 – яма, предположительно, подпольная, хозяйственного назначения, располагалась в западной половине раскопа. В плане яма 115 на уровне зачистки материка имела вытянутую в направлении северо-запад – юго-восток подовальную форму с небольшим подпрямоугольным выступом к югу и юго-западу. Основная часть ямы имеет заполнение в виде темно-серого суглинка с многочисленными находкам, состоящими из фрагментов глиняных сосудов, кусочков обожженной и прокаленной глины, фрагментов печной обмазки. Размеры ямы на уровне зачистки 2 штыка составляли 4, 0 м в длину по линии северо-запад – юго-восток, 1, 4 м в ширину в северной части и 2, 3 м в южной части ямы.

Яма 116 – яма хозяйственная, расположена в северо-западной части раскопанного участка, с северо-запада вплотную примыкает и частично перерезает яму 115. Яма имела подовальную форму, вытянутой стороной располагаясь по линии северо-запад – юго-восток. Максимальные размеры ямы 2, 05 x 1, 46 м. На уровне зачистки 2 штыка заполнение ямы 116 представляло собой однородный темно-серый суглинок с включениями мелких угольков и кусочков пачины.

Примерно в 2, 0 – 2, 3 м к востоку, параллельно ямам 115 и 116 располагался ряд из ям 118 и 120. Яма 118 – хозяйственная яма, располагалась в северо-восточной части исследованного участка, в 2, 12 м к востоку от ямы 115 и в 0, 52 м к северу от ямы 120. В плане яма имела подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами, своей длинной стороной располагалась по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Размеры ямы составляли 2, 4 x 1, 95 м, заполнение – темно-серый суглинок с включениями мелких угольков и кусочков прокаленной глины.

Яма 120 располагалась в юго-восточном углу раскопанного участка, начала фиксироваться на глубине –51-52 см от уровня нулевой отметки. На этом уровне яма в плане имела круглую, почти овальную форму, своей длинной стороной ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры ямы 120 составляли 3, 15 x 2, 7 м, заполнение – темно-серый суглинок с включениями угольков и мелких кусочков пачины.

Возможно, все четыре ямы были когда-то связаны одной или несколькими постройками, близкими по времени существования и были вписаны в единую усадебную планировку, ориентированную в направлении северо-запад – юго-восток. Судя по обнаруженным находкам, датировка данного усадебного комплекса укладывается в пределы середины XIII – первой половины XIV в.

В ходе работ на участке 8 было обнаружено 4588 фрагментов керамики. Все они изготовлены на гончарном круге. Подавляющее большинство фрагментов керамики (99, 34 %) принадлежит сосудам, которые были изготовлены и функционировали в период существования древнерусского Глебова в период с конца XII по конец XIV в. Единичными фрагментами представлена посуда, связанная с существованием села Глебово-Городище в эпоху позднего средневековья и Нового времени.

Весь обнаруженный в раскопе керамический материал делится на 10 разнохарактерных и разновременных групп. Примерно две трети обнаруженной керамики составляет посуда, изготовленная из беложгущихся или слабообожженных глин без заметных примесей или очень мелким естественным песком (рис. 2-5). Как правило, это горшки типов 3/1 и 23/ 1 по типологии В.Ю. Коваля, бытовавших на Рязанщине в XIII-XIV вв. Горшки украшались линейным зональным, волнистым или комбинированным линейно-волнистым орнаментом. Ре-

же встречается линейный сплошной и линейный разреженный орнамент. Несколько фрагментов украшено многорядными оттисками прямоугольного или треугольного штампа.

Вероятно, к разряду парадной столовой посуде относится керамика, поверхность которой дополнительно покрывалась белым ангобом (рис. 6-8). Ангобированная керамика насчитывала 520 фрагментов, что оставляло 11, 33 % от всей коллекции керамики. Такая посуда изготавливалась из качественной, как правило, красножгущейся глины без визуально определяемых примесей или с очень мелким, часто редким, вероятно, естественным песком. Белый ангоб наносился, по всей видимости, широкой кистью и покрывал венчик и верхнюю треть сосуда, реже верхнюю половину сосуда. Несколько фрагментов покрыты ангобом в виде пятен аморфной формы и различными брызгами. Встречаются вертикальные подтеки ангоба. Иногда полосы ангоба фиксируются и с внутренней стороны венчика.

Ангобированная посуда, в основном, двух видов. К первому относятся посуда близкая типам 28/1 и 28/5 по классификации В.Ю. Коваля. В Поочье такая посуда бытовала в основном в XIII в., особенно широко в первой половине столетия (*Коваль*, 2014. С. 544). Орнамент данной группы сосудов наносился только по плечу и состоял, как правило, из двух-трех, или четырех-пяти витков линейного разреженного орнамента, выполненных инструментом с округлым или подтреугольным в сечении краем. В некоторых случаях линейный орнамент дополнялся пояском каплевидных вдавлений или тычков по плечу сосуда. Реже встречается орнамент в виде одного витка волны. Какая-то часть сосудов, вероятно и вовсе не орнаментировалась. Диаметры венчиков в пределах 14-18 см, 20-22 см.

Второй тип посуды представлен горшками с прямыми раструбовидными венчиками с плоским или округлым краем часто без заворота чернового края, если же черновой край заворачивался, то он оформлялся в виде маленького приплюсненного валика, венчик, как и у первой группы посуды, тоже часто переходит в тулово через небольшой уступ. По типологии В.Ю. Коваля эта группа ангобированной посуды схожа с типом 12/2 и 22/1-2 (*Коваль*, 2014. С. 542-543). Диаметры устьев таких сосудов в пределах 12-16 см, 21-23 см. Данный тип посуды, как правило, не орнаментировался, в редких случаях, если он и наносился, то представлял собой несколько разреженных витков линейного орнамента, или одним витком мелкой волны.

Помимо горшков ассортимент белоангобированной посуды дополняют небольшие плошки, миски (рис. 6, 1, 2) и черпаки (рис. 9).

Коллекция обнаруженных индивидуальных находок насчитывает 159 единиц. Подавляющее большинство из них (155 предметов) датируются в пределах конца XII-XIV в., то есть временем существования Глебова.

Примерно одну пятую всех индивидуальных находок составляют фрагменты стеклянных браслетов, которые в бытность свою, вероятно, были довольно излюбленным и дешевым женским украшением. Браслеты круглые гладкие и крученые (рис. 10). Внутренний диаметр браслетов варьировался в пределах 5-6 см, в двух случаях 4, 0 см, диаметр стеклянного стержня в пределах 0, 4 – 0, 6 см, редко 0, 8 см. Цветовая гамма браслетов представлена пятью цветами. Преобладал коричневый и бирюзовый, реже встречался желтый, фиолетовый и темно-синий.

Из других украшений можно отметить одну стеклянную и одну керамическую с глазурью бусины (рис. 11), фрагмент бронзового витого браслета (рис. 12, 3), проволочного височного кольца (рис. 12, 4), а также фрагмент перстень-печатки с круглым в плане щитком (рис. 13, 2). Щиток по краю украшен линией ложной зерни, центральное изображение в виде животного, идущего влево. Коллекцию изделий из цветного металла дополняют бронзовое ушко от котелка (рис. 12, 1) и фрагмент круглого в плане вогнутого подсвечника из белого металла, диаметром около 6 см (рис. 12, 2).

Интересна находка товарной пломбы с геральдическими знаками (рис. 13, 1). Пломба свинцовая овальная в плане с двумя противоположными небольшими выемками в месте канала для шнура. С одной стороны изображен якореподобный крест и часть, предположи-

тельно, перевернутого знака Рюриковичей в виде двузубца прямоугольного очертания с отрогом, на оборотной стороне изображение буквы «В» с двумя точками внутри.

Значительную долю находок составляли изделия из железа. В основном это предметы хозяйственного и домашнего инвентаря: строительно-крепежные гвозди, скобы, дужки от ведер, черешковые ножи (рис. 14). С производственной деятельностью связаны два инструмента: пинцет (рис. 15) и пробой по металлу.

Из изделий из камня можно отметить пряслице из пиррофиллитового сланца, фрагмент каменного крестика, кресальные камни, оселок, фрагменты известняковых жерновов.

Единственной находкой из кости представлен фрагмент рукояти ножа (рис. 16), все стороны которого орнаментированы циркульным орнаментом в виде кружка с точкой в центре, при этом две противоположные стороны украшены одним рядом таких кружков, а две другие - двумя рядами кружков, расположенных в шахматном порядке.

К массовым находкам такие можно отнести такие важные категории артефактов, как железные шлаки, фрагменты плинфы, куски печины и кости.

На близость некоего производственного сооружения, предположительно, конца XIII-XIV в., связанного с железоделательным и/или железообрабатывающим делом указывает значительное количество железных шлаков (292 ед.), общий вес которых составил 11 кг. Самые мелкие кусочки железного шлака имели размеры 12 x 15 мм, 28 x 23 мм, 29 x 25 мм, самые же крупные экземпляры шлаков достигали размеров 125 x 94 мм, 90 x 63 мм, 100 x 74 мм, 89 x 77 мм и 87 x 92 мм. Большинство шлаков мелких и средних размеров, они имеют аморфную форму, единичные имеют вид шлаковой лепешки плоско-выпуклой формы.

В ходе работ на участке 8 было обнаружено 45 фрагментов плинфы розового или бледно-розового цвета, все без следов раствора. Большинство фрагментов сильно фрагментированы, что затрудняет восстановить размеры целого изделия. Тем не менее, присутствуют несколько экземпляров, по которым можно определить толщину изделия, которая составляла 3,0 см.

Фрагменты глинобитных печей, куски прокаленной и обожженной глины встречались повсеместно в культурном слое раскопа и происходили в разном объеме из практически всех материковых ям исследованного участка. Данная категория находок изготовлена, в основном, из ожелезненной глины, в которую часто добавляли траву или рубленую солому. Общее количество находок такого типа из раскопанного участка насчитывает 1564 фрагмента. Некоторые из крупных фрагментов обмазки печи имели прямую плоскую довольно ровную заглаженную поверхность. В ряде случаев с внешней стороны обмазки хорошо читаются отпечатки от волокон деревянной доски, выступавшей, видимо, в виде некой деревянной опалубки при конструировании тела печи. Несколько фрагментов печины были покрыты тонким слоем раствора белого или белесого цвета, что указывает на то, что печь полностью или какая-то ее часть в бытность свою была побелена.

Встречаются фрагменты печной обмазки, которые имеют на своей плоской или закругленной поверхности отпечатки тканей простого полотняного переплетения. При этом встречаются отпечатки как грубой ткани типа дерюги или мешковины, так и ткани, изготовленной из тонкой пряжи. Наличие подобных фрагментов, вероятно, указывает на использование тканого полотна для армирования печной штукатурки при ее изготовлении или подновления.

Остеологическая коллекция, полученная в ходе раскопок насчитывает 583 костей различной сохранности. Особенностью данной коллекции стало наличие в ней костей рыб, особенно осетровых, выделению которых позволили характерные для них кости (жучки, плавниковые шипы, кости головы). Предварительный анализ костного материала показал, что основу коллекции составляют кости домашних млекопитающих и птиц, тогда как кости ихтиофауны составляли всего 6,17 %.

В целом, полученный в ходе раскопок на участке 8 керамический и вещевой материал характеризует развитый этап существования средневекового Глебова, жизнь которого по археологическим данным затухает в самом конце XIV в.

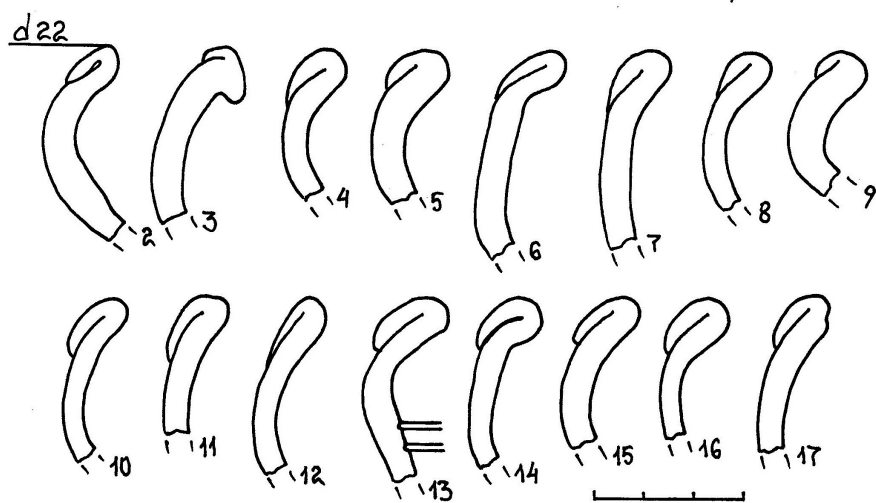
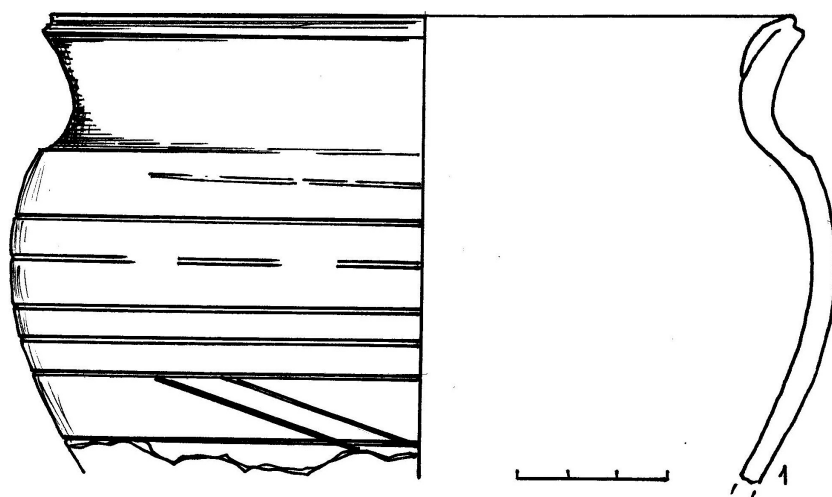

Рис. 3. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Круговая посуда XIII-XIV вв.

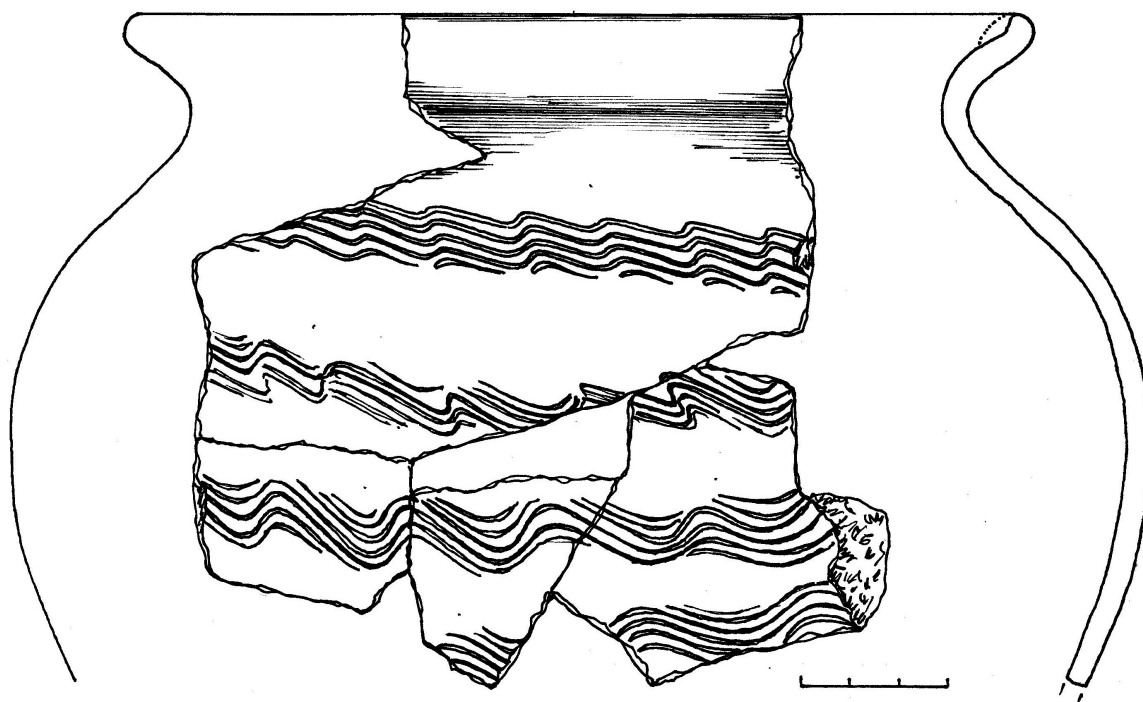

Рис. 4. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Круговая посуда XIII-XIV вв.

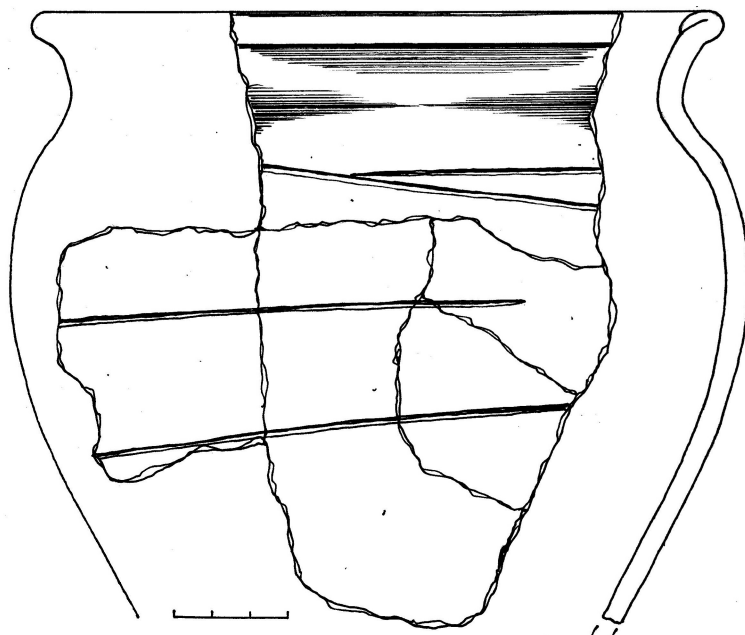

Рис. 5. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Круговая посуда XIII-XIV вв.

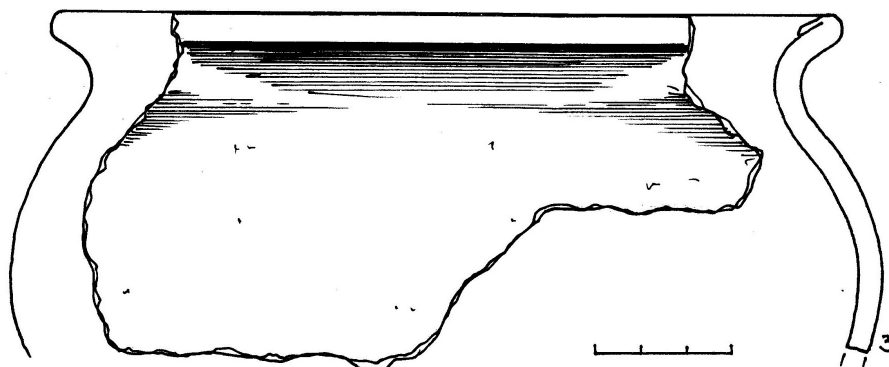
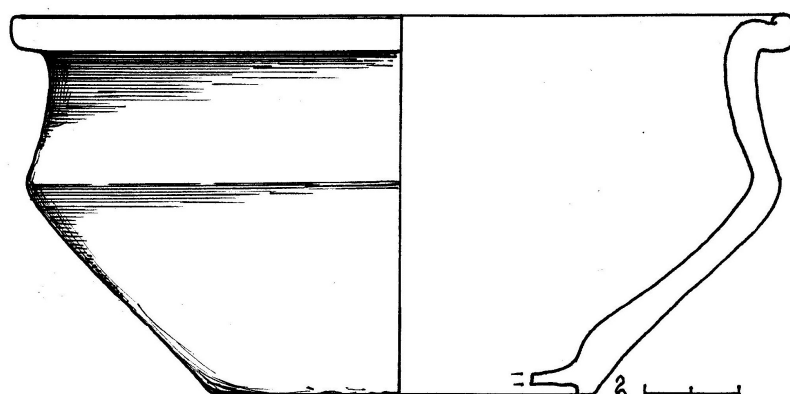
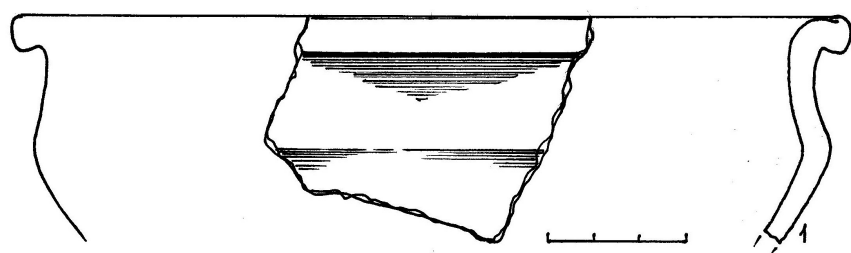

Рис. 6. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Белоангобированная посуда XIII в.

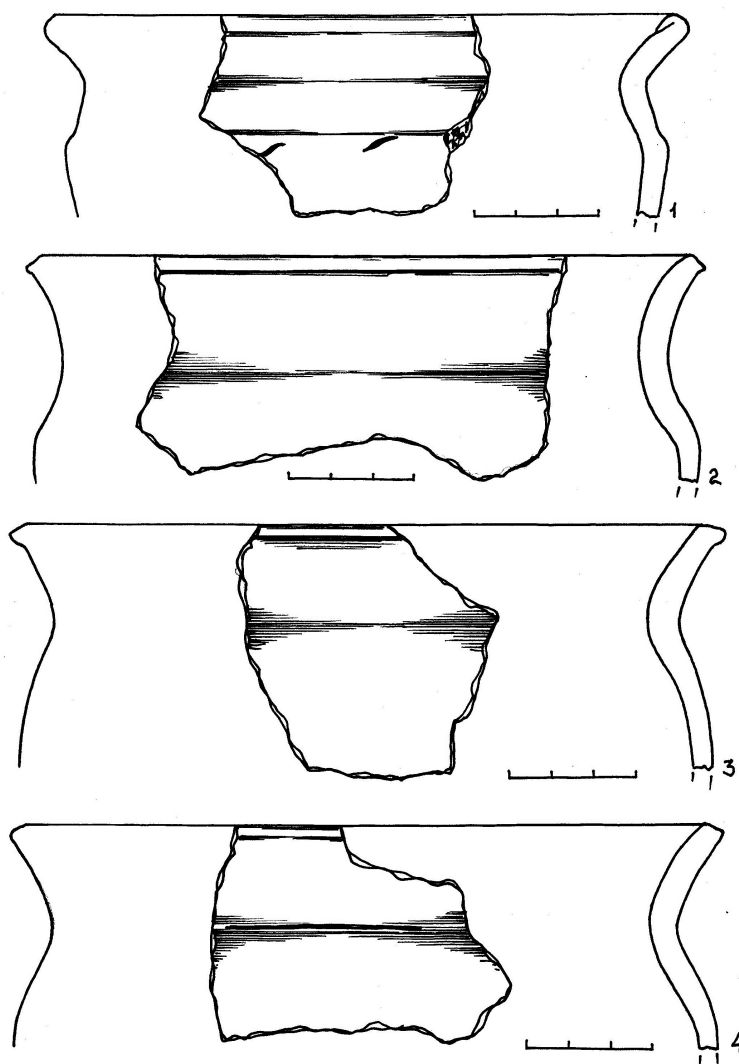

Рис. 7. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Белоангобированная посуда XIII в.

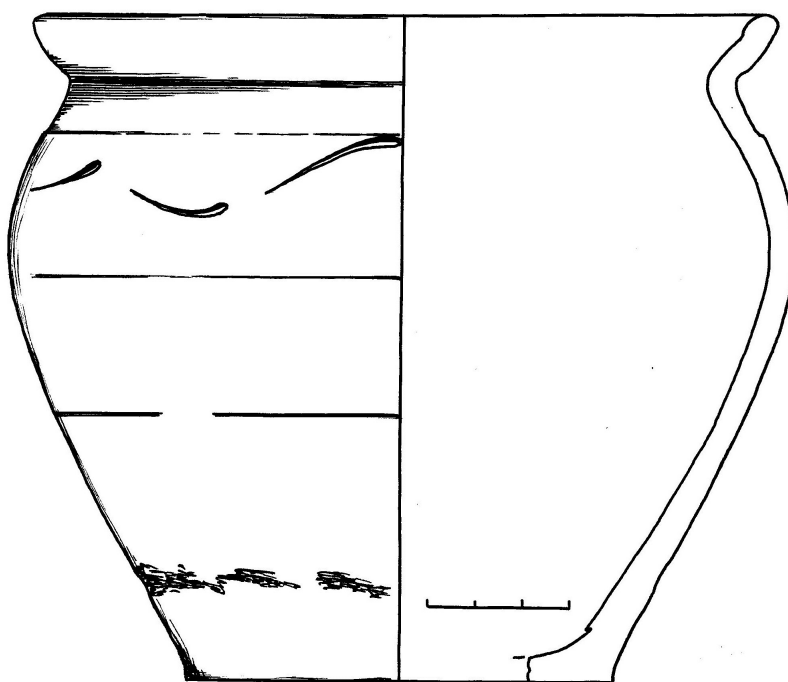

Рис. 8. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Белоангобированная посуда XIII в.

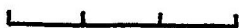

Рис. 9. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Белоангобированная посуда XIII в.

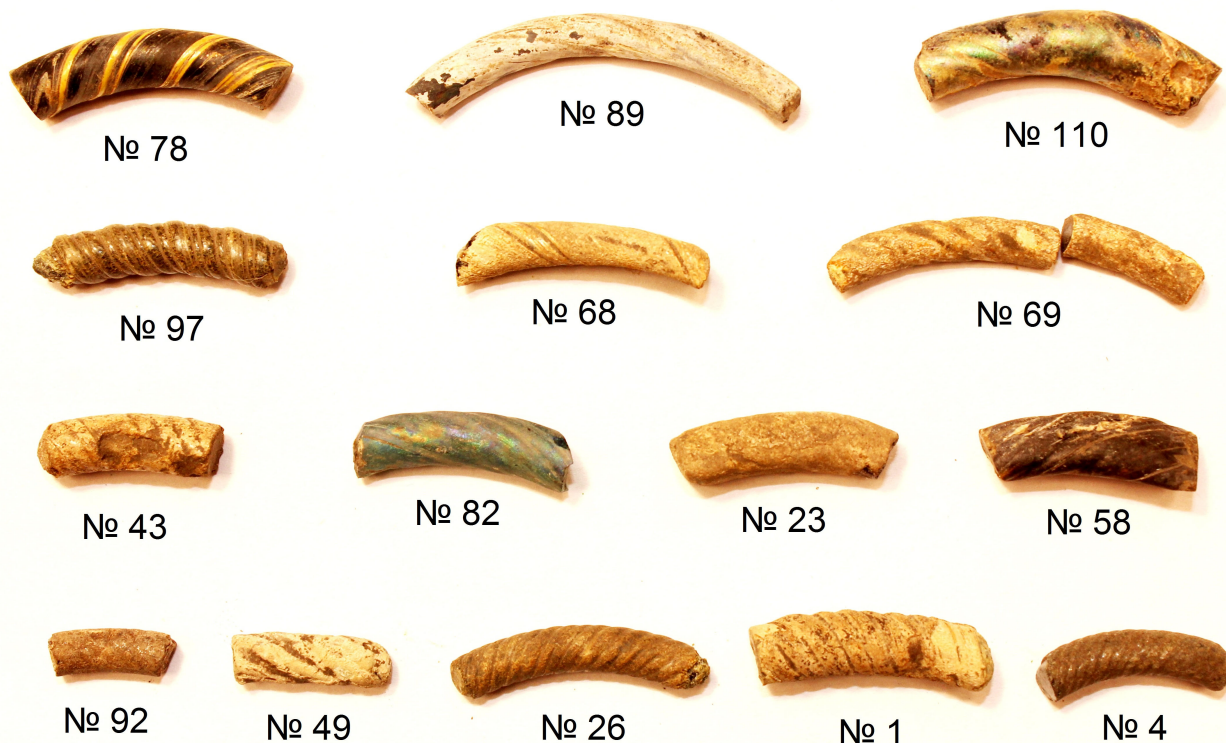

Рис. 10. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Фрагменты стеклянных браслетов

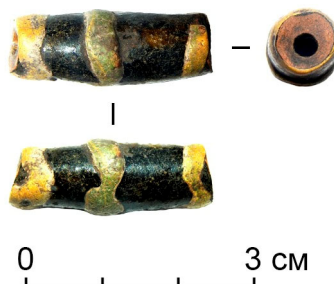

Рис. 11. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Поливная керамическая бусина

Рис. 12. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Изделия из цветного металла

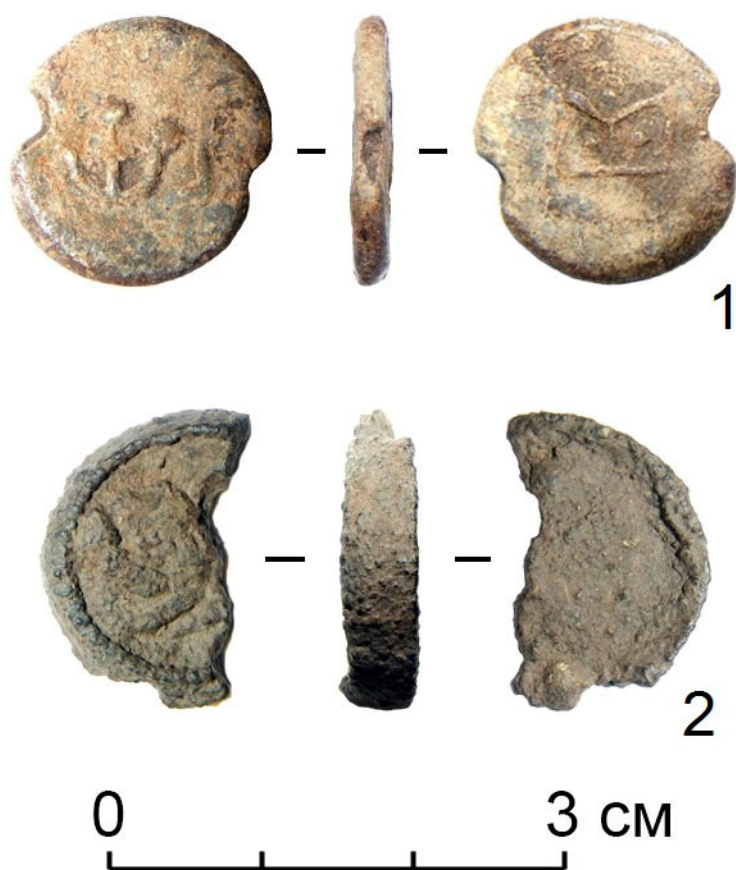

Рис. 13. Глебово-Городище северный посад.
Раскоп 3, участок 8. Изделия из цветного металла

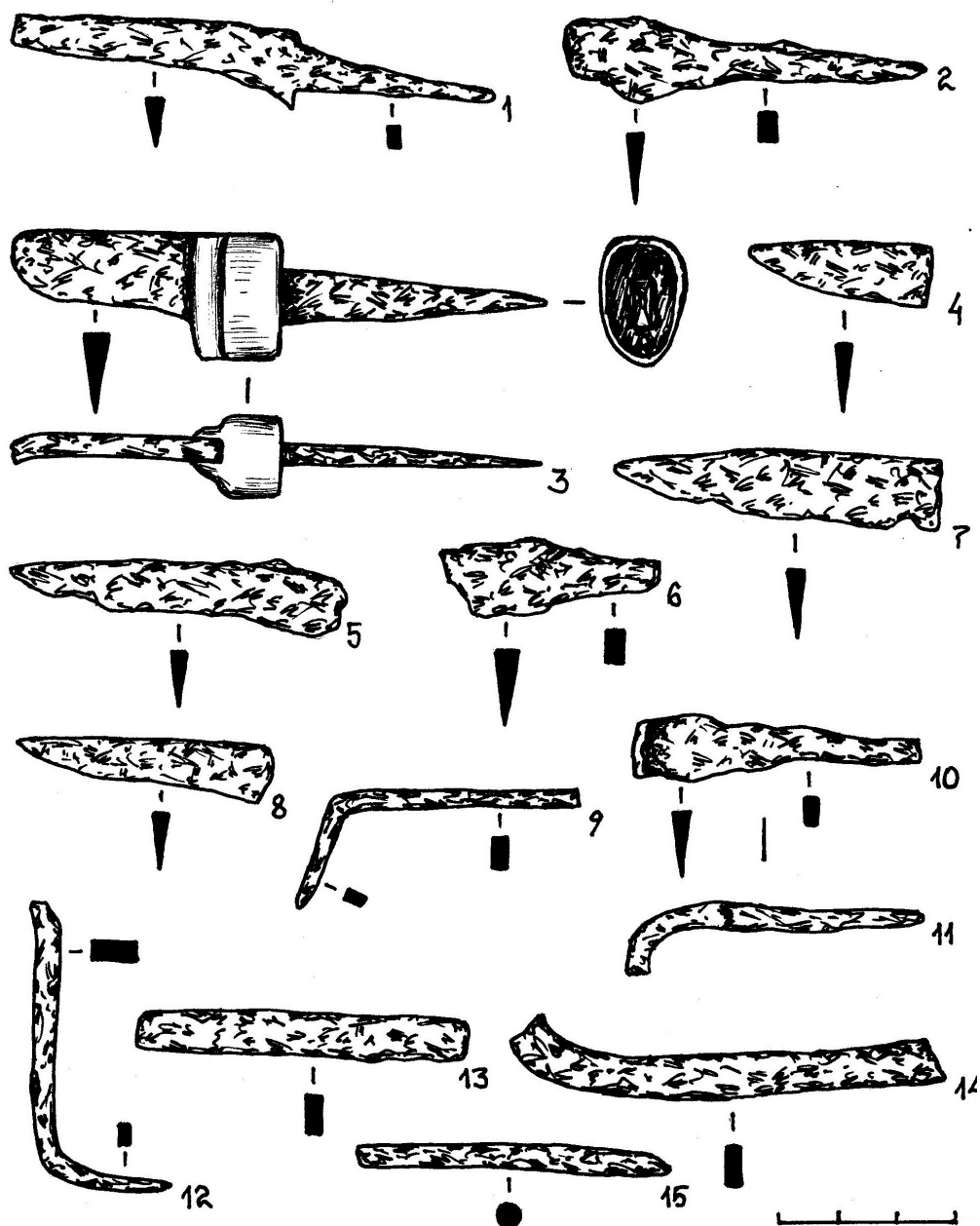

Рис. 14. Глебово-Городище северный посад. Раскоп 3, участок 8. Изделия из железа

Рис. 15. Глебово-Городище северный посад. Раскоп 3, участок 8. Железный пинцет

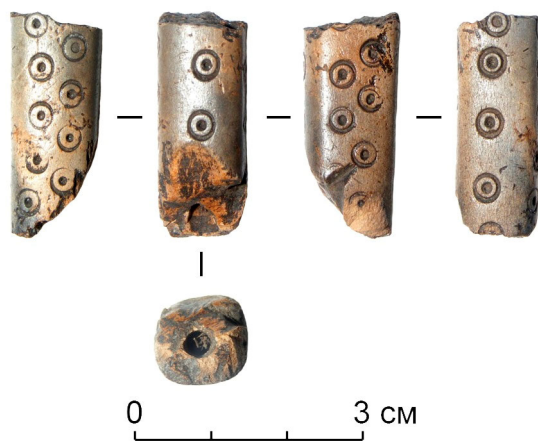

Рис. 16. Глебово-Городище северный посад. Раскоп 3, участок 8. Фрагмент костяной рукоятки

ИСТОРИЯ

И.Ж. Рындин

Дворянское землевладение в Рязанском крае в конце XVIII – первой половины XIX вв.

Аннотация. В статье рассматривается развитие дворянского землевладения с конца XVIII в. до первой половины XIX в. Приводится стратификация помещичьих хозяйств по душевладению, размеру имений и другим характеристикам.

Ключевые слова: дворянство, дворянское землевладение, дворянские роды, Рязанское наместничество, ревизии, однодворцы.

Основу благосостояния дворянства составляло крепостное землевладение. Генеральное межевание способствовало дальнейшему расширению землевладения дворянства. Наряду с укреплением прав дворян на землю шёл процесс расширения дворянского землевладения: путём пожалований из фонда дворцовых и чёрных земель, колонизации свободных земель на окраинах, насильственного захвата земель черносошных крестьян и ясачных людей.

С середины XVIII века южные окраины Рязанского края становятся тыловым регионом и часть крупных землевладельцев перемещается в Тамбовский и Воронежские регионы России.

Поскольку все земли южнее Переяславля Рязанского были уже заняты помещиками, правительство стало жаловать поместья в т.н. «Диком Поле» – большом пространстве плодородных земель, находящихся южнее линии Скопин – Ряжск. Часть этих земель составили Данковский и Раненбургский уезды Рязанского наместничества. Для эпохи Рязанского наместничества характерно наибольшее распространение крупного дворянского землевладения в его южных уездах.

В XVIII в. крупнейшими центрами по земле- и душевладению были Шацкий и Ряжский уезды¹. В XVIII в. на южных рубежах Рязанского края поместьями владели крупнейшие землевладельцы России: князья Черкасские, Нарышкины, князья Голицыны, князья Долгоруковы, Головины, Бутурлины, князья Волконские, князья Урусовы, князья Хованские, князья Барятинские и Волынские.

В среднем на одно поместье в Рязанской губернии приходилось 500 десятин и 70 душ крепостных крестьян. В имущественном плане дворянство делилось на мелкопоместное, среднепоместное и крупнопоместное. Богатство определялось в дореформенную эпоху не количеством земли в поместье, а числом крепостных душ. Мелкопоместными считались владельцы менее 100 душ, среднепоместными – 100–500 душ. Были крупнейшие землевладельцы, которые имели десятки поместий по всей России, в том числе и в Рязанской губернии (Шереметьевы, Нарышкины, Воронцовы, Юсуповы, Гагарины, Долгорукие, Демидовы, Измайловы, Чернышевы, Шуваловы, Волконские, Воейковы и другие). Они, как правило, большую часть времени проводили в столицах, редко посещая свои поместья в разных частях страны, в некоторых из них не побывав ни разу за всю жизнь.

Так, князь С.С. Гагарин передал своим двум сыновьям по наследству в 1798 г. более 14 тыс. крепостных в 14 имениях, расположенных в Рязанской, Тамбовской, Тульской, Московской, Тверской, Казанской и Владимирской губерниях. Те из крупных дворян, кто находился в отставке, как и среднепоместное дворянство, по традиции зимнее время проводили в Москве, разъезжаясь по имениям на летнее время. Постоянно жили на территории губернии, в основном, мелкие, и отчасти, средние дворяне.

По количеству помещиков Рязанская губерния в 1782 г. занимала 3 место в империи. По Генеральному межеванию земель, проводившемуся в Российской империи с 1766 года по начало XIX века, в 1770-е годы из всей площади Рязанской губернии в 3480 тысяч десятин земли помещики владели 2249 тысячами десятин, или 61 % земли. Им же

принадлежало 68 % рязанской пашни – 1148 тысяч десятин из ее общей площади в 1654 тысячи десятин.

В Елатомском уезде помещики владели 241 тысячей десятин земли (66,6 %) и 104 тысячами десятин пашни (93 %), в Шацком уезде – 316 тысяч десятин (82,3 %) и 107 тысяч десятин пашни (83,6 %) соответственно.

Согласно данным V ревизии, в 1794 году в Рязанской губернии было 7793 помещичьих имения.

По данным дворянских ревизских сказок за 1788 г. в Рязанском наместничестве выявляются дворянские роды, которые были внесены в ДРК Рязанской губернии или после 1800 г., или вообще не были внесены по различным причинам.

В таблице 3.1. приведены данные по имениям рязанских помещиков на 1788 г. некоторых рязанских родов представленных в дворянских сказках. Курсивом показаны дворянские роды, не внесенные в ДРК Рязанской губернии; жирно и курсивом показаны роды, внесенные в ДРК Рязанской губернии после 1800 г.

Таблица 3.1. Данные по имениям рязанских помещиков по количеству мужских душ на 1788 г.

Помещики	Число душ мужского пола по имениям и общее их число у одного владельца	Уезд
Алабины	7	Михайловский
Алабины	2	Михайловский
Алабины	4	Пронский
Алабины	10	Скопинский
Алабины	3	Пронский
<i>Князя Бабичевы</i>	14	Данковский
<i>Князя Барятинские</i>	137	Данковский
<i>Бибиковы</i>	153	Данковский
	33	Данковский
	Всего 186	
<i>Булатовы</i>	1	Пронский
<i>Булатовы</i>	22	Пронский
Бурцевы	356	Рязский
	365	Рязский
	Всего 721	
Бурцевы	68	Пронский
Бурцевы	183	Пронский
	33	Пронский
	26	Пронский
	14	Пронский
	6	Пронский
	26	Пронский
	Всего 288	
Вердеревские	13	Пронский
Вердеревские	66	Пронский
	5	Пронский
	86	Пронский
	84	Пронский
	Всего 242	
Вердеревские	48	Михайловский
	13	Михайловский
	41	Егорьевский
	Всего 102	

Вердеревские	19 8 125 93 29 87 Всего 361	Рязанский Рязанский Ряжский Рязанский Рязанский Михайловский
Вердеревские	57	Сапожковский
Вердеревские	32 29 24 48 13 41 Всего 187	Рязанский Скопинский Касимовский Михайловский Михайловский Егорьевский
Вердеревские	32 29 24 6 Всего 91	Рязанский Скопинский Касимовский Михайловский
Веселкины	1	Зарайский
Князья Волконские	24 260 110 29 100 47 Всего 570	Михайловский Пронский Пронский Пронский Рязанский Рязанский
Князья Волконские	24	Михайловский
Князья Волконские	81 34 Всего 114	Рязанский Данковский
Князья Волконские	87 41 39 Всего 167	Рязанский Пронский Данковский
Князья Волконские	66 26 52 53 17 21 107 28 93 Всего 463	Пронский Пронский Пронский Скопинский Скопинский Данковский Данковский Ряжский Ряжский
Князья Гагарины	72 71 172 Всего 315	Зарайский Михайловский Ряжский
Князья Гагарины	314	Зарайский
Князья Гагарины	183	Михайловский

	226 87 82 170 Всего 748	Михайловский Михайловский Михайловский Михайловский
Князья Гагарины	55	Михайловский
Князья Гагарины	100	Рязский
Князья Гагарины	164	Михайловский
Князья Гагарины	16 18 Всего 34	Михайловский Михайловский
Князья Гагарины	64	Пронский
<i>Говоровы</i>	30	Рязанский
<i>Говоровы</i>	4	Пронский
Голицыны	7 6 Всего 13	Пронский Пронский
Голицыны	3 6 Всего 9	Пронский Пронский
<i>Дмитриевы-Мамоновы</i>	173 90 Всего 263	Михайловский Пронский
<i>Дмитриевы-Мамоновы</i>	205	Михайловский
<i>Князья Друцкие</i>	63 65 Всего 128	Михайловский Михайловский
<i>Дубовицкие</i>	5 2 Всего 7	Рязский Рязский
<i>Дувановы</i>	9	Пронский
<i>Екимовы</i>	4	Рязанский
<i>Елчины</i>	17	Данковский
Елшин	5	Михайловский
Елшин	7	Михайловский
Елшин	10	Михайловский
Еропкины	7	Рязский
Еропкины	2 6 Всего 8	Скопинский Пронский
Еропкины	15	Зарайский
Еропкины	16	Рязский
Еропкины	37	Рязанский
Еропкины	26	Скопинский
<i>Змеевы</i>	38	Михайловский
<i>Иванеевы</i>	1	Пронский
Измайловы	132	Михайловский
Измайловы	803	Михайловский
<i>Катин-Ярцевы</i>	2	Михайловский
Коноплины	37	Данковский
<i>Костенковы</i>	2	Рязанский

Князья Кропоткины	10	Рязанский
Князья Кропоткины	9	Зарайский
Князья Кропоткины	5 15 Всего 20	Зарайский Зарайский
Кузьмины	25 6 Всего 31	Данковский Данковский
Кузьмины	16	Данковский
Кученевы	6	Михайловский
Лихаревы	33	Сапожковский
<i>Логвеновы</i>	13	Пронский
<i>Дупандины</i>	1	Касимовский
<i>Любавские</i>	11	Рязанский
Марковы	1	Пронский
<i>Муратовы</i>	4 4 Всего 8	Михайловский Михайловский
<i>Князья Оболенские</i>	157	Зарайский
Полянские	5	Михайловский
Потуловы	20	Пронский
Потуловы	34 4 Всего 38	Михайловский Михайловский
<i>Ржевские</i>	106 40 Всего 146	Михайловский Михайловский
<i>Ржевские</i>	6	Пронский
<i>Савостьяновы</i>	2	Рязанский
<i>Савостьяновы</i>	2	Скопинский
Семеновы	20	Пронский
Соболевы	19	Михайловский
Соболевы	16 18 Всего 34	Михайловский Михайловский
Соболевы	62	Михайловский
Соколовы	2	Пронский
Сульменевы	2	Зарайский
Сунбуловы	66 75 Всего 141	Зарайский Михайловский
Сунбуловы	15	Зарайский
Сунбуловы	13	Михайловский
Сунбуловы	51 13 5 Всего 69	Михайловский Михайловский Михайловский
Тишениновы	2	Михайловский
<i>Токаревы</i>	15 45 Всего 60	Пронский Рязанский

<i>Трухачевы</i>	73	Михайловский
<i>Турмышевы</i>	2	Пронский
<i>Турмышевы</i>	2	Сапожковский
<i>Федутиновы</i>	4	Рязский
<i>Федцовы</i>	3 4 Всего 7	Зарайский Зарайский
<i>Федцовы</i>	13	Зарайский
<i>Федцовы</i>	20	Рязский
<i>Харламовы</i>	5 2 Всего 7	Данковский Данковский
Чевкины	8	Рязский
<i>Князья Черкасские</i>	817	Егорьевский
Чернышевы	42 11 Всего 53	Спасский Раненбургский
Чернышевы	42 57 5 14 6 11 Всего 125	Рязский Скопинский Скопинский Скопинский Скопинский Сапожковский
<i>Чувиковы</i>	8	Рязский
Шлыковы	13	Пронский
<i>Щетинины</i>	33	Пронский
<i>Щетинины</i>	35 40 Всего 75	Спасский Спасский
<i>Яблочковы</i>	20	Касимовский

Как видно из таблицы, из 183 имений произвольной выборки только 23 можно отнести к среднепоместным по количеству принадлежащих им душ, что составляет примерно 12,6 % от общего числа. 2 имения (Измайловых и князей Черкасских) относятся к крупным. Они составляют 1 % от общего числа выбранных нами имений. Мелкопоместными, таким образом, являлись 86,4 % землевладельцев.

Эти цифры сопоставимы с общим числом среднепоместных имений по Рязанской губернии в целом.

Таблица 3.2. Стратификация помещиков
по числу принадлежащих им крепостных на 1788 г.

Помещики с числом кре- постных	До 20	21–100	101–500	501–1000	Всего
Помещики	53 %	23 %	19,4 %	4,6 %	100 %
Крепостные	5 %	12,9 %	44,5 %	37,6 %	100 %

Отсутствие в данной таблице помещиков, владеющих свыше 1000 душ крепостных, объясняется тем, что в дворянских сказках 1788 г. регистрировались только лица, проживающие в Рязанском наместничестве. Владельцы же крупных имений постоянно проживали в С.-Петербурге и Москве.

На территории, вошедшей в состав Рязанской губернии во второй половине XVIII в., около 9/10 душевладельцев относилась к мелким. Кроме того, существовал слой помещиков,

не имевших крестьян вовсе. Дробление имений между наследниками и развитие товарно-денежных отношений приводили к уменьшению размеров душевладения подавляющего числа дворян.

К концу XVIII столетия почти половина рязанских помещиков имела не более чем по 10 душ. Измельчение имений лишало часть дворян возможности вести полноценное помещичье хозяйство, доводило до нищеты. Для таких военная служба была возможностью если не избежать деклассирования, то обеспечить себя источником существования за счет достойного дворянина занятия. Массовые отправки рязанских дворян на службу были объективно обусловлены начавшимся разложением феодально-крепостнической системы хозяйства.

Значительная часть рязанских помещиков совсем не имела крепостных душ. К 1788 г. часть из них попала в однодворческое сословие, занимающее промежуточное положение между дворянами и государственными крестьянами. В дальнейшем те из однодворцев, что продолжали служить государству, были возвращены «в первобытное дворянское состояние», однако, большая их часть, не находящаяся на службе, слилась с государственными крестьянами. В ревизских сказках 1788 г. содержатся данные обо всех землевладельцах, которыми в то время могли быть только дворяне. Таким образом, однодворцы в них переписаны наравне с владельцами крепостных душ, что позволяет выделить большой слой населения, находящегося на переходной стадии из дворянства в государственные крестьяне. Ниже приводятся мелкопоместные и однодворческие роды, упоминаемые в дворянских сказках 1788 г., большая часть которых в дальнейшем оказалась за пределами сложившегося дворянского сословия.

Таблица 3.3. Мелкопоместные и однодворческие дворянские роды, не внесенные в ДРК Рязанской губернии, но владевшие поместьями в 1788 г.

Наименование рода	Населенный пункт, где располагались родовые владения
Агибаловы	село Осипово Михайловского уезда
Алтуфьевы	д. Трибунки Данковского уезда
Арбузовы	село Мордвиново Ряжского уезда
Асановы	село Борки Касимовского уезда
Белковы	деревня Летово Скопинского уезда
Булатовы	д. Малое Спицыно Пронского уезда
Бехтеевы	д. Селянчуково Касимовского уезда
Бологовские	сельцо Зимницы Зарайского уезда и сельцо Ходяиново Михайловского уезда
Булушевы	д. Лузгаренская Егорьевского уезда
Гольские	д. Городецкая Пронского уезда
Катовы	д. Дерюжкино Пронского уезда
Лопухины	д. Зубово Касимовского уезда
Малеевы	д. Косая Пронского уезда
Минеевы	с. Подлипки Касимовского уезда
Новосильцевы	д. Белая Касимовского уезда, д. Шестово и Надеево Егорьевского уезда
Першины	д. Старое Киркино Михайловского уезда
Скуратовы	сц. Клишино Зарайского уезда
Соседовы	село Знаменское, д. Гремячки Ряжского уезда и д. Рог Колузенский Скопинского уезда
Спасские	с. Шишкино и д. Добрытино Пронского уезда

Как уже было сказано выше, часть однодворческих родов, представители которых не состояли на статской или военной службе, так и не была причислена к дворянскому сословию и влились в состав государственных крестьян. Среди них значительным было число та-

тарских мурз, часть из которых, кроме того, пополнили ряды купеческого сословия. В приведенной ниже таблице татарские роды показаны курсивом.

Таблица 3.4. Однودворческие роды, подававшие прошение в Рязанское дворянское собрание о причислении к дворянству, но по различным причинам не причисленные к дворянскому сословию по состоянию на начало 1800 г.

Наименование рода	Населенный пункт, где располагались родовые владения
<i>Баскаковы</i>	д. Карачурино Касимовского уезда
<i>Безгляновы</i>	д. Хомутская Ряжского уезда
Дымовы	с. Бараково Скопинского уезда
Ишины	с. Таптыково Сапожковского уезда
<i>Кутлубулатовы</i>	с. Подлипки Касимовского уезда
<i>Маматказины</i>	д. Ейск Касимовского уезда
<i>Минеевы</i>	д. Тимешово Касимовского уезда
Неретины	с. Покровское и д. Аленки Раненбургского уезда
Покидышевы	с. Мурзинки Скопинского уезда
Сталковские	д. Сталковская Ряжского уезда
<i>Сюндюковы</i>	с. Подлипки Касимовского уезда
<i>Таккозины</i>	с. Тарбеево Касимовского уезда
Толпыгины	д. Рыково Скопинского уезда
<i>Чанышевы</i>	с. Тимешево Касимовского уезда
<i>Шакаевы</i>	д. Кулчуково Касимовского уезда
<i>Ширинские</i>	д. Баишево Касимовского уезда
<i>Ялымовы</i>	д. Сафоново Касимовского уезда

Из приведенных таблиц видно, что для Рязанского наместничества (затем Рязанской губернии), было характерно преобладание по численности мелкопоместных и однودворческих родов. Такое соотношение сложилось еще в тот период, когда Рязанский край занимал пограничное положение в Русском государстве, отчего возникала необходимость наделения здесь поместьями большого числа служилых людей. Частые набеги крымских татар и значительные потери среди служилого сословия обусловили привлечение в состав служилых землевладельцев представителей других сословий, включая казаков, крестьян, посадских и иностранцев.

В период Рязанского наместничества сформировалось и крупное землевладение. Это обусловлено тем, что в XVIII в. Рязанский край из пограничного превратился в тыловой регион Российского государства, где можно было развивать сельское хозяйство, особенно на юге края, не опасаясь разорительных набегов соседей.

Поскольку все земли южнее Переяславля Рязанского были уже заняты помещиками, правительство жаловало поместья в т.н. «Диком Поле» – большом пространстве плодородных земель, находящихся южнее линии Скопин – Ряжск. Часть этих земель составили Данковский и Раненбургский уезды Рязанского наместничества. Для эпохи Рязанского наместничества характерно наибольшее распространение крупного дворянского землевладения в его южных уездах.

Как правило, в одном сельском населенном пункте проживали 2–3 помещика. Были случаи, когда в одном селении владельцами имений являлось до 20 помещиков. Такая традиция в Рязанском крае существовала еще в XVI–XVII вв. Редко все крестьяне селения принадлежали одному помещику. Это являлось следствием раздачи земельных дач служилым людям и многочисленными перекрестными брачными связями между ними.

Так, в 1797 г., по данным 5-й ревизии и «Экономических примечаний к Планам генерального межевания, в сельце Павловское Сапожковского уезда Рязанской губернии имелось 36 дв., в к-рых проживали 172 души мужского и 162 женского пола. В числе помещиков и землевладельцев сельца значились: майорша Александра Сергеевна Головина

(11 дворов, 55 муж. и 54 жен. душ); поручица Ольга Аникеевна (2 двора, 9 муж. и 9 жен. душ) и дети ее, капитан Михаил Иванович (2 двора, 12 муж. и 11 жен. душ) и поручик Иван Иванович (2 двора, 11 муж. и 10 жен. душ), Суздальцевы; подпоручик Александр Васильевич (2 дв., 11 муж. и 10 жен.) и девица Евдокия Александровна (1 двор, 2 муж. и 2 жен. душ) Тарбеевы; прапорщик Николай Дмитриевич и жена его, Мария Васильевна (1 двор, 4 муж. и 4 жен. душ), Лошаковы; вахмистр Яков Федорович Можаров (1 двор, 1 муж. и 1 жен. душа); помещица Дарья Федоровна Шатилова (1 двор, 1 муж. и 1 жен. душа); а также коллежский советник Федор Федорович Савостьянов; капитанша Анастасия Семеновна и девица Елизавета Васильевна Панферовы; капитан Михаил Григорьевич, поручик Кирилл Григорьевич, подпоручик Николай Иванович, капитанша Вера Ермолаевна, помещица Василиса Семеновна, недоросль Андрей Егорович, капитанша Акинья Изосимовна, прапорщик Василий Фролович, прапорщик Егор Васильевич и дворянин Матвей Васильевич Соловые; капитан Осип Трофимович, капитанша Надежда Петровна, подпоручик Аким Васильевич, прапорщик Исая Алексеевич и девица Евфимия Никитична Фроловы; подпоручик Тимофей Наумович Карандеев; подпоручица Евдокия Ивановна Кондырева; подпоручица Евдокия Ивановна, прапорщик Сергей Изосимович и малолетние дети его Нил, Павел, Александра и Любовь Сергеевичи, Ремезовы; подпоручица Александра Ивановна Симонова; прапорщик Михей Филатович Полубояринов; вдова прапорщица Прасковья Наумовна и дочь ее, Пелагея Васильевна, Лошаковы; дворяне Семен Прохорович, Ефрем Романович, Василий, Иов и Платон Ивановичи, Яков и Петр Павловичи, девица Агафья Яковлевна и Михаил Спиридонович Ретюнские.

По данным той же ревизии с. Тынорская Слобода Спасского уезда Рязанской губернии насчитывались 303 дворов, в которых проживали 1776 душ мужского и 1707 женского пола. На момент проведения межевания в числе землевладельцев межевой дачи села Тынорская Слобода значились общество государственных крестьян, отписанных в Казенное ведомство от фабриканта А.И. Девяткина (21 двор, 94 мужских и 94 женских душ); церемониймейстер граф Федор Гаврилович и его жена, Наталья Петровна (106 дворов, 625 мужских и 610 женских душ) Головкины; генерал-майорша княгиня А.В. Гагарина (103 двора, 615 мужских и 602 женские души); подпоручик Д.П. Евреинов (32 двора, 202 мужских и 190 женских душ); поручица П.М. Карцева (14 дворов, 84 мужских и 75 женских душ); генерал-лейтенант П.И. Измайлов (13 дворов, 78 мужских и 72 женские души); помещики Иван (4 двора, 18 мужских и 15 женских душ) и подпоручик Тимофей (2 двора, 7 мужских и 6 женских душ) Николаевичи Рахманиновы; надворный советник П.П. Левашов и его дети, поручик Николай (1 двор, 5 мужских и 3 женские души) и девица Анна (2 двора, 17 мужских и 12 женских душ) Петровици Левашевы; гвардии прапорщица А.П. Макашева (3 двора, 19 мужских и 15 женских душ); вдова А.А. Рахманинова (1 двор, 7 мужских и 6 женских душ); подпоручик В.М. Лызлов (1 двор, 5 мужских и 4 женские души); а также генерал-майорша княг. М.П. Мещерская, генерал-майор С.А. Олсуфьев, капитанша А.А. Белелюбская, прапорщик А.А. Мосолов и помещица Ф.А. Нестерова².

Сельцо Ибреть Спасского уезда в 1850-е годы принадлежала сразу пяти помещикам (А.П. Запольскому, А.И. Колемину, А.М. и Е.М. Смольяниновым и В.И. Смольянинову). Кроме того, часть дач сельца состояла во владении казенных крестьян. По данным подворной переписи 1886 д. Ибреть имелось пять крестьянских обществ, по числу бывших помещиков.

Таких примеров можно привести много.

Похожая ситуация имела и в соседних губерниях. Так, по данным 3-й ревизии по с. Толстые Ольхи Тамбовской губернии владельцами земли показаны 14 помещиков. В то же время часть крестьян этого селения относилось к категории вольных хлебопашцев³. На момент отмены крепостного права бывшие крепостные крестьяне села Толстые Ольхи были разделены на 15 сельских обществ, по числу бывших помещиков⁴.

Дворянские сказки 1788 и последующих годов – очень объемный документ. Особенно много информации содержат первые годы дворянской переписи, т.е. за 1788–1799 годы. По-

этому для анализа целесообразно взять дворянские сказки за 1800 год, к примеру, по Рязанскому уезду⁵. Из 241 помещика, упомянутого в сказках, с учетом имения жен (а иногда и старших сыновей), менее 10 душами мужского пола владели 89 помещиков, от 10 – до 50 душ – 64, от 50 до 100 душ – 21, свыше 100 душ – 34 человека. Не показано душ вовсе у 33 дворян.

Таким образом, к мелким землевладельцам в Рязанском уезде в 1800 г. можно отнести 85,9 % дворян. Остальные 14,1 % относились к средним.

При этом надо иметь в виду, что некоторые помещики владели имениями в других уездах Рязанской губернии и даже в других губерниях. Так Павел Петрович Титов, проживающий в селе Новики Рязанского уезда, показанный вовсе без душ, был совсем не мелким землевладельцем. За его родителями в 1800 году состояло 260 душ мужского пола в Калужской губернии и 65 душ в Московской губернии. Часто в дворянских сказках указывалась и девичья фамилия жены помещика, что позволяет проследить пути перехода дворянских имений по родственным связям помещика.

В результате обмельчания дворянских имений в Рязанском уезде к концу XVIII века крупным землевладельцам стали принадлежать всего 39 % крепостных крестьян, против 74 % в 1700 году. В Данковском уезде эти цифры составляли, соответственно, 58 и 80 %, в Касимовском уезде – 36 и 80 %, в Рязском уезде – 32 и 71 %.

С начала XVIII в. южнее этих земель стали раздаваться крупные поместья столичной знати. До 1796 г. в Рязанском наместничестве поместья получили князья Волконские, Гагарины, Голицыны, Кропоткины, Щетинины, графы Остерманы и еще 14 старинных московских родов, среди которых можно упомянуть Аксаковых, Аничковых, Бобрищевых-Пушкиных, Васильчиковых, Голенищевых, Каменских, Квашниных, Кологривовых, Колокольцовых.

Однако эти пожалования лишь замедлили общую тенденцию к обмельчанию. Она получила свое продолжение в XIX в.

По числу проживающих на ее территории дворян Рязанская губерния входила в тройку лидеров среди великорусских губерний. К середине XIX века на ее территории проживали 11 тыс. дворян обоего пола, которым принадлежали 8 тыс. дворянских поместий, 357 тыс. душ крестьян, 35 тыс. душ дворовых людей, 439 сел, 1973 деревни, 26 хуторов, 2,5 миллионов десятин земли. Это составляло 3/5 населения и 7/10 территории Рязанской губернии⁶. В среднем во второй половине XIX в. на одно поместье приходилось около 500 десятин земли и 70 душ крестьян⁷.

Как уже было сказано выше, формирование дворянской корпорации в Рязанском крае неразрывно связано с освоением пустующих южных пограничных земель. Первоначально заселение «диких» земель шло за счет испомещения здесь служилых людей из Рязани и центральных регионов Русского государства, на основе которых в дальнейшем сложилось многочисленное мелкопоместное дворянство Рязанской губернии. Так по пятой ревизии (1794–1795 гг.) доля мелкопоместных дворян составляла 72 %. По девятой ревизии (1850 г.) 78 % рязанских помещиков владело менее 101 крепостной душой. В 1877 г. к числу мелкопоместных дворянских земляных владений (не превышающих 100 дес.) относилось 64,4 % имений, им принадлежали 7,6 % поместной земли (во всей Европейской России в этом году к мелкопоместным относилось 49,3 % дворянских хозяйств). В 1885 г. мелкопоместное землевладение составляло 63 % от общего числа помещичьего землевладения.

Некоторое уменьшение числа мелкопоместных дворян после реформы 1861 г. связана с фактами разорения мелких землевладельцев, продажи земли представителям других сословий, получивших право на ее владение, а также переходом части однодворцев в число экономических крестьян.

Однодворцы за свою землю должны были либо служить, либо платить подати государству. Многие выбирали последние и переходили в сословие свободных крестьян.

Эти факты подтверждают нашу гипотезу о постепенном оскудении рязанского дворянского сословия, а также наши расчеты по дворянскому землевладению в Рязанском уезде в 1800 г.

В предреформенный период дворянство составляло 0,58 % от численности жителей Рязанской губернии, в то же время оно владело 40 % земель и 56 % населения региона. Из 11063 дворян Рязанской губернии потомственных дворян было 8226, личных дворян – 2837 человек. Как и прежде, потомственное дворянство было организовано в губернское и уездные дворянские общества и имело определяющее влияние на все сферы жизни губернии.

Больше всего дворян было сосредоточено в Пронском уезде, самое меньшее количество – в Егорьевском. По числу дворян в 1858 г. Рязанская губерния занимала 4-е место в империи.

Из общего числа 8226 человек крепостными душами и землей к концу дореформенной эпохи владело 5490 потомственных дворян. Им принадлежало 5046 имений. Безземельными, но владевшими крепостными, были 105 дворян. В Рязанской губернии по численности преобладало мелкопоместное дворянство – большинство их имений насчитывало не более 100 крепостных душ. Количество мелкопоместных дворян было особенно велико в Пронском (69 %), Скопинском (64 %) и Сапожковском (59 %) уездах. Наименьшее их число имелось в Раненбургском (25 %), Данковском (32 %), Егорьевском (34 %) уездах.

Однако по общественно-политическому и экономическому влиянию ведущую роль играли крупные помещики. Достаточно сказать, что право голоса на дворянских выборах, обусловленное имущественным цензом, имели лишь 635 потомственных дворян. В дореформенную эпоху самым крупным поместьем в губернии являлось село Ижевское Спасского уезда, принадлежавшее Николаю Ивановичу Демидову. В его владении находилось более 5000 душ крестьян. В имениях Баташевых, Гагариных, Волконских, Толстых насчитывалось до 5 тысяч крепостных в каждом.

С начала XIX в. дворянское землевладение постепенно затрагивал глубокий системный кризис, вызванный быстрым развитием новых форм хозяйствования, основанных на труде свободных людей с использованием передовых достижений в сельском хозяйстве. Помещичьи хозяйства в большинстве своем не могли конкурировать с такими хозяйствами. Значительная часть дворянских имений в Рязанской губернии (3235 или 65 %) была к исходу дореформенной эпохи заложена и перезаложена, 194 имения находились под опекой или были описаны к продаже.

В последние десятилетия предреформенной эпохи хозяйства рязанских помещиков быстро втягивались в товарные отношения. Они выращивали на продажу хлеб – в основном, рожь и овес. Наиболее предприимчивые помещики, стремясь поставить больше хлеба на рынок, делали попытки рационализации своих хозяйств: улучшали качество семян, вводили четырехпольный севооборот, удобряли поля, в большом количестве стали применять жатки, веялки, молотилки. В имениях отдельных помещиков устраивались съезды сельских хозяев. Однако рационализацией своих хозяйств занималась лишь незначительная часть рязанских дворян. Губернатор П.С. Кожин в отчете за 1852 год отмечал: «Немногие помещики Рязанской губернии занимаются усовершенствованием сельского хозяйства рациональным способом». Большинство рязанских помещиков для увеличения своих доходов усиливало крепостническую эксплуатацию селян: увеличивало барщину, оброк, уменьшало наделы земли.

Как и для всех центральных губерний Российской империи, для Рязанской губернии был характерен процесс оттока части дворянского сословия в города, но основная масса дворян оставались жить в своих поместьях.

Особую страту составляли столичные дворяне, проживавшие в Москве и Петербурге, но обладавшими значительными земельными владениями в губернии. Как правило, такие дворяне были фактически исключены из рязанского дворянского сословия и даже иногда бывали не причислены к нему в Дворянской родословной книге, поскольку вся их жизнедеятельность ограничивалась обеими столицами (для Рязанской губернии, в силу близости Москвы, было характерно преобладание московских землевладельцев, сравнительно с петербургскими).

На территории, вошедшей в состав Рязанской губернии во второй половине XVIII в. большая часть душевладельцев относилась к мелким. Кроме того, как уже отмечалось выше, существовал слой помещиков, не имевших крестьян вовсе. Дробление имений между наследниками и развитие товарно-денежных отношений приводили к уменьшению размеров душевладения подавляющего числа рязанских дворян. Если по данным Н.М. Шепуковой⁸, во время первой ревизии в Рязанском крае 66 % владельцев относились к мелким, то ко времени пятой ревизии, по подсчетам В.В. Крючкова, их доля возросла до 72 %. Кроме того, в Рязанской губернии существовала прослойка помещиков, владевших только землей (в Егорьевском уезде в конце XVIII в. их было примерно 30 %, в Рязанском – 38 %⁹). Большинство землевладельцев имело не более 150 десятин земли (в Рязанском уезде удельный вес таких помещиков составлял около 71 %, в Михайловском – около 69 %, в Егорьевском – 44 %). В Рязанском и Михайловском уездах им принадлежала примерно 1/10 часть помещичьей земли, а в Егорьевском – 1/20. Удельный вес помещиков, имевших 151 – 300 десятин земли в Рязанском уезде составлял 11 %, в Михайловском 9,9 %, в Егорьевском 22 %. В целом по Рязанской провинции им принадлежало 7 – 8 % помещичьего земельного фонда. Процент помещиков, владевших 301–1500 десятин земли составлял в Рязанском уезде 14,3 %, в Михайловском 15,2 %, в Егорьевском 25,4 %. В их собственности находилось, соответственно, 29, 31 и 26,6 % помещичьей земли. Помещиков, владевших 1501–7500 десятинами в Рязанском, Михайловском и Егорьевском уездах было, соответственно, 3,5, 6,2 и 8,1 % от общего числа помещиков, а процент их землевладения составлял, соответственно, 35,1, 38,2 и 42,3 %. Дворян, имевших больше 1500 десятин земли, насчитывалось в Рязанском уезде 0,5 %, в Михайловском 0,1 %, в Егорьевском 1 %. Им принадлежали 17, 14,6 и 17,8 % земли, соответственно. Число крупных землевладельцев в Рязанской губернии не превышало 1 %, а число средних землевладельцев составляло около 9 % от общего числа.

На время Генерального межевания общая площадь Рязанской губернии составляла 3690 тыс. десятин, из которых 2523 тыс. (68 %) принадлежали помещикам. Больше всего земли было у дворян в Касимовском и Пронском уездах (94 и 81%), меньше всего – в Раненбургском и Скопинском (40 и 44%), в которых находилось много дворцовых земель и земель однодворцев¹⁰.

В начале XIX века в Рязанской губернии продолжился рост мелких помещичьих хозяйств. В 1815 году они составляли 90 % от общей численности. Но к 1857 году их доля упала до 81 %. Это в основном было связано с разорением мелких хозяйств и все более отчетливой тенденцией к укрупнению передовых хозяйств в условиях развития капитализма.

Крупных имений к середине XIX в. насчитывалось не более 60. В основном, они представляли собой комплекс мелких и средних хозяйств, разбросанных по разным уездам Рязанской губернии, а также по другим губерниям Российской империи.

К середине XIX в. происходит постепенное сокращение числа мелкопоместных дворян (менее 20 душ) с 73 до 50 %, за счет увеличения количества владельцев от 20 до 100 и от 100 до 500 душ. Процент крупных душевладельцев оставался одинаковым (около 2 %) и незначительным. Среди мелкопоместных дворян преобладали женщины, что было связано с путями приобретения недвижимого владения, поскольку основным способом получения имения было наследство с последующим разделом, при котором женщины получали 7-ю (указную) часть имения. Подавляющее число поместий было не очень крупным, поэтому женские имения при условии наличия наследников-мужчин были незначительными. Важно отметить, что процент владения дворовыми среди дворянок был выше, чем у дворян. Данные ревизских сказок показывают, что процент женской собственности был значительно выше предполагаемых 30 %, достигая 50 % к середине первой половины XIX в. Помимо собственно мужских и женских, около 10 % имений стабильно находилось в совместном владении, это, как правило, предполагало, что владельцами являются несовершеннолетние дворяне, которые получили имения в результате смерти одного из родственников. В ревизских сказках 1850 г. В этом случае начал указываться опекун. На протяжении всей первой половины XIX в. наблюдалась значительная разница в способах приобретения и операций с крепост-

ными крестьянами и дворовыми. Так, последние чаще приобретались покупкой, и чаще отпускались на волю. Крестьяне, как семьями, так и по отдельности, стали получать вольные только после 1834 г., до этого упоминаний об этом практически не встречается. Дворовых чаще переводили с места на место, крестьян значительно реже и только целыми семьями. Отдача в рекруты была характерна для обоих видов зависимого населения, а вот ссылали на поселение чаще дворовых¹¹.

Для Рязанской губернии обработка окладных книг ревизских сказок была проведена еще в конце XIX в. А.Д. Повалишиным¹².

С 1815 по 1833 г. общая численность мелких душевладельцев (до 20 душ) сократилась с 6098 до 4501 (более, чем на четверть), к 1850 г. – еще до 3133 (то есть, почти на треть), а к 1857 г. Составила 2544 чел., то есть, за весь рассматриваемый период уменьшилась более, чем в 2 раза. Ее доля в общей массе душевладельцев в рассмотренные годы поэтапно сокращалась с 67,8 до 55,2, 45,9 и к концу крепостной эпохи составляла 40,4 %. Что касается принадлежащих им крепостных, то в 1815 г. Их насчитывалось 52658 душ мужского пола (15,3 % от численности в губернии), в 1833 г. – 38172 (9,6 %), в 1850 г. – 25925 (6,5 %), а в 1857 г. – 20745 (5,2 %), то есть, их численность и доля сокращалась еще значительно, чем их владельцев.

Для первой половины XIX века повсеместно была распространена практика причисления к дворянству выходцев из других сословий (т.н. «нового дворянства»), достигших этого статуса благодаря выслуге по военной и статской службе, а также в результате личного пожалования императора.

В результате анализа дворянских списков и других документов, нами выявлено, что не все дворяне-землевладельцы вносились в ДРК. Высокий процент невнесенных в ДРК имелся также у титулованной аристократии и крупных дворян-землевладельцев. Так из приведенных у О.А. Шватченко¹³ родов дворян-вотчинников в ДРК Рязанской губернии не были внесены дворянские роды, владевшие в XIX веке именьями на рязанской земле: князья Бабичевы, Барятинские, Голыгины, Дуловы, Засекины, Кольцовы-Мосальские, Несвицкие, Одоевские, Трубецкие, Ухтомские, Щербатовы; из боярских родов – это Волынские, из дворянских – Агибаловы, Чихачевы и т.д. По средним и мелкопоместным дворянам процент невнесенных на порядок выше. Как будет показано ниже, он составляет 93,5 % от общего числа невнесенных родов.

В общей сложности, нами выявлено 150 рязанских дворянских родов, подававших прошение в дворянское собрание на внесение в ДРК Рязанской губернии, но по разным причинам туда не внесенных, и 115 рязанских дворянских родов, проходящих по дворянским спискам конца XVIII – начала XIX веков и также не причисленных к рязанскому дворянству¹⁴. Из подававших прошение, но не внесенных в ДРК присутствуют такие титулованные роды как князья Бабичевы, князья Барятинские, князья Белосельские, князья Лопухины, князья Несвицкие, князья Трубецкие, князья Ухтомские. Как видно из этого списка, из семи княжеских родов четыре (Бабичевы, Барятинские, Белосельские и Ухтомские) принадлежат к роду Рюриковичей. Князья Трубецкие по своему происхождению Гедиминовичи. Князья Лопухины принадлежат к жалованным княжеским родам. Относительно князей Несвицких в науке нет однозначного мнения об их происхождении. Часть исследователей считает их Рюриковичами, часть – Гедиминовичами¹⁵.

Более детальное исследование удалось провести не по всем выявленным родам из-за отсутствия данных по ним. По материалам Рязанского дворянского собрания удалось собрать данные по 109 родам, подававших прошение РДС, но по разным причинам не причисленных к дворянству и по 104 родам, упоминаемых в числе землевладельцев в дворянских списках конца XVIII – начала XIX вв.¹⁶ Помимо перечисленных выше княжеских родов, в число неприсвоенных следует отнести князей Белосельских-Белозерских¹⁷, Кутыевых¹⁸, Кугушевых¹⁹, Маматказиных-Сакаевых²⁰, Чанышевых²¹, Лопухиных²², Вяземских²³, Хилковых, Тюфякиных, Щербатовых. Также не были внесены в ДРК Рязанской губернии графы Келлеры, графы Санти, мурзы Ефаровы, мурзы Ширинские, мурзы Ялымовы.

По рязанским дворянским родам, не внесенным в ДРК сведений в делах Дворянского собрания на несколько порядков меньше. Это связано с тем, что родоказатели, представив прошение о причислении к рязанскому дворянству, вскоре теряли к этому интерес и не предоставляли требуемых документов. Кроме того, многие родоказатели просто не могли предоставить требуемые сведения из-за отсутствия их. Как правило, среди непричисленных дворян значительное число занимали неслужившие однодворцы, которые постепенно переходили в сословие экономических крестьян.

Так же, можно констатировать, что в делах дворянского собрания о дворянских родах, не причисленных к рязанскому дворянству содержится самые минимальные сведения, в том числе и об их землевладении. Так в деле о роде дворян Агибаловых об их землевладении и месте проживания можно судить лишь по упоминанию о том, что мичман Иван Семенович Агибалов, умерший в 1739 г., в 1736 г. Сочетался браком с вдовой Дарьей Петровной в деревне Агибаловой Рязанского уезда. Их дочь Анна Ивановна Мелехова владела приданным имением в деревне Мелехово того же уезда. По материалам дворянских сказок 1788 г. Следует, что советник Гражданской палаты премьер-майор Николай Михайлович Агибалов, родившийся в 1754 г., владел имением в сельце Осипово Михайловского уезда, хотя и проживал в г. Саратове²⁴. О роде Алимпиевых из дел Дворянского собрания известно лишь то, что в 1695 г. Иван Алимпиев владел поместьем в слободе Кореновой Пехлецкого стана Ряжского уезда. Его внук канцелярист Филипп Ермолаевич Алимпиев в 1762 г. Продал родовое имение секунд-майору Дмитрию Васильевичу Лихареву²⁵. Захар Иванович Алтуфьев, родившийся в 1739 г., владел поместьем в деревне Трибунки Данковского уезда²⁶. Из дела о дворянстве Галактионовых, также не причисленных к рязанскому дворянству, следует, что они владели имением в селе Андреевское (Медведево) Пронского уезда с 1651 г.²⁷ И т.д.

Как показывают источники, характерной чертой рязанского дворянского землевладения (как, впрочем, и дворянства других центральных регионов), в целом, является доминирующее преобладание старинных дворянских родов. Это объясняется тем, что «новые дворяне», получавшее дворянство за гражданскую и военную службу, проживали, в основном, в губернском и уездных городах и редко становились землевладельцами.

Проживающие в основном в своих поместьях старинные рязанские роды в процессе деления имений между наследниками в конечном итоге оставались владельцами небольших по размеру отрезков земли без крестьян. Мелкопоместные дворяне вынуждены были сами обрабатывать свои земельные наделы. Среди таких обедневших дворян встречались даже титулованные особы. Характерный пример этому явлению – князья Кропоткины, которые имели лишь небольшие усадьбы без крестьян²⁸.

Как уже отмечалось выше, для Рязанской губернии неким усредненным уездом по своим параметрам и характеристикам является Ряжский уезд, который представляет Рязанскую губернию в миниатюре, по показателям которого можно судить о средних показателях всей Рязанской губернии.

Как показывают материалы Вотчинного департамента²⁹, в Ряжском уезде было сосредоточено много мелкопоместных родов, большая часть которых впоследствии так и не была внесена в Дворянскую родословную книгу по Рязанской губернии. Это было частично связано с тем, что некоторые из них к моменту выхода Жалованной грамоты дворянству Екатерины II уже пресеклись по мужской линии. Часть из них, очевидно, потеряла свои владения в Ряжском уезде, но значительное число ряжских дворян перешли в однодворческое сословие и сословие государственных крестьян. Как известно, однодворцев вносили в Дворянскую родословную книгу лишь при условии их службы – военной или статской. В противном случае они оставались в статусе государственных крестьян. В дальнейшем имения ряжских служилых людей могли приобретать дворяне других губерний, которые тоже вошли в число ряжских дворян.

В Приложении V перечислены фамилии ряжских дворянских родов, не внесенных в Дворянскую родословную книгу, но проходящих по поместным делам XVIII в. Для сокра-

щения этого списка в него не были включены фамилии дворян, встречающихся в дворянских сказках Рязанского уезда.

Поскольку акты о разделах оказываются особенно информативны, проследим, в качестве наиболее обеспеченного в источниковом отношении примера, подробные копии раздельных актов, содержащиеся в деле о дворянстве Сунбуловых³⁰. Два последовательно произведенных раздела 1806 и 1838 годов имущества этой семьи позволяют полностью (вплоть до мелочей домашнего обихода) восстановить по этим источникам ее имущественное положение. В августе 1755 г. Рязанский помещик Михаил Ильич Сунбулов подал челобитную на имя Елизаветы Петровны, в которой сообщал, что «прадеда его думного дворянина Максима Исаева и дедов его родного Фомы, да двоюродных Павла, Ивана Максимовых, да бабки его родной Анисьи Семеновой дочери, деда его Фоминой жены, и дядьев его родных Алексея, Александра, да отца его Ильи Фоминых детей, да дяди двоюродного Агея Иванова Сунбуловых не стало, а недвижимого имения за ними имелось в Переяслав-Рязанском, Зарайском, Михайловском, Каширском, Коломенском, Веневском, Вологодском, Елецком уездах жилое и пустое. И тому имению остались наследниками он с братьями Алексеем, Максимом, Алексеем Меньшим, Николаем и сестрами Анной и Татьяной». Далее он просит «отказать» ему с братьями это имение³¹ (см. Приложение VI).

Таким образом, можно констатировать, что многие древние дворянские роды, к середине XIX века вели жизнь на уровне среднего крестьянского хозяйства. В дальнейшем многие из этих однодворческих родов пополнили ряды экономических крестьян.

К сохранению однодворческого земледелия правительство подталкивало неразрешенность крымского вопроса и необходимость сохранения однодворцев как платежеспособного населения, способного содержать ланд-милицию и служить в ее составе.

Необходимо отметить, что *ревизские сказки* дают наиболее полную картину экономического положения только тех дворян, которые владели каким-либо имуществом. Безземельные дворяне не попадали в эту систему учета. Таким образом, при обработке данного источника можно получить комплексную характеристику дворянского землевладения, но невозможно определить, кто из дворянских землевладельцев был причислен к рязанскому дворянству, а кто нет.

Важными источниками по землевладению рязанских дворян являлись материалы ревизий, в которых, как правило, помимо сведений о душевладении, указывались местоположение вотчин владельцев и, иногда, чин землевладельца. Кроме того, в ревизиях есть данные о переходе имений от владельца к владельцу, данные о разделе имений и другие изменения в структуре земельного фонда с момента первой ревизии 1719 г.³² Также по материалам ревизий за несколько лет можно дополнить росписи из дворянских дел или же составить новую, поскольку по именам и отчествам помещиков одних и тех же селений можно создать достаточно точную мини-роспись одной из ветвей изучаемого рода.

Возьмем для примера материалы с IV по X ревизий по Раненбургскому уезду Рязанской губернии (1782–1858 гг.) (материалы VI ревизии 1811 г. не брались во внимание, так как они в значительной мере совпадают с материалами VII ревизии 1816 г.)³³. Раненбургский уезд сформировался на землях, составляющих так называемое «Ряское поле», находящееся на территории, бывшей, в свою очередь, составной частью Дикого поля – незаселенных земель к югу от г. Ряжска. В XVI – XVII веке многие земли на окраине рязанских земель были розданы московскими государями служилым людям за службу и для заселения этих мест³⁴. В дальнейшем эта территория вошла в состав Козловского уезда Тамбовской провинции. В 1778 году был образован Раненбургский уезд, который с 1796 года входил в состав Рязанской губернии. В 1802 году почти половина территории уезда вошла во вновь образованный Данковский уезд.

Как показывают материалы ревизий, в значительной мере корпус землевладельцев Раненбургского уезда был сформирован помещиками из Ряжского уезда³⁵. Из 497 фамилий раненбургских землевладельцев, упоминаемых в ревизских сказках 1782–1858 годов (IV–X ревизии) в Дворянскую родословную книгу (ДРК) Рязанской губернии внесены 306 фамилий

(61,6 %)³⁶. Из них в 6 часть (древние роды) внесено 193 фамилии (63,1 %); во 2 часть (военная выслуга) – 38 родов (12,4 %), в 3 часть (статская выслуга) – также 38 (12,4 %). Кроме того, представители 13 родов получили дворянство по обоим выслугам вместе (4,2 %). 4 рода (Бахметьевы, Нарышкины, Усовы и Шишковы) внесены в 4 часть ДРК (иностранцы дворяне) по своему происхождению, как правило, от легендарных предков (Аслама Бахмета, Нарышки, Лаврентия Уса и Микулы Шишки, соответственно). Они составляли 1,3 % от общего числа дворянских родов, внесенных в ДРК Рязанской губернии. В 1 часть (жалованное дворянство) из раненбургских помещиков были внесены 4 рода (1,3 %): Ивинские, Меньшиковы, бароны де Роман и Тепловы.

В 5 часть ДРК Рязанской губернии внесены 16 раненбургских титулованных родов (5,2 %) – князья Вадбольские, Волконские, Гагарины, Долгоруковы, Козловские, Кропоткины, Мещерские, Оболенские, Черкасские, Шаховские, Щетинины, светлейшие князья Грузинские, бароны Остены и Соловьевы, графы фон дер Палены и Толстые. Из них к роду Рюриковичей принадлежат 9 княжеских родов. Отметим, что графы Апраксины были внесены по своей службе во 2 часть ДРК, князья Девлеткильдеевы – в 6 часть, князья Бабичевы, Барятинские, Белосельские-Белозерские, Несвицкие, Ухтомские подавали прошение, но не были внесены в ДРК, князья Вяземские, Дуловы, Одоевские, Щербатовы, графы Шереметьевы упоминаются как рязанские помещики в дворянских «скасах» конца XVIII века. Графы Головкины были внесены в ДРК Московской губернии; князья Кутушевы – в ДРК Пензенской губ. Князья Лобановы-Ростовские упоминаются по Рязску в начале XVIII века³⁷. Выделим также из общей массы помещиков потомков Рюрика, потерявших княжеский титул и внесенных в 6 часть ДРК Рязанской губернии: Еропкины, Ильины, Ржевские, Травины, Федцовы.

Из не причисленных к рязанскому дворянству раненбургских помещиков (188 родов), подавали прошение, но не были внесены в ДРК 14 фамилий (7,4 %): Алтуфьевы, Антоновы, князья Бабичевы, князья Барятинские, князья Белосельские-Белозерские, Благовские, Ижорины, Лопухины, князья Несвицкие, Полозовы, Самойловы, князья Ухтомские, Фонвизины и Шараповы. 16 фамилий, не внесенные в ДРК, проходят по дворянским «скасам» конца XVIII в. (8,5 %): Бабанины, князья Вяземские, Гурьевы, князья Дуловы, Жемчужниковы, Иевлевы, князья Одоевские, Писемские, Поливановы, Рагозины, Сабуровы, Скуратовы, Терпигоревы, Чихачевы, графы Шереметьевы, князья Щербатовы. Кроме того, 27 родов внесены в ДРК других губерний (8 – Московской, 6 – Тульской, 5 – Тамбовской, по 2 – Тверской и Киевской, по 1 – Черниговской, Пензенской Псковской, Ярославской).

Наиболее значимыми землевладельцы Раненбургского уезда показаны в таблице 3.6. Она сделана по результатам исследований М.Б. Оленева на протяжении почти всего рассматриваемого периода (76 лет)³⁸

Таблица 3.6. Землевладельцы Раненбургского уезда

№	Фамилия землевладельца	Годы упоминания	поместья	Число персоналий
1	Абловы	1782–1850	село Дубовое	23
2	Акуловы	1782–1858	село Нововведенское	9
3	Аничковы	1782–1850	село Просечье	4
4	Кн. Барятинские	1782–1858	сельцо Барятинское	21
5	Батурины	1782–1858	сельцо Озерки	5
6	Бибиковы	1782–1858	д. Мураевинские Выселки	11
7	Богдановы	1782–1858	село Введенское	16
8	Борзовы	1782–1858	село Раковые Рясы Верхние	11
9	Бунины	1782–1858	сельцо. Руденки	23
10	Бурцовы	1782–1858	сельцо Борщовка	20
11	Вердеревские	1782–95, 1858	дд. Свистовка и Канищево	2
12	Веселкины	1795–1858	деревня Свистовка	10
13	Владычины	1795–1858	сельцо. Руденки	5
14	Кн. Волконские	1782–1858	село Просечье	5

15	Вечесловы	1782–1858	село Снежеток	32
16	Гальцовы	1795–1858	село Снежеток	7
17	Глотовы	1782–1858	сельцо Пиково	13
18	Головины	1782–1858	село Алексеевское	10
19	Головинины	1782, 1816–50	село Лебяжье	6
20	Голофеевы	1782–1850	д. Яхонтово (Лапоток),	12
21	Гомзяковы	1782–1858	село Истобное	6
22	Григоровы	1782–1858	село Истобное	21
23	Давыдовы	1782–1858	деревня Аленка	9
24	Друкортовы	1782–1858	с. Екимец и с-цо Соколовка	11
25	Есаковы	1782–1858	сельцо Ржавец Березовый	9
26	Жемчужниковы	1782–95, 1834–58	с. Екимец	4
27	Жолобовы	1782–95, 1850–58	с. Алексеевское (Головинщино)	8
28	Кайсаровы	1782–1858	село Просечье	7
29	Кареевы	1782–1858	с. Лебяжье (Лихоревщина)	32
30	Карташевы	1782–1850	село Раковые Рясы Верхние	5
31	Климовы	1782–1858	село Истобное	6
32	Колобовы	1782–1858	село Екимец	30
33	Кондыревы	1795–1858	село Екимец	4
34	Кошелев	1782–1858	село Грязновка	11
35	Кн. Кропоткины	1795–1858	сельцо Липяжки	9
36	Крюковы	1782–1816, 1858	сельцо Яхонтово (Лапоток)	4
37	Кн. Кугушевы	1782–1858	с. Лебяжье (Лихоревщина)	6
38	Куровы	1782–1858	сельцо Аленка (Покровское, Куровщина),	26
39	Ладыгины	1782–1850	село Покровское	10
40	Лепехины	1795–1858	село Просечье	2
41	Львовы	1782–1858	сельцо Руденки	3
42	Майковы	1795–1858	деревня Пителино	5
43	Меньшиковы	1795–1858	сельцо Красное (Колычево)	21
44	Кн. Несвицкие	1782–1850	село Архангельское	11
45	Никоновы	1795–1858	деревня Хмелевая	7
46	Новиковы	1782–1858	село Дубовое	8
47	Норовы	1782–1858	село Екимец	4
48	Обезынинины	1782–1858	село Нововведенское	8
49	Ознобишины	1782–1858	село Лебяжье	14
50	Панферовы	1782–1858	деревня Хмелевая	7
51	Поливановы	1782–1858	село Путятино	7
52	Римские-Корсаковы	1782–1850	село Дмитриевский Боровок	7
53	Румянцевы	1795–1816, 1850–1858	деревня Разсоши	3
54	Свиридовы	1782–1850	село Никольское (Пиковы Рясы)	7
55	Семеновы	1782–1858	сельцо Алексеевское	17
56	Смагины	1782–1850	село Просечье	8
57	Спицыны	1782–1850	деревня Кордюки	2
58	Степановы	1782–1850	деревня Свистовка	5
59	Сухановы	1782–1850	село Грязновка	7
60	Тарасовы	1782–1858	сельцо Новопокровское	13
61	Графы Толстые	1782–1858	д. Мураевинские Выселки	6

62	Трубниковы	1782–1858	село Екимец	18
63	Усовы	1782–1858	деревня Гулынки	4
64	Федцовы	1782–1858	село Аленка	29
65	Филатовы	1782, 1816–50	д. Мураевинские Выселки	9
66	Фроловы-Багреевы	1782–1816, 1850–1850	село Новотишеево	13
67	Хотяинцевы	1782–1858	село Спасское	8
68	Чернышевы	1782–1858	деревня Хлопотной хутор	13
69	Графы Шереметевы	1782–1858	деревня Куровщина	3
70	Шишкины	1782–1858	село Знаменское (Шишкино)	20
71	Шубины	1782–1858	село Снежеток	3

Как видно из представленных сведений, из 71 дворянской фамилии на протяжении 76 лет 29 дворянских родов были представлены 10-ю и более своими членами, владевшие долями в той или иной деревне или селе. Это составляет почти 41 % от общего числа дворянских имений Раненбургского уезда. Это говорит о значительном дроблении имений, принадлежавшим рязанским помещикам.

Важно отметить, что для самых южных регионов Рязанской губернии, таких как Данковский и Раненбургский уезды, вообще характерно крупное землевладение. Поскольку развивалось оно на пустующих плодородных землях т.н. Дикого Поля, которое стало активно осваиваться лишь после того как к Московскому государству были присоединены Казанское и Астраханское ханства и была ликвидирована опасность от набегов крымских татар, а Рязанский регион утратил положение приграничного края.

Таким образом, даже для самых южных имений Рязанского края, характеризующихся относительно крупным дворянским землевладением, процент мелких дворянских поместий также был относительно высок, что говорит об оскудении дворянского землевладения в Рязанском крае.

Из 71 фамилии наиболее многочисленных раненбургских землевладельцев в ДРК Рязанской губернии не внесены 13 (князья Барятинские, Борзовы, Глозовы, Гомзяковы, Жемчужниковы, князья Кутушевы, Лепехины, Майковы, князья Несвицкие, Поливановы, Римские-Корсаковы, Румянцевы, графы Шереметевы). Из них князья Барятинские и Несвицкие подавали прошения в Дворянское собрание, но не были причислены к рязанскому дворянству; Жемчужниковы, Поливановы и графы Шереметевы проходят по дворянским «скасам» конца XVIII – начала XIX вв. Борзовы, Глозовы, Гомзяковы упоминаются как рязские дворяне в начале XVIII в.; князья Кутушевы, Майковы, Римские-Корсаковы, Румянцевы внесены в ДРК других губерний.

Материалы ревизий отмечают достаточно быструю потерю владений в Раненбургском уезде князьями Долгоруковыми. Если по ревизиям 1782–1834 гг. 9 представителей рода владели имениями, располагавшимися в 9 населенных пунктах [село Архангельское (Карповка), село Деменские выселки, деревня Мураевинские Выселки (Хутор), село Васильевское, село Липяжки (Липуновка), село Никольское (Барятинское), село Троицкое (Матоевичино), село Ильинское, село Никольское (Пиковы Рясы)], то по ревизиям 1850 и 1858 гг. здесь не отмечено ни одного представителя этого рода.

В отношении других раненбургских землевладельцев можно сделать вывод, что, в основном, это были рязские дворяне, переместившиеся южнее собственно Рязанского уезда. Также определенную роль в освоение «Рязанского поля» играли и переселенцы из центральных (в основном – московского) и других регионов Российской империи.

В отличие от начала XVIII в., когда совладельцами сел и деревень являлись всего лишь несколько дворянских родов, к середине XIX в. таковых в среднем было уже полтора-два десятка. Так селом Снежеток за указанный промежуток времени владели помещики из 35 дворянских родов, в большинстве своем, принадлежащих к старинным рязанским и старомосковским фамилиям (Беклемишевы, Вечесловы, Даниловы, Колобовы, Рахманиновы, Чевкины, Шубины, Гальцовы, Бобрищевы-Пушкины, Ртищевы, Федцовы, Ивашкины, Катини,

Панферовы, Тимешовы, Шишкины, Богдановы, Друкортовы, Карамышевы, Щепотьевы, а также князья Вадбольские – 60 % от общего числа). Селом Просечье в 1782–1858 гг. владели представители 29 дворянских родов. Среди них был 21 старинный род (Аничковы, Бурцовы, князья Волконские, Жолобовы, Муромцовы, Павловы, Даниловы, Кайсаровы, князья Мещерские, Окуньковы, Суздальцевы, Казначеевы, Молчановы – 44,8 % от общего числа). Селом Нововведенским (Дурово или Дуровщина) в 1782–1858 гг. владели помещики из 27 дворянских фамилий. Из них 21 принадлежала к старинным родам (Богдановы, Гагины, Емельяновы, Куровы, Муромцовы, Обезьяниновы, Свиридовы, Сумбуловы, Тарасовы, Терские, князья Волконские, Марковы, Асеевы, Владычины, Змеевы, Абловы, Головинны, Князевы, Григоровы, Нероновы, князья Черкасские – 77,8 % от общего числа). Селом Екимец в указанный период времени владели 43 дворянских рода. Из них к древним родам принадлежали 33 фамилии (Вельяминовы, Глебовы, Друкортовы, Жемчужниковы, Колобовы, Кошелевы, Пелепелкины, Петрово-Соловово, Полибины, Сальковы, Тютчевы, Филатовы, князья Дуловы, Жадовские, Жемайловы, Кондыревы, Муратовы, Норовы, Анучины, Дмитриевы, Логвеновы, Раевские, Трубниковы, Украинцевы, Яхонтовы, Бурмакины, Терпигоревы, Федцовы, Головинны, Кутуковы, Головины, Еропкины, Ознобишины – 76,7 % от общего числа). Из 29 владельцев села Дубовое 24 семьи принадлежали к древнему дворянству (Абловы, Кропотовы, Мокринские, Нероновы, Новиковы, Ознобишины, Шишкины, Борисовы, Комарские, Кондыревы, Скуратовы, Шатиловы, Дубенские, Михайловы, Поповы, Сухотины, Филатовы, Каньшины, князья Кугушевы, Злобины, Вечесловы, Насоновы, Бунины, Куровы – 82,7 %).

Иногда число дворянских землевладельческих родов, владевших селением, было сравнительно небольшим, но число персоналий помещиков было значительным. Так деревней Аленка Раненбургского уезда за рассматриваемый период владели 16 дворянских родов, в том числе 8 старинных (Давыдовы, Куровы, Татариновы, Федцовы, Веселкины, Тютчевы, Фроловы, Херасковы – 50 %). Всего же помещиков насчитывалось 50 персоналий, не считая не названных однодворцев. Некоторые из помещиков упоминались в двух-трех ревизиях подряд. Наибольшее число персоналий, владевших деревней Аленка, оказалось у Федцовых и Куровых (17 и 12, соответственно). Однако Куровы после 1834 года уже не показывались как владельцы села, в то время как Федцовы владели им на протяжении всего рассматриваемого периода. Давыдовы, Окуньковы владели селом в 1782 и 1795 гг.; Тютчевы – в 1816 и 1834 гг.; Дидевичи – в 1834 и 1850 гг. Бачковых было всего три персоны. Тем не менее, они показаны владельцами села в 1795–1858 гг. Дембровских показано двое представителей: майор Дмитрий Петрович (в 1834 г.) и его супруга Анна Ивановна (1834–1858 гг.). Данные дворянских дел позволяют установить, что упомянутая в 1816 г. девица Анна Ивановна Веселкина и майорша Анна Ивановна Дембровская, упоминаемая в 1834 г. – одно и то же лицо. Выйдя замуж за майора Дембровского, она принесла ему в приданое свою долю имения при селе Аленка Раненбургского уезда³⁹. Также материалы Рязанского дворянского собрания позволяют установить, что девичья фамилия штабс-капитанши Елизаветы Федоровны Фроловой, показанной помещицей села Аленка в 1850 и 1858 гг., была Федцова, что позволяет предположить, что она являлась родной сестрой помещика того же села Евграфа Федоровича Федцова⁴⁰.

Из показанных выше владельцев села Дубовое Раненбургского уезда в 1782–1858 гг. упоминается 60 персон. Больше всех остальных помещиков было Абловых (13 человек) и Шишкиных (8 человек), владевших селом на протяжении всего рассматриваемого периода времени. Нероновых было 7 персон, которые владели селом в 1795–1858 гг. Селом Екимец Раненбургского уезда в 1782–1858 гг. владели 117 помещиков разных родов. Больше всего персоналий насчитывалось у Колобовых (27), владевших селом в течение всего рассматриваемого времени, а также у Трубниковых (11), показанных владельцами села в 1816–1858 гг., и Друкортовых (10), владевших селом в 1782–1858 гг. Материалы дворянских дел позволяют уточнить, что девичья фамилия упоминаемой в ревизии 1795 года княгини Анны Осиповны Дуловой была Колобова. Таким образом, становится понятно, каким образом доля имения при селе Екимец оказалась во владении князей Дуловых⁴¹. Их дочь, княжна Екатерина Федо-

ровна Дулова проходит по ревизии 1816 года как «купеческая жена из дворян» Роговая⁴². Комплексное исследование дворянских дел и дворянских списков позволяют установить, что, упоминаемая в 1816 г. майорша Маргарита Васильевна Раевская и упоминаемая в 1834 г. коллежская асессорша Маргарита Васильевна Завальевская – одно и то же лицо. Ее девичья фамилия была Давыдова⁴³. В 1816 г. Селом Нововведенским того же уезда за этот же период времени владели 60 персоналий. Наиболее многочисленными из них были Богдановы (14 персоналий), которые владели селом на протяжении всего рассматриваемого времени. Селом Просечье в течение длительного времени владели 65 персоналий из 29 дворянских родов. Однако среди них нет ни одной фамилий, которая владела бы селом на протяжении всего рассматриваемого периода. Дольше всего село принадлежало майору Василию Титовичу и статскому советнику Сергею Васильевичу Лепехиным (в 1795–1858 гг.), а также четверым Аничковым (в 1782–1850 гг.). Остальные дворянские роды владели селом непостоянно, часто меняясь, несмотря на то, что число их представителей было даже больше, чем Лепехиных и Аничковых. Семеро Смагиных показаны владельцами села в 1795–1850 гг., шестеро Казначеевых – в 1834–1850 гг., пятеро Соколовых, Кайсаровых и Полозовых – соответственно, в 1782–1816 (с перерывом в 1795 г.) и 1795–1858 гг. (с перерывом в 1816 и 1834 гг.) и в 1816–1834 гг., трое Муромцовых – в 1782–1795 гг. Показанная в 1850 г. владелица села юнкерша Мария Львовна Григорова по материалам дел Рязанского дворянского собрания была родной сестрой упомянутых в той же ревизии поручика Александра, коллежского асессора Владимира, коллежского секретаря Дмитрия, майора Михаила, штабс-капитана Якова и девицы Екатерины Львовичей Богдановых⁴⁴. По данным материалов дела о дворянстве Нероновых в 1815 г. к рязанскому дворянству был причислен Алексей Петрович Неронов, родившийся около 1803 г., помещик села Выжелес Спасского уезда⁴⁵. По материалам ревизии 1850 г. проходит капитан-лейтенант Алексей Петрович Неронов и капитан-лейтенантша Мария Дмитриевна Неронова⁴⁶. Материалы ревизии 1850 г. содержат информацию о том, что княгиня Юлия Александровна Черкасская, владевшая селом Нововведенское в это время, является дочерью Александра Матвеевича Муромцова и родной сестрой Елизаветы Александровны Муромцовой⁴⁷. Селом Снежеток Раненбургского уезда в 1782–1858 гг. владели 82 персоналия. Наиболее многочисленным (21 персоналия) был род Вечесловых, который владели селом на протяжении всего исследуемого периода. Следом за ними идут Беклемишевы, 10 представителей которых владели селом Снежеток в 1782 – 1817 гг. По материалам дворянских дел можно установить, что, упоминаемая по данным ревизии 1834 г. Надежда Николаевна Васильева в девичестве носила фамилию Катина и принесла свою долю в имении при селе Снежеток в род Васильевых⁴⁸. По этим же делам можно определить каким образом часть упомянутой деревни оказалось в роде князей Вадбольских: это было приданое Анны Ивановны Савиновой, упомянутой в ревизиях 1850 и 1858 гг. как княгиня Вадбольская. Ее мужем был штабс-ротмистр князь Александр Михайлович Вадбольский⁴⁹. По данным ревизий можно дополнить, в свою очередь, и материалы дворянских дел. Так, упоминаемая в 1850 г. «покойная дочь полковника» Анна Леонтьевна Друкорт, скорее всего, была дочерью полковника Леонтия Абрамовича Друкуртова (или Друкурта) причисленного в 1794 г. к рязанскому дворянству⁵⁰. По данным ревизии 1858 г. упоминается помещица с. Снежеток Лидия Валериановна Щепотьева. Из дел о дворянстве Щепотьевых становится ясным, что она получила данное имение от своей матери Анны Федоровны Шишкиной⁵¹.

Все эти факты подтверждают общую по России тенденцию к оскудению дворянства в течение всего XIX века. В это время большое число представителей древних дворянских родов перешли из статуса однодворцев в число государственных крестьян, так как они не служили и платили подати как и все крестьяне.

Таким образом, для определения численности, социального положения и персонального состава рязанского дворянства необходимо использовать комплекс имеющихся источников. Использование этого метода позволяет определить динамику изменения общей численности потомственных дворян Рязанской губернии в первой половине XIX в. Она изменялась волнообразно. До 1830-х гг. количество потомственного дворянства росло в абсолютном и отно-

сительном выражении. Так, к 1836 г. число потомственных дворян Рязанской губернии достигло 11 тыс. человек обоего пола. После 1830-х гг. наблюдается снижение численности и доли дворянского населения в губернии. В 1858 г. численность потомственного дворянства снизилась до 8,2 тыс. человек. Это произошло из-за того, что с приходом к власти администрации Николая I политика его правительства была направлена на ужесточение требований для получения статуса потомственного дворянства. Одновременно на протяжении всей первой половины XIX в. постепенно увеличивалась доля женщин-дворянок относительно доли мужчин-дворян, и к 1858 г. составила 52 % и 48 % соответственно. К 1883 г. Число рязанских дворян возросло до 9,2 тыс. человек. Это было связано с растущей практикой пожалований в дворянство из других сословий. Этот процесс продолжался до 1877 г., когда численность рязанского дворянства возросла до 16,5 тыс. человек. Затем рост численности рязанского дворянства резко снизился (до 13,1 тыс. человек к 1870 г.) и вновь возрос до 16,9 тыс. чел. к 1897 г.⁵²

Отдельно стоит вопрос о собственности рязанских дворян в других губерниях Российской империи. По результатам исследований видно, что большинство рязанских дворян было мелкопоместными и, как правило, не имели собственности в других губерниях.

Однако значительная часть рязанских помещиков путем браков, наследования, завещаний такой собственностью обладала. Сведения об этом содержатся в послужных списках рязанских дворян, где указываются все принадлежавшие им имения на территории Российской империи, а также в раздельных актах.

В Приложении VI приводится раздельный акт дворян Сунбуловых от 1838 г., где, помимо их рязанских имений в Михайловском уезде, процедуру раздела проходят также имения в Тульской и Костромской губерниях.

Конечно, в документах Рязанского дворянского собрания содержатся сведения о собственности в других губерниях только тех дворян, которые подавали прошения в РДДС и по чьим делам осуществлялось делопроизводство. Но даже на основе этих отрывочных сведений можно составить общее представление о собственности рязанских дворян в других губерниях, так как собственность одного лица в течение его жизни менялась, как правило, незначительно.

Примечания

¹ Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003. С. 82.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Спасский уезд. Рязань, 1887. Т. 8. Вып. 1. С. 50 – 57; Там же. Вып. 2. С. 118 – 123.

³ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Шацкий уезд. Тамбов, 1884. Т. 6. С. 86–97.

⁴ Тамбовская губерния. Шацкий уезд. Примечания к планам генерального межевания. РГАДА, Ф. 1354. Оп. 493. Ч. 2.

⁵ ГАРО. Ф. 98. Оп. 15. Д. 30.

⁶ Статистика землевладения 1905 г. Вып. 4. Рязанская губерния. СПб.: «Центральная» Типо-литография М.Л. Минкова, 1906.

⁷ Акулишин П.В. Дворянское землевладение Рязанской губернии в пореформенную эпоху // Рязанское дворянство в XIX – начале XX в. Материалы научного семинара (3–5 сентября 2009 г.). Рязань, 2009. С. 29.

⁸ Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 389–390.

⁹ Крючков В.В. Дворянское хозяйство Рязанского края во второй половине XVIII в. // Рязанская старина. Вып. 1. М., Интеграл-Информ, 2003. С. 72.

¹⁰ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 163.

¹¹ Корчмина Е.С. Ревизские сказки Рязанской губернии конца XVIII – первой половины XIX вв.: возможности комплексного изучения истории дворянства // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчынай гісторыі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка «Полоцко-Віцебская старіна». Віцебск, 6–7 кстрычніка 2011. Віцебск, 2011. С. 72–75.

¹² Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. Рязань, 1903.

- ¹³ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002; Он же. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 22–23, 84–109, 140–154.
- ¹⁴ См.: Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10. Вып. 1. Рязань: Изд. РИРО, 2006. С. 393–394; он же. Дворянские роды, не внесенные в Дворянскую родословную книгу Рязанской губернии // Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 17. Рязань, 2008. С. 174–185.
- ¹⁵ Думин С.В., Гребельский П.Х. Князья Несвицкие // Дворянские роды Российской империи. – М., 1995. Т. 2. С. 90; Mariusz Kowalski. Księstwa Rzeczypospolitej: państwo magnackie jako region polityczny. Warszawa, 2013.
- ¹⁶ Более подробно см.: Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10. Вып. 10. Рязань, 2017.
- ¹⁷ ГАРО. Ф. 98. Оп. 6. Д. 5.
- ¹⁸ Там же. Оп. 41. Д. 23.
- ¹⁹ Там же. Оп. 134. Д. 17.
- ²⁰ Там же. Оп. 4. Д. 17.
- ²¹ Там же. Оп. 4. Д. 31.
- ²² Там же. Оп. 35. Д. 35.
- ²³ Дворянские роды Российской империи. Т. I–IV. СПб., 1993–1998.
- ²⁴ ГАРО. Ф. 98. Оп. 15. Д. 30.
- ²⁵ Там же. Оп. 17. Д. 8.
- ²⁶ Там же. Оп. 15. Д. 30.
- ²⁷ Там же. Оп. 43. Д. 9.
- ²⁸ Там же. Оп. 10. Д. 40; Оп. 13. Д. 5; Оп. 30. Д. 23; Д. 24; Оп. 31. Д. 56; Оп. 67. Д. 17.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1126. Алфавит III отделения Московского архива Министерства юстиции старых дел по Рязьску. Л. 1–216 об.
- ³⁰ ГАРО. Ф. 98. Оп. 10. Д. 111.
- ³¹ Там же. Оп. 9. Д. 37. Л. 6 об., 59.
- ³² Итоговые данные II–III ревизий Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646–1858). Вып. 1–12. М.[б.и.], 1972.
- ³³ Оленев М.Б. Сведения для истории сел и деревень Раненбургского уезда Рязанской губернии // Сборник справочных материалов по истории Рязанского края. Кн. 1. Рязань, 2013. С. 362–415.
- ³⁴ Никитин Н.П. Несколько страниц из истории, географии и статистики Раненбургского уезда Рязанской губернии. Рязань: Раненбургск. кредитный кооп. союз, 1919. С. 21.
- ³⁵ Оленев М.Б. Алфавитный список помещиков Раненбургского у. Рязанской губ. с указанием принадлежавших им владений. По данным IV–X ревизских сказок (1782–1858 гг.) // Сборник справочных материалов по истории Рязанского края. Кн. 3. Часть 2. Рязань, 2014. С. 43–83.
- ³⁶ Рындин И.Ж. Рязанское дворянство в период наместничества (1778–1796 гг.) [по материалам Рязанского дворянского собрания] // Российский научный журнал. М., 2010. № 3. С. 3–31; Он же. Персональный состав рязанского дворянства в 1800–1861 гг. по материалам Рязанского дворянского депутатского собрания // Там же. № 5. С. 3–51; Он же. Персональный состав рязанского дворянства, внесенного в Дворянскую родословную книгу в период с 1862 по 1900 гг. // Там же. М., 2013. № 3. С. 5–28.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1126. Алфавит III отделения Московского архива Министерства юстиции старых дел по Рязьску. Л. 1–216 об.
- ³⁸ Оленев М.Б. Алфавитный список помещиков Раненбургского уезда Рязанской губернии с указанием принадлежавших им владений. По данным IV–X ревизских сказок (1782–1858 гг.) / Сборник справочных материалов по истории Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Кн. 3. Ч. 2. Рязань, 2014. С. 43–83.
- ³⁹ ГАРО. Ф. 98. Оп. 36. Д. 13.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 9. Д. 50; Оп. 30. Д. 64; Оп. 33. Д. 25.
- ⁴¹ Рындин И.Ж. Князья Дуловы в Рязанском крае // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 14. Рязань, 2007. С. 120–131.
- ⁴² ГАРО. Ф. 129. Оп. 19. Д. 137. № 128. Л. 263.
- ⁴³ Там же. Ф. 98. Оп. 65. Д. 19.
- ⁴⁴ ГАРО. Ф. 98. Оп. 10. Д. 19; Оп. 11. Д. 50; Оп. 30. 11; Оп. 31. Д. 8; Оп. 31. Д. 10; Оп. 32. Д. 15; Оп. 34. Д. 67; Оп. 43. Д. 76.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 9. Д. 29; Оп. 30. Д. 42; Оп. 47. Д. 16.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 46. Д. 171. № 222 Л. 33; Оп. 46. Д. 171. № 223. Л. 41.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 46 д. 170 св. 693 № 339 л. 517.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 98. Оп. 8. Д. 21; Оп. 26. Д. 19; Оп. 43. Д. 81; Оп. 61. Д. 15.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 39. Д. 23; Оп. 59. Д. 37; Оп. 60. Д. 5; Оп. 104. Д. 7; Оп. 134. Д. 7.
- ⁵⁰ ГАРО. Ф. 98. Оп. 9. Д. 11.

⁵¹ Там же. Оп. 43. Д. 64.

⁵² Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративные организации. М., 1979. С. 292–293.

А.И. Хвостов

**Изменения в статью «Рязанские эсеры в 1917 – 1918 гг.»,
опубликованную в «Материалах и исследованиях по рязанскому
краеведению» (Том 90)**

1) Изменён заголовок статьи на: Эсеры Рязанской губернии в 1917 – 1920 гг.

2) Изменён конец статьи. После предложения «В 1919 – 1920 гг. в Рязанском губернском концлагере содержались егорьевские эсеры М. В. Пунов, П. Е. Буянов, М. П. Рош¹⁸¹» следует читать:

Одним из эсеровских активистов был агроном Ряжского уездного земотдела Ф. А. Фрейман. Этот человек, побывавший на разных руководящих должностях в Ряжске в начальный период Советской власти, в 1918 – 1919 гг. тщательно конспирировал эсеровскую работу, умело саботировал мероприятия Советской власти, всегда находя «объективные» причины для этого. Уездный земотдел он превратил в резиденцию, откуда руководил действиями местных эсеров. Поскольку он часто встречался с крестьянами по различным делам, к нему незамеченными часто приезжали и партийные единомышленники. Для своей партийной деятельности он умело использовал и частые выезды на село. В начале апреля 1919 г. он был арестован, но, поскольку никаких определённых обвинений ему не смогли предъявить, он был отпущен, и даже в конце июня 1919 г. губчека разрешила ему выезд за пределы Ряжского уезда, в том числе в Москву. Чекистские агенты доложили, что Фрейман ездил в Москву на совещание в ЦК ПСР и привёз с собой много эсеровской литературы. Но обыск ничего не дал. Но позже один из оперативников познакомился с девушкой, домработницей Фреймана. Она рассказала, что литература с оружием у её хозяина была замурована между стеной дома и русской печью. Он был разоблачён. К тому же на него дал показания схваченный в конце августа 1919 г. один из мамонтовских разведчиков, подтвердивший в ходе допросов причастность Фреймана к организации заговора в Ряжске. Выяснилось, что он имел задание согласовать с Фрейманом время контрреволюционного выступления в городе. Ф. А. Фрейман попал в тюрьму, а затем – в Ряжский концлагерь, откуда был освобождён в июне 1921 г.¹⁸² Но важно отметить, что ещё осенью 1918 г., когда были арестованы не только Р. Э. Аппельберг и Н. В. Говоров, но и ряд других эсеров, губернская организация ПСР развалилась. Весной 1920 г. в отчёте губернского отдела ВЧК отмечалось, что остатки партий эсеров, меньшевиков, кадетов рассеяны и никакой угрозы не представляют¹⁸³.

3) Изменения в Примечаниях.

После 181 сноски «Заключённые Рязанского губернского концлагеря 1919 – 1923 годов. Списки, личные дела, регистрационные карточки, анкеты, различные ведомости и протоколы; документы на освобождение из концлагеря /Григоров А. А., Григоров А. И. – М., 2013. С. 94; ГАРО. Ф. Р-2025. Оп. 1. Д. 43. Л. 19, 68» - следующие сноски:

182. Агеев И. Грозные годы: Воспоминания чекиста-ветерана //Страницы былого (Воспоминания старых коммунистов). – Рязань, 1960. С. 114 – 116; Фролов С. Защищая революцию. Из истории Рязанской губернской чрезвычайной комиссии //Опасности навстречу. Сборник /Сост. К. М. Васильев, И. А. Закиров, В. Н. Кириллов. – Рязань, 1988. С. 24; ГАРО. Ф. Р-2025. Оп. 1. Д. 78. Л. 6, 18; Григоров А. А., Григоров А. И. Указ. соч. С. 364. Заключение Ф. А. Фреймана в тюрьму произошло не ранее ноября 1919 г. (ГАРО. Ф. Р-2025. Оп. 1. Д. 56. Л. 52).

183. Симонова Е. В., Соколов А. С. Складывание однопартийной системы в провинции в 1920-е гг. (на примере Тульской и Рязанской губерний // Вестник Самарского университета. – 2025. – Т. 31. - № 1. С. 84. В этой статье отмечается, что, по данным Рязгубчека, в ноябре 1920 г. состояло на её учёте по всей Рязанской губернии 124 правых эсера.

ГЕРАЛЬДИКА

И.Ж. Рындин

Геральдика рязанских дворянских родов (продолжение)

Князья ГАГАРИНЫ – русский княжеский род, родоначальник которого, **Михаил Иванович Голибесовский**, потомок князей Стародубских (XVIII колено от Рюрика), имел пятерых сыновей; из них трое старших, **Василий**, **Юрий** и **Иван**, имели прозвище **Гагара** и были основателями трех ветвей князей **Гагариных**. Старшая ветвь прекратилась в конце XVII в.; представители последних двух существуют поныне. Герб князей **Гагариных** их внесен в Общий гербовник (часть I. стр. 14) и имеет следующее описание: «В щите разделенном на четыре части, находится в середине малый щиток золотой, в коем изображены: дерево натурального цвета и на поверхности его княжеская корона, из которой выходит рука, облеченная в латы, держащая меч вверх поднятый;

а внизу сего щитка – черный медведь. В первой и четвертой части в голубых полях: в верхней видна облеченная в латы рука с поднятой вверх шпагою; в нижней – дерево и от него идущий направо медведь. Во второй и третьей части в серебряных полях означены: в верхней – дерево, а в нижней – крепость красного цвета. Щит покрыт мантией и шапкою принадлежащими княжескому достоинству». 19.6.1819 штабс-ротмистр, князь **Николай Михайлович Гагарин** записан в V часть Дворянской родословной книги (ДРК) Рязанской губернии. Действительный статский советник князь **Леонид Николаевич Гагарин** 23.07.1843 внесен в V часть ДРК Рязанской губернии.

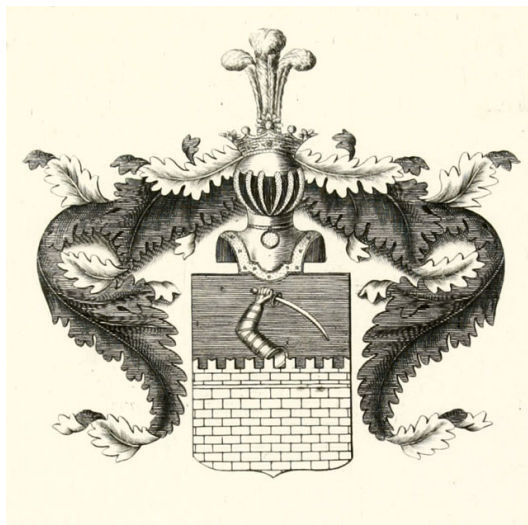

ГАГИНЫ – дворянский род, восходящий к концу XV в., когда он владел вотчинами в Шелонской и Водской пятинах. В XVI и XVII в. Г. владели поместьями в Зарайском, Рязском и Рязанском уездах. Потомство воеводы **Ивана Ивановича Гагина**, жалованного вотчиною в 1612 г. «за московское осадное сиденье», записано в VI часть ДРК Рязанской губернии. Род **Гагиных** имеет следующий герб: «В щите, разделенном надвое, в верхней половине, в правом голубом поле изображен ангел с копьем и золотым щитом; в левом красном поле серебряная восьмиугольная звезда; в нижней половине в золотом поле находится черный медведь, обращенный в правую сторону. Щит увенчан дворянским шлемом и короной, на поверхности которой видна рука в серебряных латах с мечом. Намет на щите голубой, подложенный золотом». 4.06.1795 титулярный советник **Алексей Петрович Г.** внесен в VI ч. ДРК Рязанской губ.

ГАЛАХОВЫ древний рязанский дворянский род три ветви которого внесены в VI часть ДРК Рязанской губернии в 1794, 1795 и 1830 гг. Одна из них происходит от **Фаддея Владимировича Галахова**, испомещенного в 1681 г., другая – от **Семена Галахова** (ум. до 1628 г.). Герб **Галаховых** помещен в Общий Гербовник (часть XII, стр. 47) и имеет следующее описание: «Щит рассечён. В правой золотой части зелёная дубовая ветвь, оконечность части шахматная –

чёрно-золотая. В левой червлёной части золотая корона, сквозь неё накрест проходят два золотых меча, остриями вверх, над ними серебряная пятиконечная звезда. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: правая согнутая рука в серебряных латах и перчатке держит золотой меч. Намёт справа зелёный с золотом, слева червлёный с золотом».

нем короной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром». 8.02.1855 коллежский секретарь. **Александр Иванович Гвоздев** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ГВОЗДЕВЫ – рязанский дворянский род, восходящий к XVI в. и происходящий от **Арефия Гвоздева**, владевшего поместьями и вотчинами в Рязанском и Ряжском уездах во 2-й половине XVI в. Потомство его сыновей, жалованных в 1632 вотчинами за московское осадное сиденье **Ермолая** и **Ивана Арефьевичей** Г. записано в VI ч. ДРК Рязанской, Московской, Курской и Владимирской губерний. Герб **Гвоздевых** Высочайше утвержден 30.06.1798 и помещен во 2-й ч. 1-го Отделения Общего Гербовника на стр. 93: «В щите, имеющем голубое поле, изображена серебряная крепость, из которой видна выходящая рука, в латы обложенная, держащая саблю вверх поднятую. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на

ГЛЕБОВСКИЕ – рязанский дворянский род, восходящий ко второй половине XVI в. и рано разделившийся на 2 ветви. Одна из них, происходящая от **Сидора Борисовича Глебовского**, верстанного помещьем в Рязанском уезде в 1668 гю, записана в VI часть ДРК Московской губернии. Другая ветвь, ведущая начало от рязанского помещика **Владимира Дмитриевича Глебовского**, записана в VI ч. ДРК Рязанской губернии. Герб **Глебовских** помещен в Общий Гербовник (ч. V, стр. 108) и имеет следующее описание: «В щите, имеющем красное поле изображен золотой хлебный сноп. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями.

Намет на щите красный, подложен золотом».

Князя ГОЛИЦЫНЫ – русский княжеский род, ведущий свое начало от пинского князя Наримунта-Глеба (ум. 1348), второго сына вел. кн. литовского Гедимины. Один из его правнуков боярин кн. Иван Васильевич Булгак (ум. в 1479 г.) имел сына князя **Михаила Ивановича Булгакова**, получившего прозвище **Голица**, которое, по преданию, произошло от привычки князя носить железную перчатку только на одной руке. **Князя Голицыны** возводились в бояре из стольников, минуя чин окольничего. Начинали службу, как правило, в царских комнатных стольниках. За **князьями Голицыными** состояла родовая вотчина – село Березово Рязанского уезда. Герб **князей Голицыных** помещен в I ч. Общего Гербовника на стр. 2 представляет собой щит, рассеченный

горизонтально, а нижняя половина еще рассечена вертикально. В верхней половине гербового щита представлен в красном поле герб великого княжества Литовского – всадник на белом коне, скачущий с поднятой вверх саблей. В правом нижнем отделе щита помещен новгородский герб: в серебряном поле кресло с малиновой подушкой, на которой поставлены крестообразно скипетр и длинный крест, оба золотые; над спинкой кресла утвержден светильник с тремя горящими свечами и по сторонам два стоящие на задних лапах черных медведя на золотой решетке. В левом нижнем отделе гербового щита в голубом поле изображен серебряный, с раздвоенными концами, равноконечный крест, в середине которого в золотом поле – российский государственный герб. Щит покрыт княжескими мантией и шапкой. 1.12.1792 тайный советник, гофмейстер, князь **Александр Михайлович Голицын** вписан в V часть ДРК Рязанской губернии. 13.05.1892 гвардии полковник, князь **Эммануил Васильевич Голицын** внесен в V часть ДРК Рязанской губернии.

ГОРЛОВЫ – старинный рязанский дворянский род, восходящий к концу XVI в., происходящий от **Дружины Васильевича Горлова**, помещенного в 1649 г., и записанный в VI часть ДРК Рязанской губернии. Герб **Горловых** внесён в часть 13 «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», стр. 28, и имеет следующее описание: «В чёрном щите золотой меч вверх, между двух золотых летящих горлиц с червлёными глазами, клювами и лапками. Над щитом дворянский шлем с короной. Нашлемник: золотая, с червлёными глазами, клювом и лапками горлица. Намёт: чёрный с золотом». 19.12.1817 подпоручик **Василий Васильевич Горлов** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ГРУШЕЦКИЕ – древний рязанский дворянский род герба Любич польского происхождения. Польский и русский дворянский род. Родоначальник его, **Карп Евстафьевич Грушецкий**, коронный хорунжий, между 1584 и 1598 гг. выехал из Польши в Москву в конце XVI в. Его сын, **Илья**, за московское осадное сидение 1610 пожалован был вотчиной в Кашинском у., затем был воеводой на Белоозере. Внук его дворянин московский **Семен Феодорович** был воеводой в Чернавске (1668 г.) и имел дочь **Агафью** (ум. в 1681 г.) – первую супругу царя Федора Алексеевича. Герб **Грушецких** помещен во II часть Общего Гербовника на стр. 85 и имеет следующее описание: «В щите, имеющим голубое поле, изображены серебряная подкова и два креста, один серебряный в середине подковы, а другой – золотой на поверхности оной. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложен золотом». 3.12.1789 тайный советник и сенатор **Владимир Сергеевич Грушецкий** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ражены серебряная подкова и два креста, один серебряный в середине подковы, а другой – золотой на поверхности оной. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложен золотом». 3.12.1789 тайный советник и сенатор **Владимир Сергеевич Грушецкий** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ГУБАРЕВЫ – рязанский дворянский род. **Тимофей Дмитриевич Губарев**, воевода великого князя Василия Ивановича, взят в плен поляками в бою на реке Крапивне (1514 г.). Герб **Губаревых** помещен в Общий Гербовник (часть IV, стр. 66) и имеет следующее описание: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображен камень, а в нижней части в красном поле видна выходящая с левой стороны из облаков рука, держащая крестообразно три зеленые стрелы, остроконечиями обращенные вверх. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем коро-

ной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложен золотом». 8.12.1793 касимовский уездный предводитель дворянства, титулярный советник **Василий Андреевич Губарев** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ная звезда. Во второй и третьей части в серебряном поле видны по три стропила красного цвета. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской короной. Щит держат два черных одноглавых орла. Намет на щите зеленого и красного цветов, подложенный золотом». 21.10.1790 надворный советник, спасский уездный предводитель дворянства **Василий Андреевич Дашков** внесен в IV часть ДРК Рязанской губернии как представитель иностранного рода. 15.09.1844 рязанский земский деятель и писатель **Дмитрий Дмитриевич Дашков** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии как представитель древнего рода.

на щите красный и голубой, подложенный золотом». 18.01.1791 подпоручик **Михаил Ермолаевич Денисьев** вместе с племянником, гвардии прапорщиком **Дмитрием Александровичем Денисьевым** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

ДЕНИСЬЕВЫ – рязанский дворянский род, происходящий от Ивана Ивановича Шаина, черниговского воеводы, переселившегося в Рязань в XIII в. От него пошли Булгаковы, Измайловы и Д., принявшие фамилию от имени правнука его **Денисия Юрьевича**, бывшего боярином великих князей рязанских Ивана Федоровича и Ивана Васильевича. Герб этого рода помещен в Общий Гербовник (часть IV, стр. 136) и имеет следующее описание: «В щите, разделенном перпендикулярно на два поля, голубое и золотое, изображено красное солнце, и сквозь него крестообразно вонзены серебряные шпага и стрела. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной с тремя страусовыми перьями. Намет

Графы и дворяне **ДМИТРИЕВЫ-МАМОНОВЫ** – русский дворянский и графский род, происходящий от князя Константина Ростиславовича Смоленского, внук которого, Александр Юрьевич Нетша, был родоначальником Дмитриевых, **Дмитриевых-Мамоновых** и Даниловых. Герб графов Дмитриевых-Мамоновых помещен в I часть Общего Гербовника на стр. 30 и имеет следующее описание: «поперек разделенного щита, верхняя половина разрезана пополам. На первом, синем поле, находится стоящий серебряный ангел, лицом обращенный и в правой руке держащий обнаженный меч. На втором, серебряном поле, медная пушка на красном лафете, обращенная в левую сторону, на затравке которой райская птица в естественном виде. Внизу, по левую сторону, желтый щит. В нижней части, с трех сторон серебряными

облаками окруженной, в красной половине щита видна прямостоящая, с перьями внизу, серебряным полумесяцем вверх обращенным, обьятая с обеих сторон восьмиугольными звездами сопровождаемая, вверх сквозь золотую корону, на которой с обеих сторон по два павлиньих пера, пущенная серебряная стрела. На щите графская корона, над которой передом обращенный, открытый, красного подбоя, с висящим клейдоном и с опущенным наметом, с правой стороны серебряного и синего, а с левой серебряного и красного цветов, увенчанный золотой короной рыцарский шлем, из которого видны четыре павлиньих пера. Щито-держатели по обеим сторонам – два назад смотрящие льва в естественном виде, с загнутыми хвостами». Герб рода дворян **Дмитриевых-Мамоновых** помещен во II части Общего Гербовника на стр. 21 и имеет следующее описание: «Щит разделён горизонтально на две части, из коих в верхней, разрезанной перпендикулярной чертой, в правом голубом поле изображен стоящий ангел в серебрянотканой одежде, держащий в правой руке меч, а в левой золотой щит. В левом серебряном поле чёрная пушка, означенная на золотом лафете, поставленном на зелёной траве, и на пушке сидит райская птица. В нижней части, окруженной с трёх сторон серебряными облаками, в красном поле перпендикулярно означена стрела, летящая вверх через серебряный полумесяц, обращённый рогами вверх, на поверхности коих видны по одной восьмиугольной серебряной звезде и между ними золотая корона с четырьмя павлиньими перьями. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной, намет на щите голубого и красного цвета, подложенный серебром. Щит держат два льва». 9.01.1830 подпоручик **Иван Петрович Дмитриев-Мамонов** внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

облеченная в латы, стрелу держащая; в левой нижней части в голубом поле серебряная крепость. Щит покрыт княжеской мантией и увенчан княжеской шапкой». 10.12.1841 надворный советник князя **Ростислав Алексеевич** и 17.12.1880 статский советник князь **Дмитрий Алексеевич** Долгоруковы внесены в V часть ДРК Рязанской губернии.

Князья ДОЛГОРУКОВЫ – русский княжеский род, происходящий от святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Потомок его в седьмом колене, кн. **Иван Андреевич Оболенской**, прозванный **Долгоруким**, был родоначальником князей **Долгоруковых**, герб которых внесен в Общий Гербовник (часть I, стр. 7), имеет следующее описание: «Щит разделен на четыре равные части, в которых изображены: в первой в золотом поле черный одноглавый орел в золотой короне с распростертыми крыльями, держащий в лапе золотой крест вправо наклоненный; во второй части в красном поле ангел в сребротканной одежде, держащий в правой руке серебряный вверх поднятый меч, а в левой – золотой щит; в правой нижней части в черном поле выходящая из белого облака рука,

Князья ДРУЦКИЕ, ведущие свое происхождение от владимиристо-галицких князей, приняли свое имя от г. Друцка, где они княжили. Внук их родоначальника князя друцкого Михаила Романовича князь **Дмитрий Васильевич Друцкий** был союзником великого князя рязанского Олега Ивановича и женат на его дочери Анастасии. Герб князей **Друцких** имеет следующее описание: «В червленом поле перпендикулярно поставлен серебряный меч с золотой рукояткой острием вниз. С обеих сторон меча по два золотых полумесяца, горизонтально рогами один к другому обращенные. Щит покрыт княжеской мантией и увенчан княжеской шапкой». 17.12.1817 гвардии полковник, князь **Данила Андреевич Друцкий** внесен в IV часть ДРК Рязанской

губернии, как представитель рода, выехавшего в свое время из Великого княжества Литовского.

ДУБОВИЦКИЕ — древний рязанский дворянский род, родоначальник которого, Иван-Воин Ломовский, по преданию, выехал из Польши. Начало этого рода относят ко времени легендарного родоначальника всех поляков (ляхов или лехов) Леха I. *Дубовицкие* стали прозываться по своему родовому владению деревни Дубовицкая Рязского (позже Скопинского) уезда. Пользовались гербом Гржимала, который представляет собой щит, имеющий золотое поле, на котором находятся три башни кирпичного цвета; в открытых воротах средней башни вооруженный воин, держащий в правой руке меч, а в левой щит; в нашламнике три башни на павлиньих перьях (Общий Гербовник, часть 10, стр. 48). В 1811 и 1814 гг. род *Дубовицких* внесен в VI часть ДРК Рязанской губернии.

(Продолжение следует)

АНТРОПОНИМИЯ

А.В. Перекусихин

Фамилия Перекусихин в антропонимии Рязанского края: морфология и этимология

Аннотация. В статье рассматриваются исторические, социальные и лингвистические аспекты происхождения фамилии Перекусихин, её вариантов и близких образований (Перекусов, Прокусихин, Переусхин и др.). На основе анализа писцовых книг, ревизских сказок, метрических записей и лексикографических источников показано, что представители этой фамилии принадлежали к разным сословиям — от детей боярских и служилых людей до крестьян и посадских. Исследуется география упоминаний — от Рязанской и Пензенской губерний до Москвы и Киева. Особое внимание уделено морфологии фамилии: выделены три структурные группы антропонимов, проанализированы значения приставки пере-, корня кус и суффиксов -иха, -ин, -ов. Рассматриваются гипотезы о прозвищном происхождении фамилии, включая связь с глаголом кусать, диалектными образованиями и возможным финно-угорским влиянием. Показано, что фамилия сформировалась естественным путём в народной среде, отражая как социальную дифференциацию, так и языковые особенности восточнославянской ономастики.

Ключевые слова: дети боярские, крестьянство, антропонимика, этимология фамилии, морфология фамилий, ревизские сказки, Рязанская губерния, приставка пере-, корень кус, суффикс -иха, ойконимика, диалектология.

Введение

Фамилия — не просто идентификатор. Она может стать ключом к истории целого рода, отражающей социальные перемены, миграции, языковые особенности и даже народные представления. Одной из таких является фамилия *Перекусихин* — редкая, но устойчиво фиксируемая в исторических источниках с XVI века. Её варианты и структурно близкие образования — *Перекусов*, *Прокусихин*, *Переусхин*, *Береусихин* — встречаются в разных уголках бывшего Российского царства, от его южных рубежей до северных пределов.

Настоящая статья ставит своей целью комплексный анализ происхождения и развития фамилии *Перекусихин* через призму трёх аспектов: социальной принадлежности её носителей, географического распространения и лингвистической структуры. Используя данные писцовых книг, ревизских сказок, метрических записей и лексикографических источников, мы проследим путь этой фамилии от прозвищного корня до устоявшегося антропонима, одновременно раскрывая социальную дифференциацию её носителей — от детей боярских до крестьян.

Дети боярские

Поиск по общедоступным источникам даст статьи в энциклопедиях, посвященные Василию Саввичу (1724–1788) и Марии Саввишне (1739–1824) Перекусихиным. Это родные брат и сестра, находившиеся в начале XVIII века среди знати Петербурга и ведущие свой род от рязанских дворян.

Родословная роспись, поданная 11 октября 1686 г. дьяком Гаврилой Тимофеевичем Перекусихиным, указывает основателем рода Дмитрия Васильева, который «лета 6879-го (1371) служил по Рязани великому князю Ольгу Ивановичю Рязанскому, и испомещен был в Рязанском же уезде». Один из его потомков, Дмитрий Григорьевич, был взят в плен татарами и пробыл там 28 лет, «поместья их роздано в роздачу». После возвращения из плена, Дмитрий был испомещен в Ряжске и стал служить по этому городу [7].

В дальнейшем представители рода несли поместную службу, в основном в городах Ряжске, Скопине и их уездах, а также в городах и уездах Воронежа, Белгорода и Царицынской оборонительной линии. Рязанско-ряжские Перекусихины — дети боярские и казаки, но их представители встречаются и среди служилой бюрократии Ряжска, Рязани, Москвы и Петербурга.

Крестьяне

Основной массив упоминаний варианта *Перекусов* приходится на н.п. Вязовенки Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии – ранее это экономические крестьяне, позднее – крестьяне (возможно связано с дачей уставных грамот, выкупом крестьянами наделов и переходом в разряд крестьян собственников).

Вариант *Перекусихин*, относящийся к крестьянам, известен и в с. Архангельское (Голицыно тож) Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. Впервые он появляется в ревизских сказках 1816 г.

Остальные находки использования фамилии на настоящий момент точечны в Архангельской, Самарской и Калужской областях и не имеют достаточного материала для анализа.

Антропонимика

Исследователи ([6; 18]) отмечают прозвищный характер фамилии.

Список вариантов написания фамилии и близких к ней по звучанию с датами и географией фиксации в источниках:

1472. Кусаков Василий Михайлович, 1472 г., Новгород; Иван Иванович, 1559 г., Новгород; Василий Леонтьевич, вторая половина XVI в [4. С.174].

1529. «Перекеъ. Ивашко Власовъ сын Перекеъ, землевладелец...» [16. С. 301] / ?

1545. Закуса, крестьянин, 1545 г., Новгород [4. С. 119]

1579. Михаил и Дмитрий Дмитриевы, дети Перекусихина [7]. / Ряжск. Рязанская область.

1612. Закусиха Третьяк [см. Третьяк], посадский человек, 1612 г., Нижний Новгород [4. С.119].

1614. Исай Степанов сын Перков, ... 201. Олексей Иванов сын Перков, ... и др. / Городцкой стан, Карачевский уезд, Брянская область.

1679. Куска Чечькин/ сметная роспись Переяславля Рязанского [13].

1723-1858 В метрических книгах: Прокусихин, Прокусов. В ревизских сказках – «Перекусихин» / с. Архангельское (Голицыно тож), Нижнеломовский уезд, Пензенская губерния.

1762. В метрических книгах запись о смерти: Игнат Перекус 7 декабря 1812 г. (г.р. ~1762) / Киев. Киевская губерния.

1827. «... экономический крестьянин Василий Никитин Перкусихин...» / Сретенский сорок, г. Москва.

1850. «...крестьянина Филиппа Михеева Переусхина сын Иван – 1 год. От оспы» / н.п. Шахматово.

1885. Перекусов Сергей Трофимов, Козма Никитин Перкусов / н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния.

1902г. «...дочь крестьянина Елена Евфимьева Береусихина ...» / ?

1903г. «...крестьянка Ирина Павлова Переписихина...» / с. Байдулино, ...

География упоминаний по годам:

Дата	ФИО	Место
1472	Кусаков Василий Михайлович	Новгород
1529	Ивашко Власовъ сын Перек	?
1545	Закуса, крестьянин	Новгород
1579	Михаил и Дмитрий Дмитриевы, дети Перекусихина	Ряжск. Рязанская область
	Сын боярский Федка Михайлов сын Перекусихин	Ряшанин, перечислен на службу с Рязани
1592	сын боярский Тимоха Федоров Перекусихин	Ряжск, Рязанская область
	сын боярский Офоня Игнатьев сын Перекусихин	
	сын боярский Улан Дмитриев сын Перекусихин	
1594	сын боярский Иван Михайлов сын Перекусихин	Ряжск, Пехлецкий стан, Рязанская область (жеребий в деревне Кучуково)
1605	Воевода ряжский городской Перекусихин Дмитрий Иванович	Ряжск, Рязанская область
	воевода Дмитрий Григорьевич Перекусихин	
1612	Закусиха Третьяк, посадский человек	Нижний Новгород
1614	Исай Степанов сын Перков и др.	Городцкой стан, Карачевский уезд, Брянская область
1617	ряжский городской дворянин Иван Иванов Перекусихин	Ряжск, Рязанская область
	Сын боярский Клим Федоров Перекусихин	Воронеж, Воронежская область
1629	сын боярский Ведан Перекусихин	Ряжск, Рязанская область
1626	Перекусихин Васька Федоров	н.п. Кучуково, Пехлецкий стан, Ряжский уезд
1638	сын боярский ряшанин Тимофей Перекусихин	отпущен в Козлов
1645	сын боярский ряшанин Тимофей Иванов сын Перекусихин (битва на р. Токае)	Ряжск, Рязанская область
1650	сын боярский ряшанин Евтюшка Перекусихин	Ряжск, Рязанская область
1655-57	сын боярский Евтихий Перекусихин назначен главою козловских стрельцов	Козлов
1660	сын боярский коломитин Илларион Тимофеев сын Перекусихин	Коломна
1663	служилый человек, ряшанин, Федор Перекусихин	Ряжск, Рязанская область
1669	ряжский сын боярский Федор Федорович Перекусихин	Ряжск-Севск
1670	Служилые люди Коломны в смотренной книге служилых людей в Севске Перекусихин Афанасий	Коломна-Севск
1675	сын боярский, помещик, Филат Перекусихин	н.п. Сенное, Карачунский стан, Воронежский уезд

	Сын боярский городской службы Иван Еуфимов сын Перекусихин	Воронеж, Воронежская область
1685/87	ряшанин Перекусихин Глеб Федорович	Рязск, Рязанская область
	ряшанин Фёдор Федоров Перекусихин	
1697-1700	Иван Тимофеев сын Перекусихин	г. Козлов
1700/02	Воронежец, сын боярский Никита Перекусихин	Воронеж, Воронежская область
1708	стряпчий Иван Тимофеев сын Перекусихин	н.п. Желтухино, Рязский уезд, Рязанская область
1733	казачий сын Иван Игнатов сын Перекусихин	уроженец Старой Хоперской Пристани, позже – в станице Сиротинской
1736	Иван Игнатьев сын Перекусихин	Короваевская станица
1800	Герасим Дмитриев сын Перекусихин	замоскворецкий сорок, г. Москва
1812 (1762)	Игнат Перекус 7 декабря 1812г (г.р. ~1762)	Киев, Киевская губерния
1827	экономический крестьянин Василий Никитин Перкусихин	Сретенский сорок, г. Москва
1850	крестьянин Филипп Михеев Переусхин	н.п. Шахматова, (ГА Тобольск)
1885	крестьянин Перекусов Сергей Трофимов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
	Крестьянин Козма Никитин Перкусов	
1890	Марфа Васильева Перкусова	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
1891	Силиверст Кузьмин Перкусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
1899	Андрей Тихонов Перекусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
	Василий Наумов Перкусов	
1900	Крестьянин Тимофей Трофимов Перекусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
1902	дочь крестьянина Елена Евфимьева Береусихина	Архангельской волости, села Архангельского (ГА Тобольск)
1903	крестьянка Ирина Павлова Перепсихина	н.п. Байдулина (ЦГА Самарской области)
1905	Рядовой Перкусов Яков	Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
	Перекусихин Иван	? (в японском плену Порт-Артурский гарнизон)
1910	Иван Игнатов Перкусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
1911	Прокопий Наумов Перкусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния

1912	Абрам Тихонов Перкусов	н.п. Вязовенки, Павелецкая волость, Скопинский уезд, Рязанская губерния
	Тихон Наумов Перкусов	
	Василиса Андреева Перкусова	
	Ирина Наумова Перкусова	
1917	Крестьянин Захар Ильин Перекусов	н.п. Буянович, Подбужская волость, Жиздринский уезд, Калужская губерния

Морфология фамилии

По структуре антропонимы можно распределить на 3 группы. Критерием классификации служит наличие единой основы:

1. Кусаков, Закуса, Закусиха, Куска (группа «кус»)
2. Перек, Перков (группа «перек / перк»)
3. Перекус / Перекусов / Перкусов / Прокусов / Перекусихин / Перкусихин / Прокусихин (Переписихина / Переусхин / Береусхина) (группа «пере / пер / про» + «кус»)

Рассмотрим значение словообразующих элементов антропонимов, имея ввиду конечной форму *Перекусихин*.

Суффиксы

Ю. Ю. Гордова в «Рязанской антропонимии...» отмечает, что фамилии с суффиксами -ов /-ев и -ин являются самыми распространенными в процессе образования русских фамилий. Они возникли в результате перехода притяжательных прилагательных, обозначавших индивидуальную принадлежность тому, кто назван мотивирующим словом, в разряд существительных. В качестве мотивирующего слова в патронимах, оканчивающихся на указанные суффиксы, выступало прозвищное или крестильное имя главы семьи – отца. Такое прозвание не только представляло собой именование человека по отцу, но и выполняло функцию родового обозначения членов семьи, рода. Со сменой поколений суффикс утрачивает значение принадлежности к конкретному главе семьи и становится формообразующим суффиксом для образования русских фамилий вообще.

Ю. Ю. Гордова относит фамилию как восходящую к прозвищам, обозначающим отличительные свойства и признаки человека, при этом чаще всего отрицательной семантики. Такое образование указывает на естественный путь возникновения фамилии в народной среде, независимо от волеизъявления их носителей [6. С. 94].

Б. О. Унбегаун в работе «Русские фамилии» [18] склоняется к тому, что происхождение фамилии не связано с личным именем. В прозвищах используются несколько специфических суффиксов, которые в литературном языке встречаются крайне редко. Суффиксы прозвищ принадлежат к экспрессивно-эмоциональному морфологическому слою, который плохо представлен в литературном русском церковнославянского происхождения, но для русских диалектов он обычен. Фамилии с суффиксальным -х- чаще оканчиваются на -ин, чем на -ов. Ударение на предпоследнем слоге. В этой группе чаще встречаются фамилии на -ихин, при этом некоторые из них соответствуют старым фамилиям на -ишин. Трудно определить, является ли исходное имя на -иха личным прозвищем или андрометронимом и должны рассматриваться как производные от мужских имен. Хотя и здесь возможен такой вариант, *если бы имя на -иха было бы зафиксировано в старых текстах как мужское*. Исторические сведения ограничены и представляют собой имена нетитулованного мелкопоместного дворянства. Видимо, андрометроним на -иха у русского мелкопоместного дворянства принят не был, из чего можно сделать вывод, что древние имена мелкопоместного дворянства на -ихин не андрометронимического происхождения.

Ю. С. Азарх в «Диалектном имяобразовании...» [2. С. 103-108] отмечает, что в диалектной речи встречаются отсубстантивные образования на -иха, занимающие как бы промежуточное положение между именами собственными и нарицательными. Это индивидуальные прозвища, мотивированные переносными образными значениями производящих существительных... В отличие от прозваний жен по мужу подобные индивидуальные прозвища имеют яркую отрицательную окраску.

В этой же работе исследуются образования на *-иха*: «Формант *-их-а* сформировался в славянских языках, видимо, позднее суффиксов со структурой “гласный + к или его репрезентант ц”... Праславянские образования на *-иха* пока не выявлены. Этот суффикс продуктивен лишь в восточнославянских языках и особенно в русском. В других славянских языках нарицательные существительные на *-иха* либо отсутствуют, либо непродуктивны и встречаются обычно в зоне контактов с восточнославянским языковым континуумом. Скорее всего, этот формант является восточнославянской инновацией. В. Кипарский включает суф. *-их-а* в число формантов балто-славянского происхождения, но со знаком вопроса ... Этот суффикс, как и суффиксы типа “гласный + к или ц” является полифункциональным. Он сочетается с основами разных грамматических классов и используется в деривации существительных с мутационными, модификационными и реже транспозиционными значениями отвлеченного действия или качества...».

Ю. С. Азарх пишет: «... По-видимому, тип модификатов со значением женскости на *-иха* сформировался в русском языке не ранее второй половины XVI в., о чём свидетельствуют данные исторической ономастики... в начальный период формирования этого типа (XVI–XVII вв.) они были менее продуктивны, чем андронимы, что обусловлено в первую очередь внеязыковыми причинами: ограниченностью сферы применения женского профессионального труда, редкостью женских имен в документах того времени, поскольку в качестве юридического лица выступают обычно мужчины. Также активность в XV–XVI вв. модели мужских отапельлятивных прозвищ на *-иха* и отантропонимических топонимов на *-иха*, видимо, должна была ограничивать активность формирования модификационного типа наименований лиц женского пола на *-иха*.

Андронимы на *-иха* регулярны в говорах на территории позднего заселения в восточной диалектной зоне, в то время как для западной диалектной зоны характерны прозвания жен по имени, прозвищу, фамилии и роду занятий мужа, а наименования лиц женского пола по профессии на *-иха* при сосуществовании последних с однокоренными параллелями других моделей считаются носителями диалекта словами новыми для говора... Формально-семантически не соотносительные с наименованиями лиц мужского пола образования на *-иха*, называющие женщин по какому-либо характеризующему их предмету, действию или свойству, относительно редки в русских говорах. ...Девербативы жен. рода также малопродуктивны в деривации лиц женского пола. ...Десубстантивы на *-иха* этой группы функционируют как произзвища...

Модификаты на *-иха* образуются преимущественно от наименований лиц мужского пола, от которых нерегулярны образования на *-ка* и которые не входят в оппозицию кодированых муж. и жен. рода по признаку пола..., сосуществование однокоренных модификатов на *-ка* и *-иха* в одном говоре отмечается при принадлежности последних к общерусским лексемам...».

Приставка

Словари В. Даля, А. Преображенского, М. Фасмера дают такое объяснение морфемы.

По Далю, *пере-* – это предлог слитный (по современной терминологии – приставка. *Прим. ред.*), означающий изменение, повторение, начатие сызнова, опережение, взятие преимущества над кем или над чем-либо, одоление, избыток сил или действия, деление на части, окончание дела или многих дел, взаимность и обоюдность действия, множественность предметов или многократность действия. В итоге В. Даль отмечает, что образование предложных слов с предлогом *пере-* так обширно, что полноты их нельзя требовать даже от словаря, но они большей частью понятны сами по себе.

В словаре М. Фасмера семантика морфемы объясняется следующим образом: «про – предл. и приставка; соответствует про- в именных сложениях (см.); укр. про, др.-русс. про-, про «ради», ст.-слав. про-, болг. про-, сербохорв. про-, словен. рго-, чеш. рго «для», ргу-... || Родственно др.-прусс. рга «через, для», рга- «про-, пере-, за-», лит. рга—то же, др.-инд. рга- «перед, за-», авест., др.-перс. fra-, лат. рго- ..., др.-ирл. го-, гот. fra-, нов.-в.-н. ver- «пере-, за-»...»[19. С. 370].

А. Преображенский пишет, что приставка *пере-* обозначает движение с одного места на другое (*перебежать*), заполнение действием известного промежутка времени (*перезимовать*), чрезмерность действия (*перестараться*), возобновление действия (*пересчитать*) и др. В некоторых славянских языках также предлог – «через», «по», старославянское «пре»; предлог, приставка, наречие – «над», «сверх», «чрезмерно», «вон», как приставка – «пере-». В литовском *per*, предлог – «через», «по», «за», а также «в течение», «слишком». В древнеиндийском *paḥi*, предлог – «над», «против», «возле», «для», наречие «вокруг», «очень» [14. С. 20-21]. С прилагательными только «пре-» – «очень». Хотя часто бывает и разное значение *пере-* и *пре-* [14].

Перек / Перк

Отдельного разбора, на наш взгляд, требует форма *Перек / Перк*.

В словаре древнерусского языка (извлечения): «*Перекъ*. Наречие поперек: ... [17. С. 372]

Перекы. Наречие 1. Навстречу; наперерез. 2. Поперек» [17. С. 373].

В историко-этимологическом словаре: «*Поперек*, нареч. и предлог с род. п. – «отвесно или наперерез к длине», «в ширину»; устар. «наоборот», «навыворот», «против» и далее: «др.-рус. По перекъ, поперегъ, перекъ, въ перекы, переку, произв. Перечина – «наперекор»... Наречие (и предлог) Поперек в русском языке представляет собой адвербализированную форму винительного падежа единственного числа с предлогом *по-* от существительного **перекъ* – «ширина», «поперечина»(?). Смотри Перечить [24. С. 57].

Перечить – говорить, поступать наперекор кому-л.». В славянских языках: мешать, препятствовать, противоречить, упираться. Этимология слова: О.-с. основа **perk-* как в о.-с. **proкъ*, **pročiti*. И.-е. **per-k-*» [24. С. 22].

У М. Фасмера (извлечения): «-Перёк: попереку перечить, укр. *пирека* «противоречие, противодействие», блр. *пёрек* «поперек», др.-русс. *перекъ* «ширина, поперечина», ст.-слав. *въпр'ькы*, болг. *пряко* «напрямик, поперек», сербохорв. *пријек* «крутой», *пријеки* «прямой, ближайший», *пријек* «через», словен. *ргёк*, *ргёко*, нареч., *ргёк*, предл. «поперек», чет. *pfika* «крутизна», *pfic* «поперечник», елвц. *priek* «упорство, сопротивление», польск. *przeko* «поперек», *przeszyo* «перечить», в.-луж. *preki* «поперек, через, напротив», н.-луж. *pfeki*. Из праслав. **per-kъ*; см. *пере-*; образование аналогично *прок*: *про* ... Форма вопрект заимств. из цслав., как и *прекословить*» [19. С. 238].

В Псковском словаре народных говоров: «*Пёра*, ы, ж., собир. Зелёные листья лука. *лұцына*, *злѣнае-та пёра*, а *галóфка-та лұцына*. *Разрагáтица анна галóфка*, с неѣ *пёра-та* и *растѣ*. Остр.;

Пёрак, а, м. Кто изготовляет хлеб; пекарь. не знаю, как их назва́ть. *Мóжа*, *пёраки*. Стр. ср. *пéкарь*» [9].

Вариант «Пере-/Пер-/Про- + суффикс -к-»

Несмотря на наличие в русском языке слова *перек*, предлагаю рассмотреть гипотезы о структуре с расширительным суффиксом -к-, а также о внешнем влиянии на апеллятив в связи с локацией формы *Перек / Перк* в ареале соприкосновения или распространения финно-угорских языков.

Гипотеза о расширительном «-к-».

У М. Фасмера (извлечения): «*Прок*, род. п. -а, диал. *прок* «на следующий год», сиб., др.-русс. *прокъ* «остаток», прилаг. «остающийся», *въпрокъ* «навсегда», ст.-слав. *прокъ* (Гунр.), прочие — то же, др.-чеш. *prokni* «каждый», др.-польск. *prokny* — тоже, *orgosz* «кроме».|| Праслав. **ргокъ* представляет собой расширение *рго-* (см. *про*) с помощью элемента -ко- подобно лат. *resiprosum* «обращенный вперед и назад» (**resco-* + **proso-*), *proceres* «знатнейшие вельможи; концы балок, выступающие из стены». Первонач. **prokos* «находящийся впереди», ср. *перёк* из **per-kos*... См. *прочий*.» [19. С. 373].

Гипотеза о внешнем влиянии (выдержки из: «К этимологии слова *пёрка* (сверло)» [11. С. 67-83])

«В русском языке известен профессиональный – столярный и плотницкий – термин пёрка.

Обнаруживается оно в источниках, связанных с русскими говорами Северо-Запада. Его фиксации относятся к Карелии, Новгородской и Архангельской областям и к западу Вологодской...

С учетом всех имеющихся проблем можно предложить еще одну версию происхождения рус. *пёрка*. Эта версия предполагает заимствованный характер лексемы и связывает ее с прибалтийско-финским гнездом, в основе которого лежит семантика вращения. Приведем гнездо достаточно подробно, чтобы была понятна логика его семантической организации: фин. *pyörä* ‘колесо (напр., повозки, прялки); вращающаяся задвижка двери, щеколда; вихор в волосах’, *pyörö* ‘круглый, вертящийся; кружок, колечко’, *pyöry* ‘круг’, *pyörylä* ‘круг, кружок, колечко’, *pyörykkä* ‘шарик, кружочек’, *pyöreä* ‘круглый, обтекаемый’, *pyöriä* ‘вертеться, крутиться, вращаться, кружиться; катиться’, *pyörittää* ‘крутить, вертеть, вращать; катать, катить’, *pyöriäinen* ‘вихрь; вихор в волосах’, *pyörtää* ‘огибать, окружать, кружить, вращать, скручивать, согнуть’, *pyörtämä* ‘водоворот’, *pyörtävä* ‘то же; вихор в волосах’, *pyörre* ‘завихрение, закручивание (напр., воды, ветра, волос)»; карел.-ливв. *püörä* ‘колесо (напр., повозки), вихор в волосах, щеколда’, *püörö* ‘обруч, бандаж’, *püöröi* ‘колесо, диск, шайба; щеколда двери; круглый пирог’, *püörükäini* ‘круглая рама, коробка; обод; круглый сруб, каркас; волчок, юла; вихор в волосах’, *püöritteä* ‘крутить, вертеть, вращать, катать’, *püörteä* ‘делать круглым’, *püörtöä* ‘срезать кору с комля дерева, чтобы оно засохло»; люд. *püörü* ‘щеколда’, *püörülaine*, *püöräk* ‘(четырёхсторонний) инструмент азартной игры (видимо, рулетка. – О.М.)’, *püörähäin*, *püöräkkö* ‘вертушка, флюгер’, *püörüš* ‘круглый»; вепс. *pörö* ‘ви хор волос’, *pöruda*, *peruda* ‘вертеться, крутиться’, *pörjähe* ‘вертушка’ и др.; вод. *pörä* ‘колесо; круглый оселок’, *pör* ‘точило’, *pörittä* ‘вертеться, крутиться’, *pörittä* ‘вертеть, крутить, вращать’ и др.; эст. *pöör* ‘щеколда двери; колесо; рулон, свиток, катушка, бобина, диск’, ‘отворот, загиб’, *pööruuda* ‘поворачиваться’, *pöördä* ‘возвращаться, поворачивать; гнуть, сгибать; поворачиваться; гнуться, сгибаться, загибаться’, *pööre* ‘отворот, загиб; поворот’, *põrus* ‘мутовка’, *põorus* ‘гнутье, загибание, вращение’ и др.; лив. *piērâ*, *püörâ* : р. *lā'dâ* ‘крутить, вращать’, *piēr* ‘карусель’, **pē'ör* ‘крутить, вращать; гнуть, сгибать, загибать, поворачивать’.

В плане семантики логика связи рус. *пёрка* с рассматриваемым гнездом очевидна, так как работа сверла представляет собой именно вращение, причем этот факт должен особенно хорошо осознаваться в том случае, если сверло ручное, поскольку именно рука человека и совершает эти вращательные движения. В структурном отношении также не возникает сложностей: вычленяемый в русской лексеме аффикс может иметь как собственно русское, так и прибалтийско-финское происхождение. Ср. прибалтийско-финские суффиксы существительных: отглагольные -*kki*, -*e(k)* и отыменные -*kka/kkä*, -*kko/kkö*. (Можно обратить внимание, что в приведенном выше гнезде имеются дериваты с такой структурной организацией: см. фин. *pyörykkä* ‘шарик, кружочек’, люд. *püöräkkö* ‘вертушка, флюгер’.)».

Корень кус

В Словаре древнерусского языка (извлечения):

«*Коус|а* (1*), -ы с — ? : надѣющеся собрѣсти бг(с)тво. придоша кусою поплѣнени ... мниси. ти іако не собрѣтоша ничто же..

Коуса|ти (3*), -ю, -іѣть гл. 1. Кусать:...; 2. Откусывать:...

Коусіѣ|1 (4*), -а с. Кусок (о пище)...

Коусѣ|2 (1*) пр. Куцый, с отрубленным хвостом: ...

Коуша|ти (4*), -ю, -іѣть гл. 1. Откусывать: ...; 2. Пробовать: ...» [1. С. 340-341].

Словарь русского языка 11-17 вв. (извлечения):

«*Кус*, м. 1. То, что откушено, кус: видяху члка жруща кусъ задавивше горло выторѣше кусъ расхыщаху. 2. Кусок, ломоть (хлеба). 3. О еде, куске хлеба, пропитании вообще. Из кусовъ ходити – побираться. А каликам безчестия, которые ис кусов ходят, 4 алтыны. 4. Преим. мн. отколотая, отбитая часть чего-л.; осколки. 5. Штука, ком, пласт чего-л. (о штучном товаре).

[Кус 2], м. Попытка (?)

Кусака, м. Тот, кто кусается (как кличка коня).

Кусание, с. Действие по глаг. *кусати* (в знач. 1, 3).

Кусательный, прил. перен. Едкий, язвительный, причиняющий боль, обиду: «...кусательные словесы...». Кусательно и кусательнѣ, нареч. перен. причиняя боль, обиду.

Кусати. 1. Кусать, откусывать (при еде); отведывать. 2. Хватать, рвать зубами. 3. Жалить, кусать (о змеях, насекомых).

Кусатися. 1. Кусаться, рвать зубами. 2. Жалить, кусать (о насекомых).

Кусець, м. пища, приобретенная нищенством, полученная в качестве подаяния: «...собрав, ... кусеца... да за тем ... кусецом сидячи...».

Кусикъ, м. Кусочек, небольшая часть чего-л.

Кусити, кушу. Дотрагиваться, прикасаться; пробовать (отведать, попробовать).

Кусливый, прил. Имеющий свойство кусать; больно жалящий» [22. С. 143-144].

У М. Фасмера (извлечения): «кус, род. п. -а, кусок, укр., блр. кус, кусок, др.-русс. ку-сѣу цслав. кжеъ, болг. къс, сербохорв. кус, кусак, словен. kos, чеш., елвц. kus, польск. kes, kasek, в.-луж., н.-луж. «kus, полаб. kes. || Родственно (праслав. *kьс(d)st>) лит. kandu, kandaу, kasti «кусать», лтш. kuozu, kuodu, kuost — то же, лит. kasnis «кусок», ..., возм., также д.-в.-н. hantag «острый, режущий» и др.-инд. khsdati «жуёт, кусает», нов.- перс. хауад «жуёт»; ...Интерес представляет также польск. kadek «кусок, крошка» ... Ср. сл.

кусать, -аю, укусить, укр. кусати, блр. кусаць, цслав. болг. кѣсам, сербохорв. кусати, кусам «жадно есть, зачерпывая полную ложку», словен. kositi, чеш. kousati «кусать», елвц. kusat\ польск. kasac, в.-луж. kusac, н.-луж. kusas. От кус.» [20. С. 431].

«куцый, укр. куций, блр. куцы.— то же, куцан «черт», польск. kus «бесхвостое животное» ... || Возм., экспрессивный вариант праслав. *ксьз; ср. цслав. кжеъ — то же, укр. кусай «куцый», болг. къс> сербохорв. кус м., куса ж., кусо ср. р., чеш. kusu, польск. kesу, в.-луж. kusi, н.-луж. kusu «короткий», которое связано с кус...» [20. С. 437].

Семантика производных образований с приставкой пере-

В Словаре русских народных говоров (извлечения) [3. С. 138]:

«Перекуска, и.ж. 1. Еда наспех... 2. Легкая закуска, пища, которая съедается наскоро, мимоходом. Тихв. Новг., Опоч. Пск., 1852. Ветл. Костром. ||Завтрак. Пск., Осташк. Твер., 1855. Ветл. Костром. 3. Перерыв в работе, отдых. Горицк. Калинин., 1941...

Перекусывать, -аю, -аешь, несов., неперех. Завтракать. Пск., Осташк. Твер., 1855.»

В Псковском словаре народных говоров (извлечения):

«Перекусать, аю, ает, сов. 1. кого, что. Искусать. Дед. ср. обкусать, переглодать. || Повредить укусами. Дед. || перен. Повредить чем-н. жгучим. Остр. 2. кого. Загрызть всех, многих. Пск. || что. Перегрызть. Печ. ср. перекусить.

Перекусить, кушѹ, кѹсит, сов. 1. кого. грызя, умертвить, загрызть. Беж. || что. Кусая, сделать рану, прокусить. Порх. ср. перекусать. 2. Немного поесть. Дед. Порх. Песни Пск. земли 1, 23, Себ. ср. перекуснѹть, перемереть 1.

Перекуска, и, ж. 1. Лѣгкая еда, питьѣ, которое берут с собой в поле, в дорогу; наскоро едят между завтраком и обедом или между обедом и ужином. Беж. Пск. Оп. Холм. Локн. Пуст. + Вл. ; Опыт, Оп. ср. пере хвѣтка. > дѣлать переку́ску. Есть между обедом и ужином. || Завтрак. Карпов. 2. То, чем закусывают вино, водку; Беж.

Перекуснуть, сов. Немного поесть. Палк. ср. перекусить.

Перекусочка, и., ж. 1. Легкая еда, кусок, ломтик чего-н. Локн. 2. Прием пищи перед ужином. Н-Сок. ср. паўжина.

Перекусывать, аю, ает, несов. 1. Немного есть. Беж. Оп. Н-Рж. Порх. 2. Завтракать. Карпов» [9. С. 383-384].

Ойконимика. Перекусихино, Перики, Малишево-Перкусы, Перкусы, Перкино, Перекушино / Рекино

Существуют созвучные с фамилией названия населенных пунктов.

Перекусихино – деревня (ряз.), упоминаемая в Писцовых книгах 1594-1597 гг., существовала до начала 20 в.

Малишево-Перкусы — село в административном округе гмина Завады Белостокского повята Подляского воеводства на северо-востоке Польши.

Дер. Перкусы (Малишево-Перкусы): Штабсь-Капитанамъ: пѣхотныхъ полковъ: 85-го Выборгскаго, Ивану Степенко за то, что, совѣ чинѣ Подпоручика, въ бою у д. Вечерки и 2-го августа 1915 года, будучи вызванъ участковаго резерва и занявъ позицію на лйд. Перкусы- озеро Лыньки, ... [Русский инвалид 18 ноя. 1916 №309]

Перкино. с. Спас. р-на., центр Перкинского сел. окр., в 19 км к Ю.-З от райцентра, расположено на лев берегу Прони, недалеко от ж. д. платформы Перкино [21. С. 137]. Впервые упоминается в писцовой книге князя Львова в 1629г [8].

Перекушино – бывшая деревня Алешковской волости, ныне – Чухломского района Костромской области. Согласно справочнику на селенных мест Костромской губернии – при колодцах, в 22 верстах от уездного города.

Фитонимика. Перакус, Перекус, Перекусник

В Этимологическом словаре белорусского языка [23. С. 55] есть статья «*Перакус* – трава, имеющая головки в виде щетинок». Справочная информация приведена в томе 1 этой серии [10]. Статья ссылается на работы:

В словаре Носовича: «*Перекус*, у, с.м. трава, имеющая головки в виде щетины» [12. С. 404].

В словаре Гарэцки: «*Перакус*, или крывауница – кукушкин лен, раст.» [5. С. 185].

В Словаре русских народных говоров [3. С. 138]:

«*Перекусник*, а, м. [удар.?]. Растение перекус, кукушкин лен. Нерехт. Костром., Смирнов, 1853» [15].

Гипотезы толкования

Похожие формы фамилий делятся на группы: «Кусаков, Куска, Закуса, Закусиха», «Перек, Перков», «Перекус, Перекусихин (и варианты)». Значения корневых слов первой группы родственны третьей группе, а также повторяют их значения при употреблении с расширяющими свойствами приставок. Слова второй группы отличаются своими значениями и пространностью толкования, поэтому их следует удалить из совместного рассмотрения с первой и третьей группами фамилий. По той же причине из числа близких по значению следует исключить и сведения из ойконимики: Перкино и Перекушино.

Ю. Ю. Гордова предлагает рассмотреть происхождение от *перековаться* из Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) [1]. От этого глагола могло образоваться прозвище *Перекуй* – «кузнец, который перековывает латы, доспехи». Даже если мужское прозвище звучало как *Перекуй*, то образованное от него прозвище жены могло звучать как *Перекусиха*, то есть при его образовании требовался протетический звук. Вследствие этого возникла ложная связь со словом *перекус*.

Слово *перекус* со значением «легкий прием пищи» фиксируется только в 19 в. Словари древнерусской лексики не содержат слов для подобного действия. Прием пищи (поглощение) определен и связан со словами «есть» и «кушать». При этом для *кус* и производных от него слов характерно действие отделения, уменьшения, ранения или констатация существования части, или доли. При употреблении формы «приставка + корень», ведущая роль значения остается за корнем. Так *куса́ть* (ранить), *куса́ть* (отделять), *кус* (кусочек пищи), *кус* / *куц* (укороченный, короткий) – сохраняют свои значимые свойства. Такое же поведение «перекуса» наблюдается при взаимодействии с пищей, где приставкой скорее характеризуется уменьшенность и незначительность действия, его малость, частичность, быстрота. То есть переносное значение отделения присваивается основному – поглощению. Здесь, вероятно, следует отвергнуть толкование лексемы *перекусить* как характеристику «обжора» (тот, кто переедает) и ограничить её многократностью основного значения – отделения, с трактовкой через негативные черты, как-то: ненасытность (многократно, без меры отделяет), жадность (множество кусков), буквально мелочность и скупость (из потока сделать глоток).

Другим вариантом толкования может стать следующее свойство морфемы *кус* – «ранение». Принимая вновь во внимание многократность и широту воздействия, заключенную в приставке «пере-», соединение её с проникающим действием *кус* может означать израненного, покрытого рубцами и шрамами – «перекусанного» человека. Противоположностью станет объяснение прозвища, в котором человек будет не объектом, а субъектом воздействия. Тогда это не жертва, а источник нападок, укулов и язв, и *Перекус* – «зло-/острослов, склочник, конфликтный или вспыльчивый человек».

Сомнительно, но не исключено происхождение от *перек*. Прозвище *Перека* могло быть переосмыслено как *Перекуса* — за счёт фонетического сходства и прозрачной семантики лексемы *кусать*.

Неясна связь диалектного названия растения кукушкин лён – *перекусник* – с зафиксированной в Рязских десятиках фамилией. Возможно, здесь фонетическое сходство, при разных производящих основах.

Заключение

Фамилия *Перекусихин* («сын Перекусихин») известна с 1579 г. и связана с городом Рязск (в XVI в. городок Рясской) на юго-востоке современной Рязанской области. Формулировка в источнике дает основание утверждать, что предок прозывался так же, следовательно, употребление её можно отнести к 1540-м гг.

По структуре и форме фамилия производная от прозвища, восходящего к общеславянским лексемам, известным и в русском языке. В значительной степени вероятно, что этимология фамилии не связана с наречием *перек* и не происходит от заимствованных лексем. Образование произошло с помощью полифункционального суффикса *-иха*, свойственного восточнославянским языкам. Такие образования, не соотносимые с мужскими формами имени и основанные на действии, предмете или свойстве, редки и чаще всего функционируют как прозвища. Место и время фиксации не позволяют сделать окончательный вывод о роде прозвища. С одной стороны, в восточных говорах распространены мужские прозвища на *-иха*. С другой – тип наименования женщин с помощью этого суффикса, формируется не ранее вт. пол. 16 в., поэтому с равной вероятностью могут быть рассмотрены гипотезы о прозвище *Перекусиха* и как мужском, и как женском.

Производящее слово имеет в своем составе корень *кус-*, с которым связан глагол *кусать*. Словарные статьи толкуют значение как действия: «кусать, ранить, отделять (разделять)». Приставка, возможно, означает действие («бить, хлестать, двигать») или множественность действия.

Реконструируемая схема происхождения фамилии выглядит так: *кус* (сущ.) → *кусать* (глагол) → *перекусить* (глагол) → *Перекусиха* (прозвище) → *Перекусихин* (притяжательное прил.) → *Перекусихин* (фамилия).

Гипотезы происхождения прозвища *Перекусиха* и фамилии *Перекусихин*:

От глагола *перековаться*: происхождение от прозвища *Перекуй* – от мужского *Перекуй* могло образоваться женское прозвище *Перекусиха* за счет добавления протетического звука, что создало ложную ассоциацию со словом *перекус*.

От значения многократного отделения – с оттенками жадности, мелочности, скупости, без связи с приемом пищи.

От принятия действия, переносном значении ранения: *кусать* – равно *калечить* «израненный, покрытый укусами».

От причинения действия – *Перекус* как человек, наносящий укусы: злой, острый на слово, склочный, вспыльчивый.

Возможное переосмысление от прозвища *Перека*: фонетически близкое прозвище могло трансформироваться в *Перекуса* за счет понятной семантики корня *кус-*.

Связь с растением *кукушкин лён*: диалектное название *перекусник*. Фонетическая схожесть, но семантическая связь с фамилией не ясна.

Библиография

1. Аванесов Р.И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Т. 4: (изживати — молении). 1991. Ин-т рус. яз.; М.: Рус. яз., 1988.

2. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М: Наука, 2000.
3. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Филин Ф. П. Вып. 26: Первое – Печетник / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз., Словарный сектор. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1991.
4. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М: Наука, 1974.
5. Гарэцкі М. Беларуская-маскоўскі слоўнік. Вільня: Друкарня Віленскага Выдавецтва, 1921.
6. Гордова Ю.Ю. Рязанская антропонимия: собственные имена жителей Пехлецкого стана (XVI век) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов; Ряз. обл. ин-т развития образования. Т. 20. Рязань: Узорочье, 2009.
7. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Книга 8. М. 1891 // Десятня денежная детей боярских Рязского города верстанья боярина князя Ивана Юрьевича Булгакова, да дьяка Дея Губастого лета 7087(1579).
8. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 4, 1888.
9. Ивашко Л.А., Лутовинова И. С., Тарасова М. А. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 25. СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / под ред. В. Мартына. Т. 1 А-Б. Минск: Навука і тэхніка, 1978.
11. Мищенко О.В. К этимологии рус. пѣрка 'сверло' // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 83, 2023.
12. Носович И.И. Словарь белорусского наречия / Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, Т. 2. СПб.: Тип. Императ. АН, 1870.
13. Попов М.Е. Московский архив Министерства юстиции / Рязань: Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1884.
14. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 П-С. М, 1910-1914.
15. Смирнов Н. Словарь наречия Костромской губернии Нерехотского уезда с приводом значений местных выражений и выговора их изустной речью, 1853.
16. Туников Н.М. Словарь древнерусских личных имен. С-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1903.
17. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Под ред. И. С. Улуканова / РАН. Ин-т рус. яз. Т. 6: Овадь – покласти. 2000. М.: Рус. яз., Азбуковник, 1988.
18. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М: Прогресс, 1989.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е - Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.
21. Рязанская энциклопедия / Под ред. В.Н. Федоткина. Т. 2. Рязань: Пресса, 2000.
22. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Ф.П. Филина; Романова Г.Я. (ред. вып.). Вып. 8: Крада – Лящина. М.: Наука, 1981.
23. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Под ред. Г.А. Цыхуна. Т. 9. Минск, республика Беларусь: Бел. Навука, 2004.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Панцырь – Ящур. М.: Рус. яз., 1999.

ТОПОНИМИЯ

Ю.Ю. Гордова

История изучения рязанской топонимии и антропонимии

Аннотация. В статье представлена история исследований географических названий, личных имен, прозвищ, фамилий Рязанской области. Рассматриваются работы 1950-1960 гг. и последующих десятилетий, а также труды современных авторов. Публикации основоположников российской топонимики и антропонимики, региональных ученых, краеведов – жителей Рязани и районов области – позволяют проследить путь, который прошла рязанская ономастика за 75 лет. С одной стороны, за это время изучены основные группы топонимов – гидронимы, ойконимы и микротопонимы, отдельные группы фамилий (духовенства, дворян, купцов, военнотружеников), прозвища жителей некоторых сел, созданы региональные топонимические и антропонимические словари, определены ареалы многих типов топонимов, с другой – еще остается очень много нераскрытых тем, которые ждут своего исследователя.

Ключевые слова: ономастика Рязанской области, рязанская топонимика, рязанская антропонимика, история изучения имен и названий, региональные исследователи ономастики.

Становление ономастики как самостоятельного направления в рамках языкознания и как вспомогательной научной дисциплины для истории и географии проходило в 1950-1960-е гг. Рязанская топонимика и антропонимика развивались вместе с ономастическими исследованиями в России.

Особый интерес у исследователей, безусловно, вызывала топонимика. Рязанские топонимы рассматривались и как часть топонимии большой страны, и как самостоятельный, локальный объект изучения. Рязанский топонимический материал использовали в своих работах известные ученые-ономасты О. Н. Трубачев, Е. М. Пospelов, Э. М. Мурзаев, Р. А. Агеева, Е. М. Отин. Локальным изучением рязанской топонимии занимались в разные годы З. П. Никулина, Г. П. Смолицкая, Ю. П. Чумакова, Н. П. Милонов, Н. И. Панин, А. А. Никольский, И. Н. Хрусталёв.

Основные направления работ по рязанской топонимии:

- 1) Исследование топонимов определённого разряда или группы внутри определённого разряда, объединяющей названия по структуре, семантике или языковой принадлежности;
- 2) Исследование географических названий определённой местности;
- 3) Исследование географических названий определённого исторического периода;
- 4) Лингвистические, этнографические, культурно-исторические и географические исследования с привлечением данных топонимики.

Рисунок 1. Галина Петровна Смолицкая

Стойкий интерес на протяжении десятилетий вызывает гидронимия бассейна Оки. С одной стороны, это связано с тем действительным научным интересом, который она представляет, с другой стороны, с тем, что названия водных объектов этого бассейна каталогизированы, то есть собраны и систематизированы. Вышедший в 1976 г. каталог окских гидронимов, составленный Г. П. Смолицкой [Смолицкая, 1976], стимулировал научные исследования в этой области, предоставив учёным богатый фактический материал и возможность его отбора в соответствии с целями и задачами исследования.

Г. П. Смолицкая не только собрала гидронимы Поочья, но и сама занималась их изучением. В ее работах затрагивались проблемы русской и субстратной гидронимии, топонимии и местной географической терминологии [Смолицкая, 1969, 1973]. Одним из важнейших результатов этих изысканий стало определение области распространения некоторых топонимических явлений как на территории России, так и за её пределами. Ценным вкладом в развитие исторической лексикологии стала предложенная Г. П. Смолицкой идея реконструкции утраченной лексики русского языка, не зафиксированной в памятниках письменности, на основе данных гидронимии и реализация этой идеи на рязанском гидронимическом материале [Смолицкая, 1981]. В ряде работ освещается вопрос источников по топонимии, которыми могут быть письменные документы и карты XVI – XIX вв. [Смолицкая, 1972].

Рисунок 2. Владимир Андреевич Никонов

Окской гидронимии посвящены некоторые работы В. А. Никонова, основоположника топонимики в России. Так, в частности, в статье «Неизвестные языки Поочья» учёный выделил две группы рязанских гидронимов, объединённых рядом общих морфологических и фонетических особенностей, и высказал предположение об их принадлежности языкам, не известным в настоящее время, но некогда присутствовавшим в районе Поочья [Никонов, 1960]. Эта и другие гипотезы В. А. Никонова, как правило, имели эвристический характер: они стремились обозначить направление движения научной мысли и подсказывали темы исследований для региональных ученых.

У истоков рязанской топонимики стояли Н. П. Милонов и З. П. Никулина. Н. П. Милонов (1896 – 1975) рассматривал топонимию как богатый источник исторических сведений и как один из объектов исследования краеведения [Милонов, 1953]. Николай Петрович был историком. Он родился в с. Высокое Скопинского уезда, учился в Петроградском историко-филологическом институте, работал в Петрограде, Москве, Рязани. Руководил археологическими раскопками, занимался этнографическими и историческими исследованиями. Его интерес к топонимике был связан с общим интересом к рязанскому краеведению в годы проживания в Рязанской области. В частности, в 1950 г. он разработал пособие для учителей «Основные источники и приемы изучения истории сёл и городов Рязанской области» [Милонов, 1950], а в 1957 г. опубликовал статью «Топонимика Переяславля Рязанского» [Милонов, 1957].

Рисунок 3. Николай Петрович Милонов

Объектом интереса З. П. Никулиной стали названия населённых пунктов Рязанской области. Она исследовала исторические топонимы междуречья Оки, Прони и Осетра, которые были известны в XVI – XVII вв., в 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию по этой теме [Никулина, 1958, 1964].

Большим энтузиастом и подвижником топонимики был Н. И. Панин (1927 – 2005). Николай Илларионович родился в с. Апушка Шацкого района, в 1958 г. окончил историко-филологический факультет Рязанского педагогического института, после чего был направлен на работу в с. Желанное. Там он основал школьный краеведческий музей, который со временем получил статус государственного. Этот музей с богатыми экспозициями и музейными фондами, коллекциями археологических находок и предметов крестьянского быта существует до сих пор. Н. И. Панин написал ряд статей по топонимике, в частности, в 1972 г. на основании данных гидронимии он пытался определить границы древней мордвы [Панин, 1972]. В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию «Лексико-семантический и формантный анализ русских наименований текучих вод Окско-Донской равнины и прилегающих территорий» [Панин, 1982].

Своей любовью к топонимике Н. И. Панин заразил А. А. Никольского. Впоследствии Александр Александрович, преподававший в Рязанском педагогическом институте (ныне Рязанский гос. университет им. С. А. Есенина), стал автором многочисленных статей по рязанской топонимике (см., например: [Никольский, 1981, 1985]) и инициатором создания «Топонимического словаря Рязанской области» [Топонимический словарь..., 2004]. В словаре рассмотрено происхождение более 800 названий географических объектов Рязанской области. Приводятся уже известные и новые этимологии топонимов, дается подробная библиография к каждой словарной статье.

Одним из авторов этого словаря стал И. Н. Хрусталёв, который в 1990-е гг. по предложению А. А. Никольского занялся изучением гелонимов. В 1997 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Названия болот и озёр Рязанской области» [Хрусталев, 1997], в которой болотные и озёрные названия рассматривались с точки зрения их современной семантической прозрачности / непрозрачности. В исследовании также были представлены основные структурные и семантические типы гидронимов, определена их принадлежность к финно-угорскому, балтийскому или славянскому языковым пластам. В 2009 г. вышла одноименная монография автора [Хрусталёв, 2009].

В 1992 г. Ю. П. Чумакова издает свою работу «Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным» [Чумакова, 1992], в которой гидронимия Среднего Поочья соотносилась с топонимией исторической прародины славян и археологическими данными. В ходе такого сопоставления был выявлен ряд общих черт в топонимии удалённых друг от друга славянских территорий и определено направление движения славян в эпоху Великого переселения народов. Данная работа явилась одной из первых

попыток сопоставления результатов археологических и лингвистических (топонимических) изысканий и выработки методики подобного сопоставления.

В 2002 – 2025 гг. выходят статьи по топонимике автора [Гордова, 2002, 2003, 2006 (1 – 4), 2008, 2009 (1, 2), 2012 (1, 2), 2015, 2024, 2025], в 2006 – 2021 гг. – книги по рязанской топонимии, в том числе топонимический атлас, каталог, районный словарь и монографии, написанные по материалам кандидатской и докторской диссертаций [Гордова 2006, 2007, 2010, 2015, 2021].

Рисунок 2. Монография «Ономастическая реконструкция. Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии» (2021).

Рязанский топонимический материал рассматривается в научных работах, посвященных соседним территориям, ввиду принадлежности областей одним речным бассейнам. Рязанские топонимы (Меча, Рязск, Становая Ряса и др.) можно найти, в частности, в докторской диссертации Л. И. Маршевой «Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области» [Маршева, 2008].

Топонимические материалы часто используют в своих работах историки, так как топонимика является хорошим источником для восстановления картины прошлого. Так, А. В. Дедук в своем исследовании по теме Московско-Рязанского порубежья XIV – нач. XVI в. решает проблему локализации средневековых топонимов по письменным и археологическим материалам и с привлечением современных данных; на основании полученных результатов он пытается определить места прохождения границы между двумя самостоятельными землями [Дедук, 2018]. При этом в работе автора рассматриваются исторически рязанские или пограничные топонимы: Переславль Рязанский, Старая Рязань, Перевицк, Вакино, Гольцово, Романовское, Иващково, Жорновищи, Корабугинский уезд, Пластиков, Бовыкино, Тешев; работа сопровождается авторскими картами-реконструкциями. Кандидатская диссертация на эту тему защищена в Екатеринбурге в 2018 г.

Топонимии города Рязани посвящены научно-популярные книги и статьи Н. А. Булычёва [Улицы Рязани..., 2018; Булычёв, 2022, 2023]. В них рассматриваются названия улиц областного центра, а также необычные топонимы и городские легенды, связанные с географическими именами. Книги, безусловно, удовлетворяют интерес горожан и туристов по истории местных названий и способствуют просвещению населения.

Топонимии областного центра посвящен также словарь О. А. Кишаевой и И. Г. Кусовой «Улицы и площади Рязани: городская топонимия в историческом аспекте» [Кишаева, Кусова, 2017].

В работе «Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень)» (сост. А. В. Бабурин) собраны цитаты о происхождении названий Рязанской области из книг и статей разных авторов (краеведов, любителей топонимики, ученых), когда-либо писавших о рязанских топонимах [Бабурин, 2004].

В ежегодном сборнике научных трудов «Материалы и исследования по рязанскому краеведению», фиксирующему результаты краеведческих изысканий, в разные годы статьи по топонимике публиковали рязанские краеведы и независимые исследователи: А. А. Горю-

нов [Горюнов, 2002, 2017, 2022], О. И. Ракова, В. Лорей [Ракова, Лорей, 2009], Ю. Ю. Горбункова [Горбункова, 2011], О. В. Клокова [Клокова, 2014], Г. И. Федулин [Федулин, 2018], В. П. Нагорнов и др.

Рязанская антропонимия долгое время оставалась неизученной, хотя работа по ее сбору и систематизации была начата еще С. Б. Веселовским и В. А. Никоновым. Имена, прозвища и ранние фамилии, зафиксированные в рязанских памятниках письменности, представлены в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского [Веселовский, 1974], ему же принадлежат работы по исследованию фамилий служилых землевладельцев [Веселовский, 1969]. Рязанский антропонимический материал использовали в своих работах столичные ученые А. В. Суперанская, А. В. Суслова [Суперанская, Суслова, 1981, 2007], В. И. Никонов [1986, 1988].

В 2009 – 2010 гг. вышли статьи [Гордова, 2004, 2005, 2006 (5), 2008 (2)] и книги автора по рязанской антропонимии (имена, прозвища, фамилии рязанцев, исторические и современные), в том числе «Словарь фамилий Рязанской области» [Гордова 2009, 2010 (1), 2010 (2)].

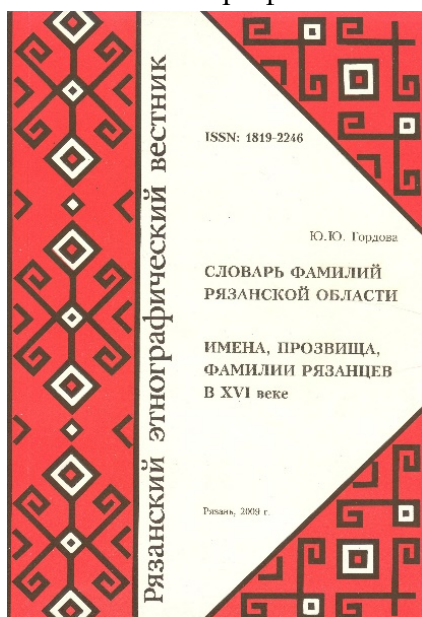

Рисунок 5.
Словарь фамилий Рязанской области

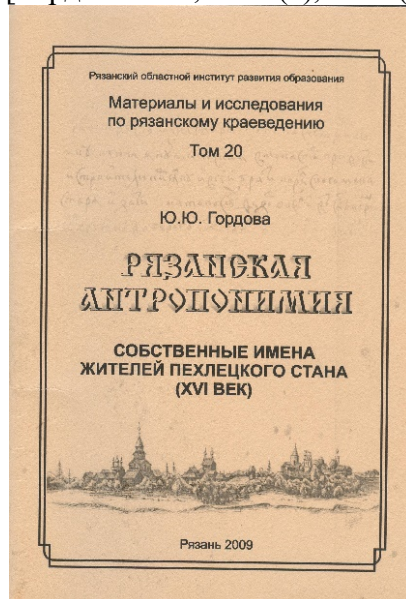

Рисунок 6. Рязанская антропонимия.
Собственные имена жителей Пехлецкого
стана (XVI в.)

В 2013 г. Л. С. Плавинская защитила кандидатскую диссертацию «Фамилии рязанского дворянства XVI – XVIII вв. и их отражение в местной топонимии» [Плавинская, 2013]. Ей же принадлежат статьи о фамилиях дворян и об ономастической информативности Рязанской десятины (памятник средневековой письменности) [Плавинская, 2009, 2010, 2012].

А. А. Никольский описал некоторые аспекты антропонимии рязанского духовенства [Никольский, 2009]. Та же тема получила более детальную разработку в диссертации Т. В. Лысовой. В 2021 г. она завершает исследование «Фамилии православного духовенства: Структурно-семантическое описание ареальных топонимиконов», в котором рассматривает тамбовские и рязанские фамилии церковнослужителей, обнаруживая между двумя региональными антропонимиконами много общего, что объясняет общностью принципов образования «искусственных» фамилий служителей церкви и общностью историко-культурных условий развития регионов [Лысова, 2001].

Интерес к теме рязанских имен проявляла этнограф Е. Н. Самоделова, изучившая частотные имена рязанцев двух южных волостей перв. пол. XX века [Самоделова, 2020].

Историки, работающие с архивными документами, также не могут пройти мимо темы имен и фамилий, ведь многие документы содержат богатый материал по этой теме и предоставляют подробные сведения об антропонимах разных социальных, территориальных и этнических групп. Для лингвистов имя является единицей языка, для историка – элементом исторической и социальной картины мира. При этом представители разных научных областей ис-

пользуют свою методологию и терминологию исследования. Вследствие этого работы историков и лингвистов по теме антропонимов, как правило, отличаются друг от друга и несут на себе отпечаток принадлежности автора к той или иной науке.

Вот лишь некоторые темы, затронутые в статьях историков. Используя архивные материалы, Б. В. Горбунов описал фамилии скопинских купцов XIX – нач. XX в. [Горбунов, 2024], В. П. Нагорнов – фамилии рязанских мастеровых нач. XX в. [Нагорнов, 2017], И. Ж. Рындин – дворянские фамилии казачьего происхождения [Рындин, 2012]. М. Б. Оленев продолжил тему фамилий рязанского духовенства [Оленев, 2013]. К 2006 г. И. Ж. Рындин подготовил рукопись по дворянским именам и собрал около 1000 княжеских имен для будущей монографии.

Из опубликованных трудов историков по антропонимии хочется выделить работу А. В. Азовцева «Личные имена Рязанского уезда XVI в. (по материалам писцовых книг)» [Азовцев, 2003]. Автор провел серьезное и глубокое статистическое обследование средневековых антропонимов Окологородного стана: рассмотрел некалендарные и календарные личные имена разных социальных групп, составил подробные таблицы, сделал выводы об употребительности имен в среде рязанских дворян и крестьян в XVI в. и антропонимической ситуации в целом. Также в статье рассмотрена антропонимия бордаковских татар, упомянутых в писцовых книгах, что дополнило общую картину функционирования имен в данное время на данной территории. Исследование проведено в историческом аспекте, на момент публикации оно обладало хорошими перспективами дальнейших изысканий и важных открытий в этой области.

В разные годы в сборнике «Материалы и исследования по рязанскому краеведению» был опубликован ряд статей по антропонимии отдельных сел или районов Рязанской области. Как правило, авторами работ стали жители данных мест. Предметом интереса краеведов становились прозвища, фамилии и в меньшей степени имена жителей Рязанской области.

А. А. Горюнов, описавший ранее местные микротопонимы, изучил прозвища села Юшта Шиловского района [Горюнов, 2008]. Г. А. Кармацкая и Ю. Трутнева собрали прозвища (уличные фамилии) сёл Сараевского района [Кармацкая, Трутнева, 2020].

Как известно, в сельской местности до сих пор сохраняется обычай присвоения прозвищ, и часто они более известны, чем фамилии. Прозвище главы семьи становилось основой для образования общего имени рода, например: отец Мокшан – дети Мокшанята, все вместе – Мокшаны (сасовск.). Фиксация и изучение этого явления, безусловно, очень важное и нужное дело, которое подчас под силу только местным жителям: ученый-лингвист или этнограф не может побывать в каждом селе, а зафиксированные и изданные в краеведческих сборниках сведения, собранные энтузиастами-подвижниками, позволят изучить эти материалы в будущем – даже в случае исчезновения села или прерывания традиции.

Часто внимание краеведов привлекают местные фамилии. В частности, в сборнике «Материалы и исследования по рязанскому краеведению» за 2019 г. опубликована статья о фамилиях сел Большие и Меньшие Можары [Кармацкая, Фролова, 2019].

Исследования по личным именам жителей Рязанской области единичны, впрочем, как и в ономастических исследованиях по всей России. Можно выделить лишь одну работу по данной теме: статью Л. Е. Крючковой и В. А. Кузнецовой о мужских и женских именах Напольновской волости – Напольновского сельского поселения [Крючкова, Кузнецова, 2016].

По статистическим данным, в сборнике «Материалы и исследования по рязанскому краеведению» (тома 1–34, 2000–2013) опубликованы 6 работ по антропонимике и 11 работ по топонимике [Материалы и исследования..., 2013, с. 24–26], а в сборнике «Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского» (15 выпусков, 2006–2023) – 5 работ по топонимике и 4 по антропонимике [Материалы и исследования..., 2023, с. 21].

Несмотря на кажущуюся внушительность списка работ, посвященных топонимам и антропонимам Рязанской земли (см. Библиографию), в целом следует признать их довольно слабую изученность: еще остается очень много загадок, связанных с местными географическими названиями, и очень много неизученного в области имен и фамилий, а значит, своего

исследователя ждет необъятное количество тем. К примеру, единичны работы по отдельным временным периодам, по финно-угорской, иранской, балтийской исторической топонимии региона, очень мало исследований по антропонимии, микротопонимии, экклезионимии, недостаточно комплексных исследований отдельных топонимических микросистем (небольших районов), до сих пор не создан полный каталог топонимов Рязанской области, не определены ареалы многих топонимических типов. Также можно констатировать затухание научной активности в этой области в региональных исследованиях, отсутствие успешно защищенных диссертаций молодых ученых по топонимике и антропонимике в 2020-х гг., малое количество работ в общероссийских научных изданиях, неизвестность новых ярких имен региональных ономастов. И все это создает отличные перспективы для будущих исследователей рязанской топонимии и антропонимии.

Благодарности: Автор благодарит Игоря Жановича Рындина за предоставленную информацию и статистические сведения по тематическим публикациям в сборниках «Материалы и исследования по рязанскому краеведению» и «Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского».

Библиография

Азовцев А. В. Личные имена Рязанского уезда XVI в. (по материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. № 1. М.: Типография Галлея-Принт, 2003. С. 14–48.

Бабурин А. В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) // Рязанский этнографический вестник / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2004.

Булычёв Н. А. История рязанской топонимики // **Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 81. 2023. С. 85–94.**

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

Горбунова Ю. Ю. Изучение топонимии на уроках русского языка (о названиях улиц и площадей г. Рязани) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 27. 2011. С. 302–304.

Горбунов Б. В. Купеческие фамилии г. Скопина в XIX – нач. XX в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Скопинская энциклопедия. Т. 74. 2024. С. 257.

Горбунов Б. В. Топонимика флотская Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 26. Российский флот и Рязанский край. Опыт историко-энциклопедического словаря. 2010. С. 385.

Гордова Ю. Ю. Географические названия Ряжского района Рязанской области. Краткий топонимический словарь Рязань: Узорчье, 2007.

Гордова Ю. Ю. Два похожих, но разных названия. Взгляд топонимиста // Материалы Первых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского. Вып. I. 2006 (3). С. 122–127.

Гордова Ю. Ю. Древнерусские названия с финалями *-на*, *-ня* в топонимии Ряжского района // Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского. Вып. VII. 2012 (2). С. 121–126.

Гордова Ю. Ю. Групповые прозвища славянского (русского) населения на Древней Рязанской земле // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 43. 2015. С. 204–206.

Гордова Ю. Ю. Древнерусский город Дядьков и современное село Дядьково: проблема преемственности. Новые лингвистические и археологические доказательства // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 85. 2024. С. 80–85.

Гордова Ю. Ю. Имена, прозвища, фамилии рязанцев в XVI веке // Рязанский этнографический вестник / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 1991-. Рязань, 2010. Вып. 42. С. 79–145.

Гордова Ю. Ю. К 30-летию выхода в свет книги Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки: список рек и озер» // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 11. 2006 (1). С. 397–399.

- Гордова Ю. Ю.* К этимологии топонима Перекаль // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 18. 2009. С. 295–298.
- Гордова Ю. Ю.* *Материалы по диалектологии и ономастике Рязанской области* // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 31. 2012 (1). С. 141–146.
- Гордова Ю. Ю.* Ономастическая реконструкция: Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Гордова Ю. Ю.* Прозвищное наименование в Рязанской области (некоторые результаты ономастического исследования) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 5. 2004. С. 259–261.
- Гордова Ю. Ю.* Рязанская антропонимия. Собственные имена жителей Пехлецкого стана (XVI век) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 20. 2009 (1).
- Гордова Ю. Ю.* Рязанский филолог и топонимист А. А. Никольский (к 70-летию со дня рождения) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 11. 2006 (2). С. 389–393.
- Гордова Ю. Ю.* *Словарь фамилий Рязанской области: этимология, история* // *Рязанский этнографический вестник* / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 1991-. Рязань, 2010. Вып. 42. С. 5–78.
- Гордова Ю. Ю.* *Современные фамилии Рязанской области: история, этимология* // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 17. 2008 (1). С. 214–217.
- Гордова Ю. Ю.* *Топонимический атлас Рязанской области*. М.: Наука, 2015. 72, [45] с.: карты, текст, указ. (ок. 670 назв.).
- Гордова Ю. Ю.* Топонимия русского пограничья, связанная с этнонимами кочевых племен (из рязанской исторической топонимии) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 3. 2002. С. 249–253.
- Гордова Ю. Ю.* Топонимия Рязжской Засечной черты: Монография // *Рязанский этнографический вестник*. / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань, 2006. Вып. 37.
- Гордова Ю. Ю.* Топонимия Рязанской области (список географических названий). Рязань: «Рязань. Мир». Часть I: Современная топонимия. Вып. I: Территория бассейна реки Прони. 2010. 72 с.
- Гордова Ю. Ю.* Топонимия, связанная с историей Рязжской засечной черты // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 4. 2003. С. 224–227.
- Гордова Ю. Ю.* Топонимы Рязанской области в Каталоге географических названий России // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 88. 2025. С. 97–109.
- Гордова Ю. Ю.* *Формулы официального именования XVI века (на материале рязанских писцовых книг)* // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 8. 2005. С. 254–258.
- Гордова Ю. Ю.* *Список населенных пунктов, рек, озер, микрообъектов территории бассейна реки Ранова (Материалы для «Топонимикона Рязанской области»)* // *Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского*. Вып. IV. 2009 (2). С. 228–257.
- Гордова Ю. Ю.* Топонимия Рязжского района Рязанской области // *Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского*. Вып. II. 2006 (4). С. 120–124.
- Гордова Ю. Ю.* *Фамилии жителей Пехлецкого стана XVI века, образованные от русских календарных имён* // *Материалы Первых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского*. Вып. I. 2006 (5). С. 127–130.
- Гордова Ю. Ю.* *Фамилии служилых людей Рязжской засеки* // *Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского*. Вып. III. 2008 (2). С. 156–161.
- Горюнов А. А.* Антропонимическое исследование села Юшта Шиловского района (прозвища) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 13. *Этнографический сборник*. 2008. С. 440–442.
- Горюнов А. А.* Микротопонимия с. Юшта и его окрестностей (Шиловский район) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 3. 2002. С. 253–261.

- Горюнов А. А.* Еще раз о происхождении топонима «Рязань» // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 76. 2022. С. 77.
- Горюнов А. А.* О происхождении топонима «Тырново» // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 54. 2017. С. 42–43.
- Дедук А. В.* Московско-Рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: методика локализации: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Дедук Андрей Владимирович; [Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН]. Москва, 2018.
- Кармацкая Г. А., Трутнева Ю.* Прозвища, уличные фамилии сёл Сараевского района // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 68. 2020. С. 156–162.
- Кармацкая Г. А., Фролова К.* Состав и способы образования фамилий сёл Большие и Меньшие Можары // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 59. 2019. С. 82–85.
- Кишаева О. А., Кусова И. Г.* Улицы и площади Рязани: городская топонимия в историческом аспекте. Рязань: [б. и.], 2017.
- Клокова О. В.* Микротопонимия деревень Соха и Кареево Старожиловского района Рязанской области // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 38. 2014. С. 195–201.
- Крючкова Л. Е., Кузнецова В. А.* Мужские и женские имена Напольновской волости – Напольновского сельского поселения (начало XX в. – XXI в.) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 45. 2016. С. 121–136.
- Лорей В., Ракова О. И.* Топонимия Михайловского района // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 17. 2008. С. 226–229.
- Лысова Т. В.* Фамилии православного духовенства: Структурно-семантическое описание ареальных антропонимиконов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2001.
- Маршева Л. И.* Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Маршева Лариса Ивановна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2008.
- Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 35. Библиографический указатель к томам 1 – 35 / Сост. Рындин И. Ж.; под ред. Б. В. Горбунова. Рязань: Изд. РИРО, 2013.
- Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 87. Библиографический указатель к «Материалам краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского» 2006 – 2023 гг. / Составитель: Рындин И. Ж. Рязань, 2023.
- Милонов Н. П.* Топонимика как источник изучения истории края // *Ученые записки РГПИ: Историко-краеведческий сборник*. Рязань, 1953. Т. 11. С. 3–68.
- Милонов Н. П.* Топонимика Переяславля Рязанского // *Наукові записки Інститута мовознавства АН УРСР*. Київ, 1957. Т. XIV.
- Милонов Н. П.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области: (В помощь учителю краеведу). Рязань: Ряз. тип., 1950.
- Нагорнов В. П.* Фамилии рязанских мастеровых и членов их семей начала XX века // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 54. 2017. С. 43–46.
- Никольский А. А.* Из истории фамилий рязанского духовенства // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 18. 2009. С. 288–290.
- Никольский А. А.* Агропустынь (происхождение назв.) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 82. Энциклопедия Рязанского района. 2024. С. 14.
- Никольский А. А.* Азеево, с. (происхождение назв.) // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 58. 2018. С. 13.
- Никонов В. А.* География фамилий. М.: Наука, 1988.
- Никонов В. А.* Неизвестные языки Поволжья // *Вопросы языкознания*. Вып. 5, 1960.
- Никонов В. А.* О чем говорят рязанские фамилии? // *Наука и жизнь*. № 6, 1986.

- Никулина З. П.* Историко-этимологический анализ топонимов Рязанского Окологородного стана XVI-XVII вв. // Уч. Зап. Ряз. пед. инст-та. Т. 21, 1958.
- Никулина З. П.* Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра: лингвистический анализ названий населенных пунктов: диссертация... кандидата филологических наук: 10.00.00 / З. П. Никулина. Москва, 1964.
- Оленев М. Б.* Словарь фамилий рязанского духовенства // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 34. 2013. С. 168–236.
- Панин Н. И.* О древнемордовских границах по некоторым данным гидронимии // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та, 1972.
- Панин Н. И.* Лексико-семантический и формантный анализ русских наименований текучих вод Окско-Донской равнины и прилегающих территорий: Автореферат диссерт... к.ф.н.. Шацк, 1982.
- Плавинская Л. С.* К изучению фамилий рязанского дворянства // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. 2010. С. 203–206.
- Плавинская Л. С.* Рязская десятина 1578 – 1579 гг. как источник для изучения фамилий рязанского дворянства // Материалы краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского. Вып. VII. 2012. С. 127–131.
- Плавинская Л. С.* У истоков фамилий рязанского дворянства // Материалы и исследования по рязанскому краеведению Т. 18. 2009. С. 290–295.
- Ракова О. И., Лорей В.* Топонимия Михайловского района // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 17. 2009. С. 226–229.
- Рындин И. Ж.* Рязанские дворянские фамилии казачьего происхождения // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 31. 2012. С. 38–40.
- Самоделова Е. Н.* Предпочтительные имена рязанцев в первой половине XX века (на примере двух южных волостей) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 68. 2020. С. 65–71.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М.: Наука, 1976.
- Смолицкая Г. П.* Из географической терминологии Поочья // Оронимика. М.: Наука, 1969.
- Смолицкая Г. П.* Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Вып. 94. М.: Мысль, 1974.
- Смолицкая Г. П.* Писцовые книги как источник топонимии // Вопросы топонимики СССР. М.: Наука, 1972.
- Смолицкая Г. П.* Субстратная гидронимия бассейна Оки // Ономастика Поволжья III. Уфа, 1973.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Диссерт... д. ф. н. М., 1981.
- Суперанская А. В., Суслова А. В.* О русских именах. СПб.: Авалонь, 2007.
- Суперанская А. В., Суслова А. В.* Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981.
- Топонимический словарь Рязанской области / [авт.-сост.: А. В. Бабурин и др.] под ред. А. А. Никольского. Изд. 2-е, испр. и доп. Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т, 2004. 294 с.
- Улицы Рязани. Рязанская топонимика в событиях и лицах / гл. ред. Н. А. Булычёв. Рязань: ИП Жуков В. Ю., 2018.
- Федулин Г. И.* Топонимика // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Энциклопедия Ермишинского муниципального района Т. 58. 2018. С. 79.
- Хрусталева И. Н.* Названия озер и болот Рязанской области. Автореферат диссерт... к.ф.н. М., 1997.
- Хрусталева И. Н.* Названия озер и болот Рязанской области // Рязанский этнографический вестник / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества. Вып. 41. 2009.
- Чумакова Ю. П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1992.

ЭТНОГРАФИЯ

Г.А. Кармацкая

Песенные традиции сел Сараевского района Рязанской области

Аннотация. Работа представляет краткий обзор песенного фольклора Сараевского района Рязанской области по состоянию на вторую половину 20 века. В районе не раз работали этнографы, музыканты, учёные из Московской консерватории им. П.И Чайковского. Сараевский район отличает то, что на его территории селились однодворцы и не только. Особо нужно отметить бытование двух комплексов женской традиционной одежды: женский костюм с юбкой андарак однодворческих сёл, наличие понёвного комплекса женской одежды, который бытовал во владельческих селах. Сараевский район уникален и тем, что он расположен на границе с Тамбовской, бывшими районами Воронежской области, ныне Липецкой. И вобрал в себя как собственно местную песенную традицию, так и влияние соседних регионов. Проблема сохранения местного фольклора, исполнительства и записи, стоит остро. Одна из причин – естественная убыль старшего поколения. Задача работы - сохранение текстов таких шедевров музыкального фольклора как Елецкого, Досада, Матаня, прибасок. Надеюсь, работа поспособствует сохранению традиций народного песенного искусства, знакомству с ним как детской, так и взрослой аудитории. Приобщению нынешнего поколения.

Ключевые слова: Елецкого, Досада, Матаня, страдания, прибаски, прибащать, страдания играть, «улица», гулять «по улице», песни играть, народные праздники, песенный фольклор.

Устное народное творчество Сараевского района Рязанской области представляет собой неотъемлемую часть русской национальной культуры. Многовековая история, социальный и экономический уклад определили состав и поэтические особенности рязанского фольклора. Летописные источники, данные археологии, этнографии, научные изыскания фольклористов позволили сохранить богатейший художественный материал. Следует остановиться подробнее на некоторых особенностях песенного фольклора сёл Сараевского района. Стиль пения в селах представляет южнорусскую ветвь рязанской традиции.

Песенные традиции Сараевского района Рязанской области изучались во время фольклорных экспедиций и обобщены в специальных сборниках Н.Н.Гиляровой, профессора Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского, кандидата искусствоведения, Заслуженного деятеля искусств РФ, члена композиторов России, Почетного Президента Российского фольклорного союза. Наталья Николаевна с фольклорными экспедициями побывала в селах района: Сысои, Напольное, Муравлянка, Борец и др. Ей собраны образцы вокального и инструментального фольклора населения района. Ансамбль из села Сысои в 1987 году выезжал в Московскую государственную консерваторию им. П.И.Чайковского, где им был дан концерт для студентов-народников. Принял участие в концерте фольклорных коллективов областей и республик СССР, который проходил в концертном зале им. Тихона Хренникова. Тогда же была произведена запись образцов песенного фольклора села на Всесоюзном радио, которая вошла в диск «Антология музыкально-обрядового фольклора Рязанской области: «Поют народные исполнители Рязанской области».

В селе Муравлянка записаны и опубликованы свадебные обрядовые песни, троицкие хороводные, лирические, масленичные, плясовые.

Репертуар села Сысои: лирические протяжные (тяглые), свадебные песни, хороводные и плясовые песни. В этом селе открытая, звонкая манера пения. Основное положение губ у исполнительниц при пении – на полуулыбке. Артикуляция минимальная, неброская, но при этом звук подается активно, твердо. Песни распеваются, как правило, в сравнительно небольшом диапазоне при тесном расположении голосов.

Тяглые песни. В Сысоях очень любили петь протяжные, или как говорят на селе, «тяглые песни»; в которых выражали свои мысли о любви, разлуке, измене, т.е. о том, что волновало селянина во все времена. Тексты песен очень афористичны, наполнены метафорами. Это были всеми любимая «Катенька-Катюша», «Машенька», «Ой, да спокладает», «За-

чем ты безумная губишь», «Калина с малиною», «Ванька-ключник – злой разлучник», «Снежки белы»¹.

В настоящее время существует серьёзная проблема сохранения самобытной песенной традиции сараевцев. Носители уходят. Приемников мало. Думаю, что моя работа как-то восполнит и возродит, хотя бы, сохранит частицу памяти о гуляньях, где звучали и досады, и елецкого, и матаня.

Информатор Литвинова Раиса Егоровна рассказывала, что летом на гулянку по улице собирались часов в одиннадцать и молодежи собиралось особенно много. Гуляли каждая улица на своей. В будние дни собирались по концам. Например, улица Пажа имела два конца: один от дороги и до школы, а другой – от школы и до Левашовки (улица, которая шла перпендикулярно Паже). Гуляли обычно так. Группами сидели у мазниц на дубках или на чурках. Вначале шелухали семечки или конопляное семя, а затем начинали петь. Напоются, тут какой – никакой из ребят брал гармонь или балалайку, были и гитары, но редко, и начинались пляски под частушку.

А я иду, иду, иду,
Собаки лают на пруду,
Чаво собаки лаят:
Вить вы миня ни зная.

Плясали не всем кругом, а по двое, трое. Спляшут и отходят, им на смену выступают другие двойки-тройки. Так обычно плясали Елецкого, где основным приемом был диалог двух девчат. А вот страдания на дубках пели сидя. «Досаду», правда, пели стоя. Сидемиши ее не спеть, дыхалки ни хватить. Мы «Досаду» пели и покачивались из стороны в сторону, при этом этак руками размахивали. Рука у певцов ходила так: от сердца к правой стороне тела и как маятником правой рукой махали от правой груди в сторону, тоже вправо. (Л.Р.Е.). Как можно понять из высказываний, быстрые прибаски сопровождалась хореографически жанрами, медленные – связаны исключительно с вокальной спецификой и их часто пели сидя.

Досада. Досада – это вид страданий. Страдания (термин употребляется только во множественном числе) — музыкально-поэтический жанр русского фольклора, разновидность частушки любовно-лирического или лирико-комедийного содержания. Часто страдания — остроумная бытовая зарисовка. Страдания исполняются в медленном движении, в напевной или напевно-речитативной манере. Истоки Страданий восходят к крестьянской протяжной или игровой песне. Ощутима близость к пословице и поговорке. Характерен приём поэтического параллелизма. В музыке Страданий органически сочетаются проникновенная лирика девичьих песен о разлуках и встречах, элементы сказа и плясовой припевки. В вокальной мелодии, как и в инструментальном сопровождении, обнаруживается своеобразная «приуроченность» мелодического рисунка к жестикуляции и мимике исполнителя. С. исполняются соло или дуэтом в сопровождении гармонии или балалайки. В Сысоях подбирают «цепочки» Страданий, построенные по принципу вопроса — ответа, часто исполнители чередуются: девушка — юноша, 2 подружки в дуэте.

Сысоевские бабушки говорят, что на мелодию «Досады» можно спеть любую прибаску. Основной сюжет страданий – это любовь, измена, тоска при разлуке с любимым. В сюжете страдания явно просматриваются и юмор, и социальная направленность, т.к. в «Досаде» довольно часто обличали наболевшие проблемы как интимной жизни человека, так и жизни человека в обществе села. Характерной особенностью исполнения сысоевцами страданий является тяглое пение, но в среднем ритме, с распевом гласных. Досада была и остается любимейшим жанром гуляний сысоевцев, борчан, паниковцев и жителей других деревень и сел района.

Ой, дасада, ты дасада.
Мать карову прадала,
А еще берёт дасада;
На бутылку ни дала.

Ой, дасада, ты дасада,
Кынарейка белай пух,
Ох хужи нет таво на свети,
Кагда милай любить двух.

Ой, дасада, ты дасада,
Кынарейка желтыя,
А ещё берёт дасада
Судьба мая горькыя.

Ой, дасада ты дасада,
Кто милова разбирёт:
Ево любишь – он не любит,
Нинавидишь – глянь, идёт.

Елецкого. «Елецкая». Название связано с частушечными текстами, которые упоминают город Елец. «Елецкого» - синтетический жанр, где сочетается частушка и пляска. «Елецкая пляска» или «Елецкого» — одна из разновидностей плясок с частушками, распространённая в сёлах Сараевского района Рязанской области. Елецкого имеет характер состязания, диалога двух исполнителей, отражающими жизнь и быт сельской молодежи и чаще всего исполняются с прибасками (частушками). Это один из любимейших элементов репертуара гуляний, как молодежи, так и взрослого населения сёл района.

Особенности хореографии: пары становятся друг напротив друга, один запекает, а другой, приплясывая, подхватывает, после чего пары меняются местами. Сольный запев каждой частушки исполнялся по очереди в каждой паре. Пляска «Елецкого» исполняется под аккомпанемент баяна или гармони. Вторая разновидность коллективной пляски основана на движении по кругу парами и имеет свои характерные особенности и варианты. В первом случае осуществляется движение парами по кругу с приплясыванием.

Особой популярностью «елецкая» пользовалась в селах Сысои, Паники, Борец, Телятники. Как правило, прибасали две девушки, или девушка и парень. Несравненной исполнительницей «Елецкого» была Александра Никитична Волосатова из села Сысои. Другой наш информатор Лупандина Мария Федоровна вспоминает гуляния по улице немного по-своему. В Сысои она приехала из Москвы во время войны, да так и осела в селе, а сейчас живет в Сараях. «Ребята и девчата могли собираться и там, где была гармония, а не только на своей улице или конце. Очень любили петь и плясать Елецкого. Особенно хорошо плясала и пела Саша Прошина (это и есть Александра Никитична Волосатова), по уличному «Телушка». Когда прибасали Елецкого, то прихлопывали в ладоши».

Первая: Ой, Елецкая, Елецкая ,
А я не Елецкая.
Я прастая, бывая
Девушка савецкая.

Ах, Елец, ах, Елец,
Милый едет пад винец.
Я дарожку пиришла
В другую сторону пашла.

Вторая: Что ты , што-ты
Первая: Вот ты што-ты,
Пышка савородная,
Мать пахлебку пралила,
Весь день галодная была.
Серп и молот и звизда
Всё это савецкое.
Разришите мне таварищи
Для вас сплясать Елецкава.

Я Елецкава пляшу,
На все стороны гляжу.
И с какой старане
Идёт розачка ка мне.

Ох, Елец, ох, Елец
Горы залатыя,
Люблю карие глаза,
Валосья завитые.

Первая: Есля хочешь са мной знаться
Приходи на бугарок,
Принаси буханку хлеба
И картошкаф катялок.

Я Елецкава плясала,
На милага глянула,
С этих пор маё сирдечка
Сохнула и вянула.

Вторая отвечает: Што-ты?! Што ты?!
Первая отвечает: Вот ты что-ты,
И картошкаф катялок.

Я Елецкава пляшу,
Сама я не елецкая.
Разбитная, баявая
Девушка савецкая.

Ох. Елец, ох, Елец,
Мил поехал под венец.
Не даехал да гары:
Яво заели камары.

Ох, падруга дарагая
Елецкава спляшем.
Мы ни в горади живём,
А в диревни пашим.

Ох, падруга дарагая
Пляшем мы елецкава,
Разбежалася шпана
С вакзала Павелецкава.

Матаня – вид музыкального фольклора, припевки, прибаски под гармонь или балалайку. Наигрыш «Матаня» — такой же плясовой наигрыш, как цыганочка, барыня, яблочко и пр. «Матаня» предполагает музицирование под пляску в быстром темпе с исполнением частушечных куплетов. Обычно он играется на гармони. Основные персонажи Матани парень и девка или девка и девка. Со словом «Матаня» исполнители частушек обращались к своим возлюбленным, при этом словом «Матаня» они называют как девушек, так и парней. Оно так часто звучало и в запеве и в припеве, что по нему была названа вся жанровая разновидность. Любили петь «Матаню» повсеместно. На тройцких гуляньях «играли» матаню как молодёжь, так и взрослые бабы и мужики.

Эх, Матаня, Матанек ,
У Матани огонек.
У Матани, сволочи ,
Огонь горит до полночи.

Ой, Матаня, ты, Матаня,
Чиремуха белая,
Ты не сказывай, Матаня,
Што я в дефках делыла.

Я матаничку любила
Думала, что шутычки
А теперь вот ноить сердца
Кажную минутачку

Изо всех парней в диревни
Нет милее Ванечки.
Он матаня, я матаня,
Оба мы матанечки.

Выйду, выйду на крылечка
Крысата да благодать.
Пастриляю я глазами,
А матани ни видать.

Милай любит от другую,
Штожа я падельню.
Пабигу быстрее к калодцу
Да вакруг пабегаю.

«Маршанская» - это страдания под гармонь, где сочетается медленный и быстрый напевы, как музыкально-вербальный диалог между подругами, мог быть и между парнем и девушкой. В Сысоях «маршанскую» пели так: первые две строчки распевали медленно, вторые в быстром темпе, так как «маршанская» относится к медленным двустрочным напевам.

Селяне вспоминают: «Кагда тяглые песни савсем уж навивали «ташноту» , а если еще и парни падашли с саседний улицы, то девки , каторыя галасистыя , вскакивали и зативали маршанскую. Да этава, правда, перепихивались: « Дефки, рибяты чужии прийшли , чаво ж эт букими сидеть, давай пакажим чаво-ничаво».

Я маршанскай напев знаю
Пы маршански припиваю,
Мой милой ушел далёка,
Пиридай привет, сарока.

Ох, на заре гармонь играла,
Мое сердце замирала.
Я маршанскую плясала
Ва все стораны стриляла
И с какой жа стараны
Идётся залётачка ка мне.

Да рассвета прасидели,
Все падружки песни пели,
Все падруженьки поют,
Пагулять нам ни дают.
А я с улицы уйду,
И гарманиста увяду.

Ох, я страдала, страданула.
С маста в речку сиганула.
Ой, падруга дарагая,
Чтожа эта за любовь,

Всё страдаю и страдаю,
Не даёт пакой и сон.

Ох, кто любовь эту затеял,
Назвать можна лихадеем.
Ох, штож эта за любовь?
Страдания да беда!

Хоть каво она засушить,
Ни взирая на гада.
Ой, галасочкам ни гаржуся
Какой есть таким зальюся.
Вот милёночик идёт,
Рубаха билеитца,
Ни то любить, ни то нет,
Ни магу надеитца.

Прибаски. Прибасать.

В Сысоях и других однодворческих селах не употребляли слово «частушка» или частушку спеть. В Сысоях употребляли глагольную форму: «прибасать», «прибаснуть», «играть песню». Отсюда - прибаска - короткая песенка. Прибасали не только девки и женщины, но и парни, мужики. Репертуар и темы был одинаков: любовь, разлука, насмешка над недостатками как друг друга, так и общества.

«Часто плясала молодежь в расходку. Это когда один плясун просил дать большой круг взмахом руки вдоль «зьявак, чтоба, значит, народ расступилси, разошелси, значит. При этом парень или девка могли пригласить в пару сябе любога чилавека. Вызывали обычно притопом ноги. Но был и еще один прием вызова на пляску: это когда Шура Прошина, например, подходила ко мне, становилась напротив, смотрела мне в глаза и пела: Ой, подруга дорогая, Мы с тобою двоички... И я понимала, что мне нужно уважить Шуру, она вызывать меня в круг. Ответить отказом было упаси боже, эт была смертельная обида, могут потом и вовсе ни вызвать. Так могли гулять часов до трех»².

Девки, бабы.

Я бывало запаю
За таварачку сваю.
А типеря што такая:
Сгарбатилась и стаю.

Как у нашего двара,
У нашева у озира,
Ни скажу какая девка
Ноги примарозила.

Я и так, я и сяк,
Я и зайчиком,
Ат чавож ни сплиять
С этим мальчиком

Я и так, я и сяк
И таким манерам,
Атчавож ни сплиять
С этим кавалерам.

Ой, падруга дарагая,
Глань, идуть и твой и мой.
У тваво штаны упали,
Мой паддёрживат рукой.

Ой, сирень, моя сирень,
Сиреневая веточка.
Не подходит и не надо
Серенькая кепочка.

Ой, подруга дорогая!
Расскажи мне свои секрет:
Когда с милым расставались
Сердце билось или нет.

Изменил, так пад окном
Не стой, песенки не пой,
И в глазенки не заглядывай,
Прашу ни биспакой.

Я дивчонка баивая,
Я правда ураган,
У начальника милиции
Атрезала наган.

Ни ругайти вы миня,
А ругайти мамку.
Что миня вот радила
Такую атаманку.

Самагонку ни пила.
Атчайнаю ни была.
Самагонку стала пить
Атчайнаю стала быть.

Самогонку ни пила
И ни буду ея пить.
А на двери напишу
Биз бутылки ни входить.

Пейти девушки вино,
Пейти самагоначку.
Только за рибятыми
Ни бегайти вдагоначку

Сидит паринь на бирёзи,
А бирёза гнётся,
Скора, скоро паринёк
С бирёзы навирнётся.

Эх, чиж, кыш, кыш,
Забижала ка мнемышь.
А за нею кошка
В узкая акошка.

Как гармошка заиграть
Двадцать три на двадцать три,
Мать на улыцу ни пускаить
Гаварить картошку три.

Как гармошка заиграть
Двадцать пять на двадцать пять,
Мать на улыцу ни пускаить
Гаварить лажися спать.

Ой, девчонки, пойти
Висилее, дольши.
Моладасть ни лета.
Ни вирнётся больши.

Палюбить так палюбить,
Чтоба палюбилася,
Падрабить, так падрабить,
Чтоба сердца билася.

Палюбить так палюбить
Паринька хорошава,
А такова нечива,
Каторай дремать с вечира.
Я любила па пяти,
Любила па пятнадцати,
А типеря я цилуюсь
Раз па дивятнадцати.

Гарманист, гарманист,
Не сматри глазами вниз,
Сматри прямо на меня —
Завликат буду тибя.
Гарманиста я любила,
Гарманист миня любил.
Как ушла карова в запуск-
Гарманист миня забыл.

Гарманист, гарманист
Шустрые ручонки,
Ни тибя ли гарманист
Любят все девчонки.

Гарманиста я любила,
Гарманиста тешила.
И гармошку на пличо
Сама ему вешала.

Дай- ка мамка пакрывала
Гарманиста укрывать.
Я гармошку - на акошка,
Гарманиста на кровать.

Гарманиста я любила.
Но не вышла за ниво.
Видна, дениг не хватила
У батяни маяво.

Мой милёнак, как тилёнок,
Кучирявай, как баран.
Дома нечива палопать,
Так литаить па дварам.

Мой миленак как тилёнак,
Только разница адна.
Мой миленак пьёт из кружки,
А тилёнак из видра.

Мы с милёночкам таво
Он на о и я на о.
Он на о и я на о ,
А в общем пара ничаво .

Ох, падруги дарагие,
Что вы панимайти?
Неужели пра любовь
Ничиво не знаети?

Ой падруга, дробы бей,
Дробы выкалачивай,
А на милава маво
Глаз ни выварачивай.

Мы сараевски девчата,
С самолёта упадём
Встанем, глянем, отряхнёмся
И по новою пойдём.

Ох, Сараевско сило
Словно ягадиначка
Расстилю па нѐм кавѐр,
Гуляй мая кравиночка.

Я на личко не красива,
А фигурка хараша.
И не прасила я тебя:
Люби, пажалуста, миня!

А я иду, иду, иду,
Палынь качает на витру
Какую ты себе нашѐл,
Такова я себе найду.

Ой, девки беда
В нашем пириулки:
Бабка деда прадала
За чытыри булки.

Как дед бабку закатал
В тряпку,
Паливал ея вадой,
Штоба стала маладой.

Ох, чтожа ни сплясать,
Чтожа нам ни топнуть,
Ниужели в этом доми
Перерубы лопнуть.

Неужели в этом доми
Перерубы тонки.
Нам ни нужна ничиво
Кромя самогонки.

Ни жанися горяхватишь
Дарагой таварищ мой.
Лутша семь рублей заплатишь,
Зато будишь халастой.

Эта девка ничаво,
А эта кривоватыя,
У ей пупок на левый бок
Она не виноватыя.

Палюбил здарову девку
Да и сам, друзья, ни рад:
Ночью на неё взбираюсь
Как на гору Арарат.

Люблю сани с подрезами,
А каня за быстрату,

Салавей кукушку
Заманил в избушку,
Стал кармить ея крупой,
А сам за сисечку рукой.

Иди ка мне пиридом,
А я к тебе грудью.
Растягни - ка галифе,
Пакажи арудью.

У милого маяво
Воласы валнистыя.
Нам ни надо кучирявых,
Нужны галасистыя.

Ах, висяла я, висяла.
Миня знают два сяла:
И Паника и Барец
И сараевский канец.

Скора, скоро я уеду,
Калѐсики застучать.
Надоела мне в калхозе
Токи палки получать.

Люблю милую за ласку,
А ещѐ за красату.

Все милашки, как милашки,
А мая кака мамзель,
Если ночью дверь закрою
То ана залезить в дверь.

Я у тѐщи был в гостях.
Тѐща плавала ва щах.
Я паловникам задел,
Тѐщу выкинуть хател.

Ох, тѐща мая,
тѐща тюлевая,
Па марозу басиком
Запиндюривала.

Ох, тѐща мая,
Тѐща ласкавая,
Все деньжаты из кармана
Павытаскивала.

Наши девки лутша ваших,
Наши девки висилей.
Наши девки вашим девкам
Наваляли кринделей.

Парни. Мужики

Я ни знаю как у вас,
Я ни знаю как у нас.
Только знаю в Скапине
У девак сиськи на спине.

Вот ана и заиграла
Двадцать пять на двадцать пять.
Вот она и загуляла
Наша шаичка апять.

А па диревни мы прайдём
Шораху наделаим:
Каму карову увидём,
Каму дитёнка сделаим.
Каму сына, каму дочь,
А каму двойню в адну ночь.

Ехали ухабами
Па дароги с бабами,
Раз ухаб, два ухаб.
Мы пападали на баб.

Мы с миленкаю гуляли
У зилёного пруда.
Нас лягушки напугали
Ни пайдём больши туда.

С милой были на пруду
Тама утка крякала.
Я сказал ей: ухожу,
А она заплакала.

В репертуар сёл Сараевского входили и плясовые песни, «развясёлые». Их массово пели селяне на сельских праздниках «в курагодах»: «Воля-доля красным девицам гулять», «То не рюмочки по столикам гремьят, не стаканы выговаривают», «Чёрны брови калёсами» и др. Некоторые песни вошли в репертуар Рязанского русского народного хора. Но это уже другая работа.

В моей работе представлены наиболее характерные особенности песенного фольклора Сараевского района Рязанской области. Стоит отметить, что эти традиции соблюдаются до сих пор. Участники творческих объединений исполняют эти песни на концертах, успешно выступают на конкурсах и фестивалях фольклорных коллективов регионального, межрегионального уровня. Все это способствует сохранению традиций народного песенного искусства, знакомству с ним как детской, так и взрослой аудитории, приобщению к народным истокам, что имеет значение для сохранения музыкально-обрядовой традиции района.

Список литературы и источников.

1. *Гилярова И. Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области. - Рязань, 1994.- 194 с.
2. Антология музыкально-обрядового фольклора Рязанской области: Поют народные исполнители Рязанской области. [Диск] /Автор и руководитель проекта *В. Коростылев*; Науч. руковод. *И. Гилярова*. - Рязань: Рязанский ОЦНТ, 2000.- (RUSSIAN DISK: ВЫП. 10)
3. *Мажирин Е.В.* «Улица, как форма традиционных народных гуляний в сёлах Сараевского района» / Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязанский институт развития образования С.206-212.- Рязань, 2009. - Т.34.
4. Рязанский месяцеслов / Сост. *Тулёва Л.И.* - Рязань 2003. – 320 с.
5. Традиционная культура русских: Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. – Рязань, 2004.

А я иду, иду, иду
Собаки лають на пруду.
Чиво сабаки лаитя
Видь вы миня ни знаитя.

Запивай, товарищ Ваня,
Чтой то я ни запаю.
Лет шишнадцати саседка
Кружить голову маю.

Кто любовь эту придумал
И в каком эта гаду?
Ходишь, бродишь, ни хвараишь,
Ну а сохнишь на хаду.

Дарагой парнишка Федя,
Ты скажи милашки,
Што пускай ка мне не ходить
И ни строить глазки.

Ты гардишься красотою,
А ка мне не падхади,
У миня таких красивых—
Хоть заборы гаради

ИНФОРМАНТЫ

1. Х.Т.И. (Хаустова Тамара Ивановна, 1939 г.р., р. п. Сарай, уроженка с. Телятники.)
2. В.А.Н. (Волосатова Александра Никитична, 1934 г.р., с. Сысои.)
3. С.М.В. (Саморукова Мария Васильевна, 1950 г. р., с. Сысои.)
4. К.Р.П. (Кореннова Раиса Петровна, 1952 г.р., с. Сысои.)
5. Х.М.В. (Хаустов Михаил Васильевич, 1935 г. р., с. Телятники.)
6. К.Л.А. (Кармацкая Любовь Александровна, 1938 г.р., р.п. Сарай, уроженка с. Телятники.)
7. П.Т.И. (Петина Татьяна Ивановна, 1920 г.р., с. Сысои.)
8. В.А.М. (Волосатов Алексей Михайлович, 1938 г.р., с Сысои.)
9. Б.М.П. (Бахметьевна Мария Петровна, 1936 г.р., с Сысои.)
10. Е.Н.В. (Евдокушина Нина Владимировна, 1968 г.р., с. Сысои.)
11. В.Н.М. (Волосатов Николай Михайлович, 1938 г.р., с. Сысои.)
12. Н.Е.И. (Негодяева Екатерина Ивановна, 1928 г.р., с. Борец)
13. Б.А.И. (Бахметьева Анастасия Ивановна, 1925 г.р., с. Сысои.)
14. Б.М.П. (Бахметьева Мария Петровна, 1936 г.р., с. Сысои.)
15. И.Л.Я. (Иванова Любовь Яковлевна, 1938 г.р., с. Сысои.)
16. Б.А.П. (Бахметьева Анастасия Петровна, 1935 г.р., с. Сысои.)
17. Б.О.И. (Барсукова Ольга Ивановна, 1922 г.р., с. Телятники)
18. С.К.И. (Сухова Клавдия Ивановна, 1940 г.р., с. Телятники)
19. С.М.В. (Сухова Мария Васильевна, 1945 г.р., с.Телятники)
20. Д.О.И. (Давыдова Ольга Ивановна, 1924 г.р., с. Телятники)

Примечания

¹ Гилярова И. Н. Музыкальный фольклор Рязанской области. - Рязань, 1994.- 194 с.

² Бахметьевна Мария Петровна, 1936 г.р., с Сысои.

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

С.С. Михайлов

Старообрядцы и сектанты исторической местности Ялмать на востоке Егорьевского уезда Рязанской губернии, и некоторые мысли по поводу ее христианизации

Аннотация. В статье идет речь об одном из самобытных уголков Мещёры – местности Ялмать, ранее располагавшуюся на востоке Егорьевского уезда Рязанской губернии. В прошлом, согласно источникам, здесь в небольшом числе проживали адепты русского сектантства – молокане, - а также староверы-беспоповцы. Автор пытается разобраться с причиной появления в этом, в прошлом достаточно глухом мещерском уголке, данных исповеданий, и не связана ли их история появления с древними монастырями этой части Егорьевского края – Никольским в самой Ялмати, единственный раз упоминаемом в XVII столетии, а также Акакиевой пустынью и сохранившимся доныне ее преемником – Николо-Радовицким монастырем.

Ключевые слова: Ялмать, Егорьевский уезд, Шатурский район, старообрядцы, сектанты, молокане, Радовицкий монастырь, ялматский Никольский монастырь, религиозная история, христианизация.

Хотя весь Мещёрский рай до сих пор остается для нас огромной загадкой, его прошлое, его самобытность, во многом еще не исследованы, в нем можно выделить немало уголков, которые могут представлять особый интерес для изучения. Одним из них безусловно можно назвать местность «Ялмать», ранее находившуюся на востоке Егорьевского уезда Рязанской губернии, а сейчас административно находящейся в Шатурском районе Подмосковья. После советских перекроек границ сам центр местности – древний погост Николо-Ялмонт (Ялмонт, Николо-Ялмонт) оказался в Клепиковском районе Рязанской области, являя ныне собой урочище с заброшенным церковным зданием. Автор этих строк впервые про Ялмать услышал во время первой поездки в Дмитровский погост, расположенные недалеко от данного микрорегиона от сопровождавшего в этой экспедиционной вылазке шатурского краеведа Е.Н. Старостина, после чего данный исторический объект стал привлекать к себе немалый интерес. Сразу надо сказать, что хотя центр края везде в литературе и устных рас-

сказах стариков именуется как «Ялмонтъ», то и Старостин, и другие мои собеседники, местность называли исключительно в варианте «Ялмать», что воспроизводим в своем повествовании и мы. «..Ялмат, Ялмот...» в своей работе именует эту местность и А.А. Шахматов¹. В Дмитровском погосте местные жители, а их местность «Коробово» соседствует с Ялматью, называли и современное народное наименование этого края – «Пышлицкая степь», - поскольку ялматское пространство, скорее всего в ходе давней деятельности человека, открытое, в противоположность типично мещерским лесным чащам окрестностей, а Пышлицы – название наиболее крупного ныне населенного пункта на этом пространстве.

В административном плане во второй половине XIX – начале XX в. Ялмать представляла собой две волости Егорьевского уезда – Лекинскую и Архангельскую. В первую из них, в Лекинскую, согласно данным «Сборника статистических сведений по Рязанской губернии», 1887 года, входило два села и шестнадцать деревень: села Шеино, Телема, деревни Лека (волостной центр), Телема, Перхурово, Симонцево, Зименки, Шеино, Муравлевская, Шестимирово, Коренец, Филинская, Старо-Черкасово, Ново-Черкасово, Савинская, Якушевичи, Погостищи².

Во вторую, т.е. в Архангельскую, также входило два села, и двадцать деревень: села Архангельское (волостной центр), Ялма (древний погост Николо-Ялмонтъ), деревни Пышлицы, Высокая, Дорофеево, Филимакино, Чисомы, Филимеево, Ефремовская, Дорошино, Хантино, Тюрвищ, Князево, Ивановская, Евлево, Семеновская, Филисово, Воронино (Воропино), Выхокорево, Горелово, Демино, Казыкино, Маврино³.

Возможно, при проведении волостных границ точные границы историко-этнографической Ялматы не были соблюдены полностью, и какие-то населенные пункты оказались вне пределов Лекинской и Архангельской волостей, в них могли попасть и соседние не ялматские деревни. Точно об этом могли бы сказать только старожилы региона, но поколения, кто осознавал данные пределы, к настоящему времени уже ушли из жизни.

Этнографией Ялматы никто не занимался, в 1913 г. здесь только исследовал местный говор, обозванный им по одной из деревень (Лека) «лекинским» А.А. Шахматов, который и оставил нам несколько строчек в прямом понимании этого слова о самобытности региона. Он в начале своей небольшой монографии писал: «...Сознавая свое единство, Ялматчане резко отличают себя от жителей соседних волостей, расположенных к востоку и югу...». Их особый говор уже сохранялся неравномерно, тем более, что значительная часть мужского населения уходила плотничать в Московскую губернию, принося оттуда влияние говора московского⁴. Сам же Шахматов отмечал, что название «лекинский» дано им искусственно, сами ялматцы такового к своей речи не применяли. Из его публикации мы узнаем только то, что жители Ялматы отличались в диалектном плане от своих соседей, и противопоставляли себя окрестным мещерским группам («мамаям», «бабякам», «куршакам» и др.)⁵. Здесь, в образе жителей рассматриваемой местности, мы явно видим уже практически совершенно обрусевший остаток какого-то этноса или, скорее всего, мещерского субэтноса, а также следы его языковой идентичности, сохранившиеся лишь в местном русском говоре. Как мы видим, кроме названия погоста Ялмонтъ, населенного пункта Телема, реки Ялма, остальная топонимика края абсолютно русская, ничего финно-угорского, балтского или еще какого-нибудь дославянского (вернее, дорусского), мы не находим.

За XX столетие самобытность Ялматы размылась окончательно. Мне доводилось встречать уроженцев этого края, людей молодого и среднего возраста, которые вообще не были в курсе того, что их край еще не так давно имел свое название и его жители резко отличались от соседей. Не всегда помнили об этом и старики 1920-1930-х гг. рождения, с кем мне довелось говорить в 2007-2008 гг. Фольклористы, посещавшие край в 1990-х – начале 2000-х гг., также не были в курсе того, что они попадали не просто в часть Шатурского района, а это бывшая Ялмать, местность в прошлом весьма интересная.

Согласно сведениям И. Добролюбова, погост Ялмонтъ впервые упоминается только в 1637-1648 годах⁶. Понятно, что до этого момента он существовал не одно столетие, просто более ранние документы, в коих он фигурировал, не сохранились. Основан он мог быть в пе-

риод, когда этот край попал в политическую и духовную сферу влияния русских князей, когда в местах проживания вышеупомянутой этнической или субэтнической группы потребовался пункт для административного управления этой территорией, включая сбор дани, а также духовного окормления ее жителей. Произойти это могло не позднее XV столетия. История погоста и его сменявших на протяжении веков церковных зданий пока еще никем не исследовалась и являет собой «белое пятно».

На территории Ялматы, как мы видели выше, было еще три села, т.е. населенных пункта с церквями, являвшимися центрами приходов, объединявших окрестные деревни. Однако, даже А.А. Шахматов, видимо опираясь на местную зафиксированную им историческую память, пишет, что именно Ялмонтский приход является старейшим, а остальные три в разное время выделились из его территории⁷. По И. Добролюбову, также как и Ялмонтский приход, впервые под 1637-1648 гг. упомянут Пятницкий в селе Телема⁸. Казанский в Шеино появляется в первой половине XVIII века⁹. Архангельский в селе «Архангельское, Костино тож» - в 1732 году¹⁰.

В Ялмонтском приходе, где подавляющее большинство жителей все же, традиционно для мещёрской глубинки, принадлежало к официальному православию, сохраняя при этом огромный пласт языческих пережитков, мы видим присутствие весьма любопытной конфессиональной группы. В 1818-1824 гг., как мы видим из главки про приход из книги И. Добролюбова, здесь упоминается расследования по поводу местных молокан, живших в деревне Филисово. Эта проблема вроде бы была решена, однако, по словам цитируемого автора, остатки этого сообщества были здесь и к 1890-м гг.: «...но тайные последователи этой секты в означенной деревне замечены и в настоящее время...»¹¹. История ялматского молоканства, более упоминания Добролюбовым, более никем не рассматривалась, и о его происхождении мы сейчас ничего не можем сказать, кроме подозрения, что у него могут быть общие корни с молоканством Зарайского уезда, Луховиц, Кунаково и прилегающих к ним селений.

В 1861 году, по сведениям все того же Добролюбова, в Ялмонтском приходе впервые упоминаются старообрядцы-беспоповцы, жившие в деревне Воронино (сейчас – Воропино), недалеко от упомянутого Филисово¹². Однозначно, у представителей обоих упомянутых нами исповеданий в данной местности какая-то общая предыстория. И в более позднее время ялматские старообрядцы упоминаются преимущественно с локализацией в Воронино. Однако, насколько нам известно, и в конце XX столетия старожилы рассказывали о «старообрядческих кладбищах» еще в ряде окрестных населенных пунктов. Например, в деревне Горелово, мне рассказали о таком месте погребения, и даже поведали некоторые связанные с ним предания. Однако, старообрядцев в селении не было уже к началу XX века. Куда подевалась эта община, не такая уж многочисленная, мои собеседники-старожилы не знали.

Мы не знаем, были ли в Ялмати сектанты каких-либо других направлений, поскольку в Егорьевском уезде, как мы видим из архивных источников, миссионерских и светских статистических изданий, более уделяли внимание старообрядцам-поповцам, в ряде мест «признавали» наличие беспоповцев, и полностью игнорировали адептов раннего русского протестантизма. Однако, иногда в том или ином издании какая-то информация все же просачивалась. Так все в том же «Сборнике статистических сведений по Рязанской губернии», 1887 г., в Поминовской волости, располагавшейся возле самого Егорьевска, т.е. много западнее Ялматы, в деревне Клемёново показано одно семейство представителей секты хлыстов – 1 двор, 4 представителя мужского пола и 3 женского¹³. Позже, уже в 1920-х гг., в списке членов баптистской общины города Егорьевска мы встречаем несколько жителей селений Семеновская, Колычёво и Василёво, которые входили в ту же волость и находятся недалеко от Клемёново. Учитывая религиозные взгляды крестьян этой части Мещёры, которые однозначно не были склонны уходить в протестантизм из насыщенного иконами и святыми православия, можно сделать вывод, что это были бывшие хлысты, молокане или какие-то еще сектанты, в духовном плане уже подготовленные к принятию евангельского учения. Кстати, и многие жители самого Егорьевска из данного списка в социальном плане записаны как крестьяне, явно они незадолго до этого переселились в город из каких-то окрестных деревень¹⁴. Однако, окрест-

ности самого уездного центра и отдаленная от него Ялмать фактически являли собой два разных мира. В старообрядческом плане это были два разных «угла», каждый со своей предысторией формирования. На многочисленное старообрядчество окрестностей города оказали влияние соседние Гуслицы (в Богородском уезде Московской губернии), два тамошних старейших прихода – Чёлоховский и Шувойский, – а в возникновении редких групп ялматских, коробовских староверов, как мы полагаем, могли повлиять жители севера Рязанского уезда, нынешнего Клепиковского района, если здесь не было какой-то своей, «эксклюзивной» истории, о чем мы поговорим чуть ниже. Касательно хлыстов, то это была в прошлом достаточно многочисленная секта, но которая весьма неплохо могла скрывать свое существование внутри православного мира, почему на местах их было весьма легко скрывать от начальства. Наличие одного дома в Клемёнове говорит нам только о том, что хлысты в Егорьевском крае были, но каких масштабов в плане распространения они достигли, сказать за неимением источников невозможно.

О том, как вразнобой «признавали-не признавали» присутствие старообрядцев в самой Ялмате, свидетельствует один момент из все того же «Сборника статистических сведений...». В краткой общей информации по Архангельской волости мы читаем, что там «раскольников нет», тогда как в сведениях о деревне Воронино этой административной единицы нам пишут, что в ней «...5 семейств (состоящих из 21 мужчины и 19 женщин) принадлежат к староверам...»¹⁵.

Согласно материалам И. Проходцова, опубликованным в «Календаре Рязанской губернии на 1905 год», в Ялмате старообрядцы были выявлены в трех селениях: дер. Воронино (приход села Ялмонти) – 33 «бракобора», т.е. федосеевца, в дер. Ефремовская (приход с. Архангельского) – 1 «бракобор», и в дер. Волово (приход с. Шеина) – 1 представитель белокрыницкого поповского согласия¹⁶. Последнее селение, если мы посмотрим списки по двум волостям приведенные выше, среди ялматских не указано, оно скорее уже коробовское, но фактически его можно связать с ялматским миром. В более раннем источнике, в сведениях и церквях и приходах Рязанской епархии за 1887 г., в приходе с. Шеино, предположительно все в том же Волово, показаны две женщины «раскольницы», а в приходе села Ялмонтъ – 29 старообрядцев (15 мужского пола и 14 женского). Для сравнения о примерно доле староверов в Ялмонтском приходе покажем численность официальных православных жителей входивших в него селений – 3050 человек (1455 муж. пола и 1595 женского)¹⁷.

Все исследованные нами дела и упоминания в епархиальной и миссионерской периодике сообщают, что ялматские старообрядцы принадлежали к беспоповщине. Они были федосеевцами, касательно принадлежности к конкретному согласию, однако, кое-где нередко их пишут «поморцами». В одном из дел ГАРО нам попала информация и о попытке проникновения в данный микрорегион поповского рогожского (с 1840-х гг. – белокрыницкого) согласия. Весьма интересно, но этот момент имел место быть еще до сообщенного нами И. Добролюбовым 1861 года, т.е. первого случая, когда власти «заметили» в приходе наличие древлеправославного населения. В 1835-1838 гг. рассматривалось дело о том, что в упомянутом нами селе Шеино, все в той же деревне Волово, крестьянский сын Федор Афанасьев объявил приходскому священнику, что был венчан в Москве, на Рогожском кладбище. Его невеста происходила из деревни Безменниково. Данный населенный пункт находился на Касимовской дороге, уже на территории северной части Рязанского уезда, т.е. в местах проживания большого компактного старообрядческого анклава. Ф. Афанасьев, как отмечалось, перешел в старообрядчество за два года до рассматриваемых событий, под влиянием беглого попа (у старообрядцев-поповцев на тот момент иных не было) Спиридона, жившего в деревне Зевнево, расположенной в Гуслицах, на юго-востоке Богородского уезда Московской губернии¹⁸. Учитывая отходническую деятельность мужского взрослого населения населенных пунктов Ялматы и соседнего Коробово, посещение ими в том числе и гуслицких селений, этот прецедент нас несколько не удивляет. Невесту, почти землячку, ему могли подыскать специально, для удобства сманивания 20 летнего молодого человека в старую веру.

Тема истории ялматского старообрядчества продолжает изучаться нами, основываясь на сохранившихся упоминаниях. Надеемся, что по окончании ее подробного рассмотрения мы сможем представить его результаты в виде подробного интересного описания-публикации.

Практически возле самого древнего Николо-Ялмонтского погоста, на Погостском озере, согласно материалам, обнаруженным Добролюбовым, в старину существовал небольшой, также Никольский монастырь. Судя по всему, эта обитель упомянута в сохранившихся документах всего один раз в 1637-1638 гг., остальные источники, как мы полагаем, были утрачены. «...Время упразднения монастыря неизвестно...»¹⁹. Возможно, маленькое иноческое поселение со временем просто сошло на нет.

Говоря об этом Никольском монастыре, мы сразу же вспоминаем о ранней, известно, правда, более по преданию, истории еще одной древней обители востока Егорьевского уезда – Николо-Радовицкого монастыря, находящегося примерно в сорока километрах западнее Ялматы. Тот, впервые упоминаемый в источниках под 1584 годом, своими корнями уходит в Акакиеву пустынь, находившуюся ранее на острове, на соседнем Святом озере. Ее, по преданию, основал прибывший в эту часть Мещёры монах Пахомий, входивший в окружение митрополита Фотия, прибывший с ним на Русь из Греции в 1410 г. т.е. данные события могли иметь место где-то в начале XV в., тогда, когда Фотий, спасаясь от нашествия татарского царевича, укрывался в митрополичьей волости, в Сенеге. Акакиева пустынь документально упоминается один раз под 1680-м годом, т.е. непосредственно перед первым упоминанием самой Радовицкой обители²⁰. К слову сказать, в этой части Мещёры, в Егорьевском крае, Никольская обитель на Ялматы, а также линия «Акакиева пустынь – Николо-Радовицкий монастырь» - единственные прецеденты устройства иноческих обителей до периода рубежа XIX – XX ст. Более таких старых обителей здесь не упоминается, что, правда, вовсе не означает, что их не было вовсе – могли просто не сохраниться источники.

Обе обители скорее всего являются продуктом миссии, направленной на христианизацию мещёрской глубинки, бывшей до этого языческой. Легендарная примерная дата появления монаха Пахомия на месте будущих Акакиевой пустыни и Николо-Радовицкого монастыря – начало XV столетия – совпадает с предполагаемым исследователями временем начала обращения Мещёры в православие. Основать и Никольский монастырь в Ялматы этот подвижник мог вряд ли – Радовицы расположены в бассейне реки Цна (той Цны, которая течет через Егорьевский край, есть еще ее куда более известные тетки), Никольский монастырь в Ялматы находился возле реки Пра. Хотя это два левых притока Оки, впадающие в последнюю не так уж далеко друг от друга, в древности, когда регион был еще покрыт древними почти непроходимыми лесами, из одной обители в другую можно было попасть только сделав большой крюк по водным путям. Так что основатель Никольской обители так и останется для нас неизвестным, поскольку никаких сведений, кроме приведенных Добролюбовым, не сохранилось. Однако, вряд ли Николо-Ялматский (осмелимся дать ему такое название по местности расположения) мог появиться ранее времени легендарного основания Акакиевой пустыни. Возможно, его основали и гораздо позже нее, уже в XVI веке. Скорее всего, появление этой обители связано и с основанием погоста Ялмонт и монах (группа монахов-?) основавший ее также причастен к основанию самой ранней церкви на нем. Я монастырь, и церковный погост могли быть продуктом одной миссии просвещения Христовой верой народности или субэтноса, являющегося предком населения русской Ялматы.

Священник И. Добролюбов упоминает и о некой Казанской пустыни, располагавшейся на озере Дубовом, на месте последующего села Шеина, известного как центр одного из местных церковных приходов с первой половины XVIII в. Однако, эта обитель фигурирует исключительно со ссылкой на местные предания, документальных данных о ней нет²¹.

Основатели двух вышеназванных обителей занимались просвещением окрестного населения, являвшегося к моменту их прихода языческим, возможно, уже успевшим принять на себя внешнюю маску формально православного. Во многих известных нам исторических случаях, там, где христианство глубоко входило в сознание местного населения, оно начина-

ло понимать суть веры и требования, которые Господь предъявляет к верующему человеку, и с течением поколений жители резко отличались от стандартных «крещенных язычников». В дальнейшем также знания Христовой веры приводили и к духовным поискам, включая и критическое восприятие печально известной церковной реформы патриарха Никона, что далее выражалось в принятии позиции старообрядцев, а также к появлению адептов сектантских учений. То население, которое приняло православное христианство поверхностно, и продолжало сохранять огромный пласт языческих пережитков, было вполне удовлетворено иконами, свечками, культом святых и прочими моментами, которые весьма органично входили в этот пласт, часто становясь его частью. Какие-то изменения в книгах, перстосложении, других моментах, были для него чем-то совершенно несущественным. В старую веру и секты уходили те, кто понимал христианство, разбирался в его тонкостях.

В крещенной весьма поздно, относительно других регионов Центральной России, Мещёре, население долгое время фактически оставалось языческим, только постепенно впитывая элементы православия. Об этом свидетельствуют все, кто соприкасался с культурой края. На Мещёре, как в ее рязанской части, так и на северной, владимирской, есть территории с большим числом старообрядческого населения. Это и прежние Егорьевский, Рязанский (северная его часть, нынешний Клепиковский район) уезды Рязанской губернии, Меленковский, Муромский, Судогодский уезды Владимирской губернии. Однако, изучение истории местных древлеправославных общин показывает, что в большинстве случаев это переселенцы из других, немещерских регионов.

К какой категории нам отнести немногочисленных ялматских староверов, мы не знаем – никакой информации, преданий и т.п., по поводу истории их появления в данном микрорегионе никем никогда не фиксировалось. Вполне возможно, что и семьи молокан и беспоповцев Ялматы на каком-то этапе пришли сюда откуда-то из других мест, но, возможно, это представители коренного населения. В последнем случае их предки ранее могли быть учениками иноков – основателей местного Никольского монастыря на Погостском озере. Передавая отношение к вере из поколения в поколение, они после никоновской реформы остались верными исконной традиции. Можно предположить, а здесь мы еще раз должны сделать оговорку, что мы смело выдвигаем лишь версию того, как несколько столетий назад развивались события, что изначально они были старообрядцами, а когда сюда, скорее всего со стороны Луховиц и Кунаково, вошедших после екатерининской административной реформы в состав Зарайского уезда (контакты по Оке и притокам были весьма реально возможными), пришли весточки о духоборческом, а потом и вышедшем из него молоканском учении, по крайней мере часть религиозных оппозиционеров приняла его. К сожалению, отрывочность сведений о ялматских молоканах и беспоповцах не позволяет проследивать историю появления их учений в местных деревнях и даже их локальном географическом пространстве. Беспоповцы, а, возможно, федосеевцами они стали не сразу, явно жили здесь и до 1861 года, но их не фиксировали, переключив внимание на куда более чуждых в плане учения молокан.

Весьма любопытно, но, в отличие от Ялматы и местного Никольского монастыря, в районе Радовиц, которые территориально гораздо ближе и к Коломне, через которую в Рязанский край в XVIII столетии шло старообрядчество, и к молоканским уголкам южнее ее, ни о каких староверах и сектантах ничего не известно. По идее, последствия проповеди Пахомия и его соратников также должны были, в виду глубокого погружения в суть Христова учения, в дальнейшем проявить себя в ходе духовного поиска. Возможно, а здесь мы вспомним единожды зафиксированных хлыстов в Клемёново под Егорьевском, а также и то, что во многих уголках соседней Московской губернии, где жили общины молокан, их «игнорировали» авторы и церковных, и светских документов. Возможно, таковое было и под стенами Николо-Радовицкого монастыря. Хлысты к тому же весьма хорошо могли скрываться под личиной обычных православных.

Нельзя исключать и тот момент, что первыми из христианских проповедников в Ялмать могли проникнуть не последователи византийского православия, а заглядывавшие в

Центральную Россию вместе с купцами представители других традиций (Церковь Востока, Ирландская Церковь, ариане), которые шли и со стороны степей через Волгу и Оку, и со стороны Великого Новгорода из Европы. Часто в предполагаемых местах проповеди и основания общин подобных деноминаций через много столетий и возникали целые местности и регионы, населенные старообрядцами и где были сектантские общины. Однако, это тема отдельного большого разговора.

Касательно сюжета с монахом из окружения митрополита Фотия, причем прибывшим с ним из Греции, то мы подозреваем, что в Радовицы проник сюжет церковного фольклора, который существовал несколько западнее, в Гуслицах. Там с именем Фотия и его бегством в волость Сенег во время набега царевича Талыча связывали возникновение чуть ли не всех местных древних церковных погостов, например, Спасского на Мошеве и Рудневского. Поздние авторы сочиняли местные легенды, привязывая начало истории того или иного важного объекта с именем кого-либо из известных деятелей, если таковой оказывался в данной местности. А греческое происхождение Пахомия должно было придать дополнительное значение Акакиевой пустыни и ее преемнику – Николо-Радовицкому монастырю – в глазах и окружающего духовенства, и простого люда. К XX столетию, особенно после бурного развития интереса к местной церковной истории, такие легенды из разряда простого приходского и монастырского фольклора стали частью канонической истории конкретного церковного объекта, и спорить с ними было бессмысленно и даже опасно – это воспринималось как святотатство и богохульство.

Есть еще один момент, который может свидетельствовать в пользу того, что привязка Пахомия к свите митрополита Фотия – поздняя легенда. Фотий бежал в волость Сенег из Владимира, его путь, равно как и путь его окружения, через будущий Егорьевский ну никак не мог пролегать. Пахомий мог попасть в нынешние Радовицы в те времена, когда вокруг были малопроходимые леса и проникнуть сюда можно было большей частью по рекам, по Цне со стороны Оки, а там уже были земли Рязанского княжества, а никак не Владимирского. Однако, до екатерининской административной реформы эта часть будущего Егорьевского уезда входила в древний Владимирский уезд. Также надо обратить внимание и на такой момент, что Никольский монастырь был привязан к соседнему древнему погосту – центру поселения древней группы, – а Акакиева пустынь была основана не у древнего погоста.

Здесь, возвращаясь к «сектантской» теме, нам хотелось бы добавить, что по крайней мере во второй половине XX столетия, в Дмитровском погосте, бывшим ранее центром исторической местности «Коробово», а в 1929-1959 гг. – административным центром небольшого Коробовского района, куда входила и Ялмать, проживало несколько семей баптистов. О них автору в 2007 г. упоминали и местные жители – прихожане местной православной церкви во имя Дмитрия Солунского. К сожалению, в то время я ничего не стал выяснять про них, прежде всего откуда они появились здесь, нет ли у них корней из прежних старообрядцев-беспоповцев или молокан. Это вполне могли быть выходцы и из оказавшихся в районе ялматских селений, переселившиеся в райцентр. Выйти на потомков этих семей автору пока не удалось.

Работа по изучению религиозной истории Ялматы, а также соседней местности Коробово, фактически начавшаяся усилиями автора еще в 2006 году, продолжается. К сожалению, мы уже почти не можем рассчитывать на такой важный источник, как полевые материалы, т.е. воспоминания старожилов, который ныне почти не осталось. Однако, упоминания в архивных делах, публикации в старой периодике, отчасти все же дают нам кое-какую информацию по старообрядчеству и сектантству рассматриваемых микрорегионов. Постараемся в будущем познакомить читателей с нашими новыми находками и выводами, сделанными на их основе.

Примечания

¹ Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. – СПб., 1914. – С. 1.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. – Т.V. – Вып II. Егорьевский уезд. – Рязань, 1887. – С. 371 – 385.

³ Там же. С. 128 – 156.

⁴ Шахматов А.А. Указ. раб. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Добролюбов И. свящ. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. – Т. 4. – Рязань, 1891. – С. 428 – 434.

⁷ Шахматов А.А. Указ. раб. С. 1.

⁸ Добролюбов И. Указ. раб. С. 434 – 435.

⁹ Там же. С. 425 – 427.

¹⁰ Там же. С. 427 – 428.

¹¹ Там же. С. 431 – 433.

¹² Там же. С. 430.

¹³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии... С. 74 – 75, 92.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 123. Л. 42 об. – 43.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии... С. 129, 148.

¹⁶ Проходцов И. Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии. Историко-статистический очерк // Календарь Рязанской губернии на 1905 год. – Рязань, 1905. – С. 384.

¹⁷ ГАРО. Ф. 627. Оп. 146. Д. 28. Л. 117 об.

¹⁸ ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 1. Д. 594. Л. 1 – 60.

¹⁹ Добролюбов И. Указ раб. С. 434.

²⁰ Николае-Радовицкий монастырь. – Рязань, 1870. – С. 4.

²¹ Добролюбов И. Указ. раб. С. 425.

ЕСЕНИНОВЕДЕНИЕ

Е.А. Самоделова

Исполнительская манера сказочника у Сергея Есенина: напевное произношение и ритмичность, мимика и жестикация

Аннотация. Современники отмечали сценичность и художественность чтения Сергеем Есениным своих произведений. Его творческая манера имеет генетическое и типологическое родство с исполнением сказочниками фольклорных сказок. Поэт с детства был погружен в атмосферу сказывания народных сказок в его семье, слышал сказочную прозу от односельчан, продолжал интересоваться фольклором и в дальнейшем, выступал со своими стихами на одной сцене с профессиональными сказочниками. Поэт придавал большое значение звучанию художественных текстов, брал уроки декламации у В.В. Сладкопевцева, читал специальные книги об этом. Особенности процесса погружения Есенина в мир устного исполнительства и восприятие современниками нюансов его декламации с эффектной театральностью анализируются в данной статье.

Ключевые слова: Есенин-сказочник, искусство декламации, народные жесты, сказывание сказок.

Многие современники Есенина часто рассуждали о его творчестве и даже о манере читать стихотворения, словно они являются народными сказками или, во всяком случае, содержат сказочные стилевые черты, повествуют о волшебных героях или персонажах-зверях и предметах, сметливых работниках и недогадливых попах и т.п. Действительно, Есенин написал несколько сказок в стихах, а также вложил пересказ сюжетов в речи героев повести «Яр» (<1915>), использовал сказочные мотивы в теоретической статье «Ключи Марии» в 1918 г. и подарил три легендарные сказки (легенды) А.М. Ремизову.

Георгий Адамович в 1926 г. так же, как многие другие знакомые Есенина, рассуждал о его псевдорусских ухватках, полагая, что он перенял их у Н.А. Клюева как старшего литературного собрата и наставника, вводившего поэта в 1915 г. в петроградские салоны. Г.В. Адамович писал: «Он передал Есенину свой фальшиво-народный стиль в поведке, в разговоре. От Клюева Есенин перенял манеру говорить всем “ты”, будто по незнанию, что в городе это не принято» [Адамович 1993, 90]. Обращение на «ты» свойственно сказочным героям в фольклоре, адресуется Богу в молитвах, является наследием книжности Древней Руси и в первой четверти XX столетия активно практиковалось жителями русских сел и деревень (в том числе старообрядцами) в повседневном общении, что подчеркивало христианскую идею всеобщего братства людей. Интересно, что А.А. Блок и Г.В. Адамович усмотрели разные образцы исполнительского искусства, на которые ориентировался Есенин, по их мнению, пере-

нимая опыт Андрея Белого и Николая Клюева. Уже сам факт возведения речевой манеры Есенина к подражанию различным творческим личностям свидетельствует как раз о самостоятельности поэта, который поначалу нащупывал собственный путь в декламации, но при этом, безусловно, учился у уважаемых им старших собратьев по перу.

А.А. Блок 4 января 1918 г. записал информацию о беседе, происходившей накануне у него дома с Есениным, подметив особенности его речевой манеры, жестикуляции и системы доказательств: «(Интеллигент) – как птица в клетке; к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьется, кричит от страха. А его возьмут... и выпустят (жест вверх; вообще – напев А. Белого – при чтении стихов и в жестах, и в разговоре)» [Блок 1986, 175]. А.А. Блок подчеркнул в речи Есенина момент неожиданности, часто встречающийся в сказках, особенно новеллистических, и умение поэта найти нетривиальный поворот выстраиваемого им сюжета и ловко уйти от стандартных ожиданий слушателей.

П.В. Орешин дал замечательную характеристику манеры речи Есенина, в какой-то мере напоминающую сказочную стилистику, и самого поэта представил в образе «говоруна»-сказочника: «Я увидел, что Сережа хитрит, но перевести разговор на другую тему не мог. Ведь он был очень большой и настойчивый говорун, и говор у него в ту пору был витиеватый, иносказательный, больше образами, чем логическими доводами, легко порхающий с предмета на предмет, занимательный, неподражаемый говор. Сам он был удивительно юн. Недаром его звали – Сережа. Юношеское горение лица не покидало его до самой смерти. Но пока он кудрявился в разговорах <...>» [Орешин 1986, 266]. При знакомстве с В.С. Чернявским Есенин представился домашним именем: «Называть себя он сам предложил “Сергуней”, как звали его дома» [Чернявский 1986, 202].

Г.А. Бениславская в воспоминаниях 1926 г. сообщала о первом впечатлении о чтении Есениным в 1920 г. его «Хулигана»: «Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк и совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать: “Плюйся, ветер, охапками листьев, – / Я такой же, как ты, хулиган”. Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, с которым он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль – разве можно отделить. Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность. <...> Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая» [Бениславская 2001, 40-41]. Строки «Плюйся, ветер, охапками листьев, – / Я такой же, как ты, хулиган» также имеются в первом варианте «Хулигана» (см. черновой автограф – [Есенин 1995, т. 1, с. 331]) и в другой редакции – «Дождик мокрыми метлами чистит...» [Есенин 1995, т. 1, с. 306].

Л.И. Повицкий вспоминал о декламации Есениным своих стихов: «Читал он мастерски. Молодой грудной тембр голоса, выразительная смысловая дикция, даже энергичная, особая, чисто есенинская, жестикуляция придавали его поэтическому слову своеобразную значимость и силу» [Повицкий 1986, 235].

Манера исполнения Есениным стихов – «каким-то нарочито-деревенским говорком» (В. Пастухов), «нараспев» (М. Слоним), «как-то “по-молодецки” раскачиваясь» (Г.В. Иванов) [Пастухов 1993, 88; Слоним 1993, 90; Иванов 1993, 40] – если ее перенести на способ представления произведений русского фольклора, характерна для разных жанров. В том числе она типична для фольклорных сказок, исполнявшихся речитативом, певшихся наподобие песен или включавших песенные и плачевые вставки – в зависимости от сюжета и мастерства народных знатоков.

Многие современники воспринимали Есенина-поэта, как бы уподобляя его сказочнику. Так, Л.И. Повицкий вспоминал о харьковчанках, приютивших Есенина в своем доме как дорогого гостя и интересного собеседника: «Девушки ему поклонялись открыто, счастливые и гордые тем, что под их кровлей живет этот волшебник и маг художественного слова» [По-

вицкий 1986, 239]. При жизни Есенина на Русском Севере, где он побывал летом 1917 г. (а по его словам – и ранее в том же году), существовала традиция приглашать сказочника (обычно уже преклонных лет) в рыболовецкую артель и на другие подобные промыслы вдали от родного дома, чтобы он сказывал сказки и так забавлял работников, которые делились с ним частью улова или иным вознаграждением за труд. У других народностей Российской империи (напр., у якутов) сказителей приглашали в гости в жилище, где собирались все соседи, специально послушать исполнение эпоса.

Есенин в период обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909-1912 гг. читал в «Истории русской словесности» А.Д. Галахова об особенностях исполнения фольклорных сказок: «Рассказчик постоянно слышен; он несколько раз прерывает рассказ своим повторением одной и той же речи: “Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается”. Это скорое сказывание, скороговорка служит также отличием сказки: ее слог отрывистый, пересыпаемый близкими друг от друга рифмами, существенно разнится от слога песенного, медленного, не торопящегося. Наконец, сказка передается не в связной форме стиха, а в более свободной форме – прозаической» [Галахов 1879, 22]. А.Д. Галахов странным образом воспринял первую часть сказочной формулы пословичного типа – «Скоро сказка сказывается» – в смысле скорости исполнения произведения, произвольно дополнив интерпретацию заложенной идеи в этой синтаксической конструкции противопоставлением с песней, а не с делом («да не скоро дело делается»). Но такая логическая неточность тем более могла привлечь внимание Есенина, заставить его задуматься над манерой исполнения как сказки, так и собственных стихов. Кстати, Алексей Дмитриевич Галахов (1807-1892) тоже являлся уроженцем Рязанской губ., родился в г. Сапожок, обучался там, в Рязани и Москве, далее работал в прежней столице и в Санкт-Петербурге, получил статус члена-корреспондента Императорской академии наук.

Симптоматично, что спустя десятилетие Есенин сам стал объектом изучения исполнительского мастерства. 11 января 1922 г. профессор петроградского Института живого слова С.И. Бернштейн на фонограф записал голос поэта – в рамках научной задачи «изучения на эмпирическом материале вопросов звучащей художественной речи во всех ее разновидностях (декламация, рассказывание и читка прозы, сценическая речь, ораторская речь, крестьянское сказительство)» [Солобай 2014, 264] (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 138. Л. 79). Фактически манера исполнения собственных стихов Есениным стала предметом для аналитического сопоставления ее со сказыванием фольклорных сказок сказочником. Позже, уже после кончины Есенина, был заключен с издательством «Academia» договор на издание книги «Голоса поэтов» (1 декабря 1926 г.) [Голоса поэтов. Договор 1926]. В итоге на основе собранных тогда материалов спустя много десятилетий были выпущены другие книги: «Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста» Л.А. Шилова; «Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923-1930)» (2018) [Шилов 1987; Звучащая художественная речь 2018].

Но и Есенин собственное чтение исключительно для себя, а порой и для публики, использовал для оценки убедительности звучания стихотворения, для уточнения отдельных слов. И.И. Старцев привел случай со стихотворением «Мир таинственный. Мир мой древний...» – с его ранним вариантом «Волчья гибель»: «Стилистическая отделка записанного стихотворения производилась им уже спустя некоторое время, по мере того, как он прислушивался к собственному голосу в чтении.

В этот же день Есенин читал «Волчью гибель» в «Стойле Пегаса». Возвращаясь домой после чтения, он по дороге сделал замечание:

– Это я зря написал : «Из черных недр кто-то спустит сейчас курки». Непонятно. Надо – «Из пасмурных недр». Так звучит лучше.

И, придя домой, сейчас же исправил» [Старцев 1986, 413].

Так и сказочники, многократно сказывая сказку для разной аудитории, оттачивают отдельные обороты и фразы, превращают их в стилистические клише. Очевидно, таким спосо-

бом образовывались *loci communes* (постоянные места), словесные формулы еще в незапамятные времена и продолжают создаваться до сих пор, пока жива устная сказка.

Л.А. Шилов сделал вывод о том, что «публичные выступления и чтения в дружеском кругу были для Есенина не только способом познакомить слушателей со своими стихами в определенной, только автору ведомой оркестровке, но прежде всего идеальным средством самовыражения, куда как более полным, чем процесс письменного создания произведения» (Шилов 1987, 74).

М.В. Бабенчиков вспоминал напевность чтения стихов Есениным в период появления первой «Радуницы» (конец 1915 – начало 1916 г.), то есть именно в пору его наиболее «сказочной стилистики»: «Читал их он с каким-то самозабвенным упоением, мерно покачиваясь всем своим гибким телом и в середине чтения, точно боясь, что упадет, судорожно сжимая обеими руками спинку стула. В самом финале он отпускал ее. И кончал читать, не держась ни за что, как бы оторвавшись от земли и пребывая в свободном полете. Это впечатление плавного парения усугублялось тем, что манере есенинского чтения была присуща некая волнообразность ритмического колебания вверх и вниз, неотразимо действующая на слушателей» [«Счастливые дни золотой юности...» 1982, 186-187]. М.В. Бабенчиков также оставил воспоминания о своем восприятии чтения поэта: «Когда Есенин читал, глядя на него, мне всегда казалось почти невероятным, что где-то глубоко, глубоко внутри этого щуплого с виду паренька с лукаво бегающими глазками и типичной повадкой деревенского жителя струится неиссякаемый родник кристально чистой поэзии. В самом характере есенинского чтения была особая, свойственная ему певучесть. И конец каждого произнесенного им слова, прежде чем замереть, вздрагивал, как звук туго натянутой струны» [«Счастливые дни золотой юности...» 1982, 187].

М.В. Бабенчиков уловил родство есенинского чтения с фольклорной манерой произнесения произведения: «Нечто подобное тому, что можно встретить только в устной народной поэзии, где звучность и красота слова никогда не заслоняют внутреннего глубокого содержания» [«Счастливые дни золотой юности...» 1982, 187]. Как сказочник становится притягательным центром для слушателей в тесной избушке или ином месте скопления крестьян, так и Есенин оказался для М.В. Бабенчикова неким подобием сказочного светила: «Кончил читать Есенин как-то сразу, внезапно оборвав на полуслове. Будто вздохнул и затих. Странно, но мне показалось в эту минуту, что в комнате стало темно, до такой степени звуковое впечатление от его чтения неразрывно слилось в моем представлении с чем-то светлым, зримым и сияющим. Все сидели, словно замороженные. И только один он продолжал стоять, смущенно улыбаясь, точно не сознавая того, что произошло» [«Счастливые дни золотой юности...» 1982, 187].

Как сказочник варьирует манеру исполнения сказки, то произнося речитативом, то пропевая песенные вставки, то спокойно рассказывая, так и Есенин даже обычную ситуацию мог сообщить в фольклорной манере. Так, М.В. Бабенчиков вспоминал о жизни Есенина в начале 1920-х гг. и о повествовании о будничных делах: «Проговорил он все это скороговоркой, будто сыпал горох, а потом начал обстоятельно рассказывать <...>» [«Счастливые дни золотой юности...» 1982, 189].

Есенин был знаком со сказочницей и сказительницей М.Д. Кривополоновой из Архангельской губ., выступал с ней на вечере Общества «Краса» 19 ноября 1915 г. в Петрограде [Летопись 2003, т. 1, 284, 292], слышал ее манеру исполнения. Ранее он мог читать в московской газете «Утро России» о М.Д. Кривополоновой: «Она не столько рассказывает, сколько напевает былинку однообразным речитативом, с особым ритмом и своеобразной мелодией у каждой былинки и сказки. Рассказывает она их истово, с почти неподвижным лицом и только в местах, требующих особого подчеркивания, то головою кивает, то взмахивает беленьким платочком. Веет с эстрады неподдельной седой русской стариною, звучит речитатив, порой напоминающий наивную мелодию гудка» [С.Г. 1915; Морозов 1950, 6-7].

М.Д. Кривополонова была потомственной сказочницей, наследницей фольклорной традиции деда, которого поморы брали в море на рыбацкий промысел. Сказочнику полагалась

часть улова наравне с рыбаками: «Когда делили добычу, то “враль” получал свой пай наравне с остальными промышленниками. Мария Дмитриевна в детстве бывала с дедом на промыслах и там перенимала у него старины» [Морозов 1950, 14].

Позднее А.А. Морозов описал творческую манеру М.Д. Кривополеновой-сказочницы в ее приезд в Москву в 1916 г.: «Она без устали рассказывала сказки, меняя интонации для каждого действующего лица и сопровождая сказку оживленной и выразительной мимикой, так что у слушателей дух захватывало. В отличие от старин, как бы застывших в ее памяти, сказки она всегда импровизировала и каждый раз рассказывала по-новому» [Морозов 1950, 31]. Есенин в это время находился на фронте Первой мировой войны, но мог слышать сказки М.Д. Кривополеновой раньше – в ноябре 1915 г. в Петрограде, куда ее привезла из Архангельской губ. О.Э. Озаровская. Сама же московская артистка могла привлечь внимание Есенина не только своими яркими выступлениями с записанными ею на Русском Севере фольклорными сказками, но и учебными пособиями по декламации. К тому времени она являлась автором хрестоматии «Школа чтеца» (1914) [Озаровская 1914]. Позже появились «Моей студии: этюды по художественному чтению» О.Э. Озаровской (1923) [Озаровская 1923]. Артистка имела отношение к Московскому городскому народному университету им. А.Л. Шанявского, в котором учился Есенин в 1913 – начале 1915 гг., и участвовала в написании коллективной книги «Организация местных кооперативных курсов» для него в 1917 г. [Организация местных кооперативных курсов 1917].

Так что Есенин разыгрывал перед столичными литераторами роль не только крестьянского паренька-пастушка, но и сказочника, прекрасного исполнителя авторских произведений, чья поэтика раннего творчества в определенной мере уподоблена фольклорной, выстроена на ее основе. Все упомянутые мемуаристы так или иначе указывают на яркую диалектную орфоэпию и ритмичность речи Есенина, стилизованной под тактовую размерность фольклорно-сказочной речитативности или напевности подлинно фольклорного исполнительства.

В «речевом поведении» Есенина, то есть при выступлении его с импровизированными докладами перед слушателями (даже перед одним-двумя, а не только перед большим залом), без заранее подготовленного и написанного текста или с чтением по газете или сборнику, обращала на себя внимание его жестикация, сопровождавшая речь. Так, А.А. Ахматова, к которой Есенин приезжал в Царское Село 25 декабря 1915 г., вспоминала: «И он начал читать, держа в одной руке газету, другой жестикулируя, но, видимо, от смущения, жесты были угловаты. <...> Читал он великолепно, хотя и немного громко для моей небольшой комнаты. Те слова, которые, он считал, имеют особое значение, растягивал, и они действительно выделялись» [Ахматова 1990, 156; Летопись 2003, т. 1, 304]. Заметим, что громкость звучания является важным признаком народного пения, хотя для сказки она не обязательна и, более того, чужда ей, сказываемой в камерной обстановке.

И.В. Грузинов отметил процесс музыкального интонирования речи Есениным, выстраивания будто бы вынужденных предложений, что он расценил как неумелость оратора, однако такое речеведение имеет сходство с сознательными приемами сказочника. И.В. Грузинов вспоминал: «Говоря в общественных местах, перед посторонней публикой, он долго подыскивал нужные обороты речи, бесконечно тянул неопределенные междометия, иногда неожиданно, с силой выбрасывал отдельные слова, отдельные короткие фразы» [Грузинов 1926, 3].

Данные приемы нужны сказочнику для активизации внимания слушателей. В этом плане интересно сопоставить мысль научного сотрудника музея «Кижи» и современного профессионального исполнителя былин Олега Александровича Скобелева, 1965 г. р., продолжающего эпическую традицию, следуя манере Трофима Рябинина и других сказителей и сказочников [Запись прямого эфира 2021]. О.А. Скобелев говорит об определенном возрасте, с которого можно исполнять некоторые жанры фольклора: в частности, он начал исполнять «старины» (так в народе именуют былины) с 40 лет, а если бы попробовал раньше, это было бы странно и не соответствовало исполнительским канонам жанра. При пении им былины

корреспондент отмечает: «Вы так говорите, как лодка на волнах». О.А. Скобелев поясняет: «Сказывался и темперамент, и местность определенная напева, да» [Запись прямого эфира 2021]. И подчеркивает: «И, заметьте, вот этот напев, напоминающий накатывающуюся волну морскую. Она поднимается сейчас как и опять опускается. Вот эта драматургия самого напева – она похожа вот, видимо, на онежские воды: вот вроде бы должно что-то быть и опять спускается, вот это гребень такой» [Запись прямого эфира 2021]. Корреспондент соглашается: «Надо же, я когда слушала, как Вы поёте былинку, у меня было ощущение: вот именно да, лодки на волнах» [Запись прямого эфира 2021]. О.А. Скобелев подчеркивает, что стиль исполнения в определенной мере обусловлен местом проживания исполнителей, ландшафтом: «Ну да, потому что Рябиныны жили в прибрежных деревнях – в Гарницах и в Потанищине <Потаневщина>» [Запись прямого эфира 2021].

Подобное наблюдение о звучании речной или морской волны, которое можно передать словесными средствами, Есенин прочитал в пособии В.В. Сладкопевцева, в главе «О художественном чтении», где приведен пример с двустушием «Ты волна, моя волна, ты гульлива и вольна» из «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А.С. Пушкина. Итак: «В данном случае получается не только воспроизведение в нашем сознании представления волны, но и во всем сочетании звуков и слов как бы слышится, самим сочетанием звуков как бы вызывается ощущение волны: от звукового сочетания даже и помимо логически-интеллектуального содержания его, без отношения к слову как символу, возникают ощущения как бы волнообразных движений, колебаний. Получаемое в данном случае от словесной формы впечатление уподобляется, благодаря живости своей, ощущению, получаемому нашими органами чувств непосредственно от самого объекта» [Сладкопевцев 1910, 172-173].

Безусловно, Есенин знал и наблюдал особую мелодическую манеру сказочника говорить разными голосами от имени различных героев сказки, в том числе придумывая тембр «речи» животных или даже неодушевленных персонажей-предметов. Так, в сказке о козе и козлятах (СУС 123) [Сравнительный указатель сюжетов 1979, № 123] повествуется о первой неудачной и второй удачной попытках волка съесть козлят, к которым он стучится в дверь и просит сначала «толстым голосом» открыть ее, а потом «тонким», похожим на голос козы. Есенин читал в собрании «Русские народные сказки» А.Н. Афанасьева (1913-1914) сказку «Волк и коза», в которой волк подслушал пение козы и в ее отсутствие «подошел к избушке и закричал своим толстым голосом», а козлята ответили: «Слышим, слышим – не матушкин голосок. Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает»; но далее волк прибежал опять и «начал причитывать тоненьким голоском», в результате чего его козлятки впустили в избушку и заплатились жизнями за это [Афанасьев 1913, т. 1, с. 67, № 23a]. О смене голоса волком (бирюком) с «толстого» на «тонкий» с помощью кузнеца сообщается во втором варианте: «Между тем бирюк пришел к кузнецу и говорит ему: “Кузнец, кузнец, сделай ты мне тоненький язычок”» [Афанасьев 1913, т. 1, с. 68, № 23b].

Бельгийский поэт Франц Элленс, переводчик поэмы «Пугачёв», был впечатлен чтением её автором, и в его описании подчеркнута вариация голоса поэта в зависимости от изображения им разных персонажей, художественных образов и стихий: «Есенин не читал, он переживал поэму, он снова был землёй, толпой, ветром... Он пел свои строки, декламировал, выкрикивал, он плевался ими, как его красношерстная верблюдница-заря, и промурлыкивал с вкрадчивой кошачьей грацией. И это непривычное сочетание изящества и силы, варварского темперамента и непередаваемого артистизма захватывало, соблазняло, покоряло» [цит. по: Шилов 1987, 73]. Интересно, что в другом издании приведен подобный текст в ином переводе с сильными разночтениями: «Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. Эта декламация во всей полноте передавала его стиль: он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя» [Элленс 1986, 23]. Но в обоих случаях показано, как Есенин менял тембр голоса и его звуковысотность, варьировал темп речи и громкость звучания в зависимости от произносимых строк.

Л.И. Повицкий вспоминал, как Есенин использовал этот сказочный прием изменения голоса с разными целями – воспроизвести как можно точнее декламацию другого поэта или даже спародировать его. Л.И. Повицкий сообщил о Есенине: «Иногда он имитировал Блока и Белого. Блока он читал серьезно, с уважением. Белого – с издевкой, утрируя как внешнюю манеру читки Белого, так и содержание его потусторонних мистических “прорицаний”» [Повицкий 1986, 236]. Далее мемуарист сообщает об очаровании музыкальностью интонаций Есенина: «Доставляли огромное наслаждение музыка его речи, душевная взволнованность, напряженность мысли, глубокая убежденность в правоте своих исканий, необычная для того времени тема его откровений» [Повицкий 1986, 236].

Исследователь А.В. Сухов насчитал 25 музыкальных инструментов, упомянутых или широко представленных в творчестве Есенина; большинство из них народные, в том числе необязательно русские или заимствованные русским народом: это гусли, гармонь и ее модификации (тальянка, венка, ливенка), пастушеский рожок, флейта, свирель, дудочка, цевна, жалейка, гудок пастуший, волынка, зурна, тари, колокол, барабан, охотничий рог, трензель, шарманка, гитара, рояль, скрипка, виолончель [Сухов 2017, 96].

И.В. Грузинов, друг Есенина, привел яркий пример его прекрасного владения запоминающимся жестом: «Образ для него, как и для народа, утилитарен; утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него – это гать, которую он прокладывает через болото. Без этой гати – нет пути через болото.

При этом Есенин становится в позу идущего человека, показывая руками на лежащую перед ним гать» [Грузинов 1926, 10].

П.В. Орешин вспоминал: «Я думал, что Есенин опять разразится полным голосом и закинет правую руку на свою золотую макушку, как он обыкновенно делал при чтении своих стихов <...>» [Орешин 1986, 265]. Подмеченный писателем-новокрестьянином характерный жест Есенина воплотил в его скульптурном портрете из дерева С.Т. Конёнков, запечатлевший поэта в момент художественного чтения им стихов: у него открыт рот, а правая рука приподнята к голове, демонстрируя присущей ему жест. Скульптор указывал, что таким он увидел поэта весной 1918 г. и по памяти и сделанным рисункам-наброскам воплотил его в скульптуре из природного материала. Ныне этот портрет хранится в ИМЛИ, опубликован в «Моем веке» С.Т. Конёнкова и в книгах о скульпторе [Конёнков 1988, 127].

Интересно, что С.Т. Конёнков иначе трактовал вырезанный им в дереве жест поэта, считая его типичным. Л.А. Шилов, пригласивший разных лиц, помнивших чтение поэта, передал такое мнение скульптора: «Характерный жест поэта и запечатлён на известной деревянной скульптуре Конёнкова. Именно так чаще всего Есенин читал стихи: левая рука вскидывалась вверх, ладонь у виска, правая со сжатым кулаком поднималась и опускалась в ритм стиха» [Шилов 1987, 76].

Подобные жесты используют сказочники. Фольклорист Ю.М. Соколов в 1926 г. рассуждал о необходимости обращать внимание на подачу сказки: «В сказочнике интересен не только его репертуар и записанный от него текст сказки, а и сама <...> манера исполнения – мимика, жесты, интонации» [Соколов 1926, 23].

Приведем примеры жестикуляции в процессе рассказывания сказок, записанные нами в Липецкой обл., соседней с Рязанской обл. Так, в с. Ленино Липецкой обл. и р-на сказочница В.В. Бородина исполнила сказку «Колобок» (СУС 2025=АА*296) [Сравнительный указатель сюжетов 1979, № 2025=АА*296] и эпизод, когда бабушка «поставила его на окошко, на окно остужать», сопровождала жестом – «(левой рукой указывает вперед и чуть влево – туда, где находится окно, на которое бабушка поставила колобок)»; в этом направлении действительно расположено окно в доме исполнительницы [Самоделова 2020, 44 – курсив автора]. А предшествующий эпизод с выскребанием последней муки из ларя для приготовления колобка В.В. Бородина сопровождала еще более сложной и подробной жестикуляцией: «<...> там с сучочка, там с уголочка (левой рукой описывает еще один большой круг слева-направо, прерывая движение дерганными приостанавливающимися движениями, показывая, что ме-

телка бабушки действительно натывается на древесные сучки и углы хранилища, выметая оттуда остатки муки) <...>» [Самоделова 2020, 44 – курсив автора].

О приверженности Есенина к жестикуляции И.В. Грузинов высказался при описании его посещения студии С.Т. Конёнкова в 1923 г.: «Как почти всегда, он и на этот раз не мог обойтись без игры, аффектации, жеста» [Грузинов 1926, 13]. А.И. Гербстман вспоминал об особенностях декламации стихов Есениным в Тифлисе в начале сентября 1920 г., отметив сильнейшую жестикуляцию: «Читал Есенин изумительно: очень эмоционально, всем телом жестикулируя, особенно руками и головой» (цит. по: [Баранов 2003, 130; Летопись 2005, т. 2, 394]).

Если сказочники жестами усиливают доходчивость сказки, «расцвечивают» ее содержание и такие телодвижения хорошо продуманы и театральны, исполняют в некоторой мере роль сценических декораций, то жестикуляция Есенина всецело эмоциональна и порой даже не поддается воле автора. Однако ее сходство с жестами сказочников заключается в общей ориентации на публику, в том числе на ее количество, на большую аудиторию или, наоборот, на уединенность присутствующих и камерность обстановки. Л.А. Шилов привел записанные им слова А.Л. Миклашевской о разнице в чтении Есениным одних и тех же стихов, посвященных ей, на сцене и в домашних условиях: «На правой ладони, – сказала Августа Леонидовна и показала где, – у него даже была мозоль, – так сильно он сжимал кулаки во время чтения. Но дома “мои” стихи он читал по-другому: тихо, задумчиво, как бы удивляясь не-много самому себе – дескать, что же со мной происходит? Мне такое чтение больше нравилось...» [Шилов 1987, 79].

На части территории Рязанщины, преимущественно центральной и южной, до сих пор сохранились устойчивые жесты (регулярно повторяемые разными местными жителями в определенных ситуациях), очевидно, идущие из глубины веков. Напр., для показа утраты чего-либо или невозможности получить какое-то благо или конкретный желаемый предмет рязанцы используют такой жест: ладонью с оттопыренным правым пальцем как бы обхватывают нижнюю часть своего лица, начиная с уровня носа и затем медленно опуская руку вниз с постепенным сближением всех пальцев до соединения их в горсть, на уровне подбородка (под ним) делают резкое движение и отбрасывают руку с будто бы захваченным нечто вниз, раскрывая там сжатые пальцы, как бы демонстрируя потерю только что ухваченного небольшого предмета. Жест сопровождает фразу со смыслом ‘не досталось, не получилось, не вышло’. Этот жест мы постоянно наблюдали в Спасском, Сапожковском, Сараевском и других районах в фольклорных экспедициях, начиная с 1980-х гг., а однажды видели в Москве, уже в начале 2020-х гг.

Другой типичный жест рязанцев – соединение кистей рук с выстраиванием пальцев так, как соединяются бревна в избе «в лапу», когда концы пальчиков находятся снаружи ладоней и помещены в промежутки между собой, но большие пальцы не доводятся до такого состояния, а упираются один в другой, причем левым крутят вокруг правого, иногда в одну сторону, потом в другую. Этот жест инстинктивно используется при раздумье, при горьких или иных мыслях (мы наблюдали его в Сараевском и Ухоловском районах, начиная с 1980-х гг. и в 2023 г. в фольклорно-этнографических экспедициях).

Оба описанных жеста не являются специфическими для рязанских сказочников, их употребляют обычные люди в самых разных ситуациях, но и при рассказывании сказок эти последовательные и упорядоченные движения пальцев также могут применяться.

Кроме жестикуляции, Есенин применял первые попавшиеся под руку предметы для наглядной убедительности своего высказывания – подобно использованию обрядовых атрибутов при исполнении календарных ритуалов крестьянами: ведь он сам в юности участвовал в поздравительном обходе дворов на Святки, в ряженье на свадьбе. Итак, И.В. Грузинов подметил эпизод 1920 г.: «Есенин любил конкретно выражать свои мысли, любил наглядность в объяснении. <...> Так, выворачивая перчатку и показывая ее собеседнику, он иногда произносил такую фразу: “Я выворачиваю мир, как перчатку”» [Грузинов 1926, 6]. Н.И. Шубникова-Гусева обнаружила в архиве Государственного литературного музея (ГЛМ

(ГМИРЛИ им. В.И.Даля)) фрагмент (или набросок?) прозаического произведения Есенина «Я очень здоровый и потому ясно осознаю...» про женские перчатки в кармане своего пальто: «Некоторые гадают по рукам, а я гадаю по перчаткам» [Есенин 2000, т. 7, кн. 2, с. 93, № 21]. Исследовательница посчитала эти строки и описанный И.В. Грузиновым мини-спектакль с перчаткой одной из побудительных причин создания поэмы «Черный человек» [Шубникова-Гусева 1997; Шубникова-Гусева 2001]. Нам же важно указать на подобное обращение к случайным предметам, которое, вероятно, допускают некоторые сказочники для доходчивости и усиления занимательности сказки в процессе ее сказывания (но это предположение нуждается в проверке по видеозаписям и их расшифровкам, если они имеются, а также по наблюдениям в фольклорных экспедициях).

И.И.Шнейдер привел одну интересную историю с публичным выступлением Есенина, использовавшего специально заготовленный «театральный реквизит»: «Ялтинский житель, страстный почитатель поэзии Есенина И.А. Синеокий, собравший уникальную есенинскую коллекцию, сообщил мне о том, что ему написала старейшая жительница Батуми, литературный работник, А.А. Лаппо-Старженецкая, встречавшаяся там с Есениным в 1924 и 1925 годах <...>» [Шнейдер 1974, 124]. Далее он процитировал сведения этой дамы: «В конце января в местном театре был организован суд над футуристами. <...> Перепрыгнув через рампу, Сергей Александрович стал по левую сторону сцены против футуристов. Быстро и молча вытащил из-за пазухи маленькую собачонку, поставил ее прямо против футуристов. Собачка несколько раз пронзительно тявкнула прямо на “подсудимых”, и Сергей Александрович тут же подхватил ее... Занавес поспешно задернули. В публике раздался смех, аплодисменты. Есенин тут же вышел тем же путем и так же поспешно, как вошел» [Шнейдер 1974, 124-125].

Есенин мог прочитать в «Частной реторике» (так!) Н.Ф. Кошанского (1831, 2-е изд. – 1835) о важности жестикуляции для рассказчика: «Язык слов есть слог оратора – язык действий, его *жесты, телодвижения, мимика*. В изустных разговорах оба языка соединяются; и чем живее, чем сильнее разговор, тем выразительнее телодвижения» [Кошанский 1835, 93 – курсив Н.Ф. Кошанского]. И далее: «Язык действий есть стремление души, обнаруживающееся в движениях тела: в очах, в устах, на челе, в движении головы, шеи, груди, рук и пр.» [Кошанский 1835, 93]. Для пояснения ученый приводил примеры: «Склонением головы – согласие; беспокойным ее движением – отрицание; поднятием сжатой правой руки с выражением в лице – угрозу» [Кошанский 1835, 93].

Есенин прекрасно понимал, что сказочник обладает особым поведением, не сводимым только к своеобразной речевой манере и жестикуляции. Поэт считал необходимым выработать в себе некие демонстративные черты, которые были бы сродни действиям сказочника, отражали его мировоззрение. Он писал Н.К. Вержбицкому 26 января 1925 из г. Батум: «В Константинополь я думал так съездить, просто ради балагурства» [Есенин 1997, т. 6, с. 199, № 198]. Словечко «балагурство» подчеркивает, что Есенину была важна не просто поездка с целью ознакомления с Константинополем, но существеннее оказалась бы возможность лично лицедействовать там, потом рассказывать друзьям и родным о своем странствии туда, прибавлять впечатления об увиденном и давать собственные оценки событиям и объектам, подобно балагурящему сказочнику.

Е.А. Устинова, жена писателя и журналиста Г.Ф. Устинова, в мемуарах «Четыре дня Сергея Александровича Есенина» передала самоощущение поэта: «Я ведь “божья дудка”» [Устинова 1926, 235]. По просьбе мемуариста он пояснил смысл этого фразеологизма: «“Это когда человек тратит из своей сокровищницы и не пополняет. Пополнять ему нечем и неинтересно. И я такой же”. Он смеялся с горькой складочкой около губ» [Устинова 1926, 235].

Писатель Александр Лысов передал беседу Леонида Леонова с Есениным, случившуюся до 2 ноября 1925 г. на квартире Г.А. Бениславской в Москве, и привел свое ощущение от личности поэта, акцентировав внимание на фразеологизме: «Но в воспоминаниях о предсмертных днях Есенина есть рассказ Е.А. Устиновой о том, что поэт назвал себя “Божьей дудкой” и прокомментировал, что так именуется тот, кто, получив

сокровища, тратит их безоглядно, не ведая размеров дарованного и не восполняет запаса ничем. Разве не слышна в этой горькой самооценке поэта русская версия “шагреновой кожи”...» [Шубникова-Гусева 2008, 341] (впервые: Литературная учеба. 1996. Кн. 3. С. 102). «Шагреновая кожа» – роман Оноре Бальзака; подобный сюжет – «Портрет Дориана Грея» Оскара Уальда [Гавришева, Чалова 2016]. Этот сюжет о самоотдаче творческой личности, известный в литературе, очевидно, восходит к народной сказке.

Отношение Есенина к стихам, которые должны быть прочитаны вслух, а не просто про себя по книге, можно отнести к промежуточному этапу развития словесности: от сказывания сказок и устного исполнения других жанров фольклора – к чтению напечатанных художественных произведений. Есенин с детства был воспитан на народной поэзии в ее непосредственном живом бытовании, далее он оказался посетителем литературно-музыкальных кружков и литературных салонов, стал постоянным участником выступлений поэтов в кафе, музейных и концертных залах и т.п. Этим поэты Серебряного века отличаются от последующих поколений литераторов, особенно горожан, стоящих уже во временном отдалении от активной и естественной традиции сказывания фольклорных сказок. Возникает обратная ситуация, когда современные поэты доносят собственные стихи до публики, читая их как актеры, – и в этом плане они типологически близки сказочникам, которых в большинстве своем видели только в документальном кино.

Голос Есенина был записан фонографом в Москве в его А.Б.Мариенгофом квартире в Богословском пер., доме 3 (ныне № 5), 11 января 1922 г. профессором Петроградского Института живого слова [Летопись 2005, т. 3, кн. 2, с. 248]. Поэт избрал для записей монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев», фрагмент из «Исповеди хулигана» («Я нарочно иду нечестным...»), «Сорокоуст», «Разбуди меня завтра рано...», «Я покинул родимый дом...», «Волчья гибель» («Мир таинственный, мир мой древний...»). Среди прочитанных текстов встречается сказочный мотив «Масло в пруду» (СУС –34*) [Сравнительный указатель сюжетов 1979, №–34*], но произведений с сюжетами сказок или авторских сказок нет. Понятно, что Есенин прочитал сочинения, которые считал основными, программными; сказки же, по большей части, – развлекательный жанр. Поэту выпал только один шанс в жизни – быть записанным на фонографический валик, в то время как Л.Н.Толстой оказался владельцем подаренного ему в начале 1908 г. Томасом Эдисоном фонографа с восковыми звукозаписывающими цилиндрами.

Л.А.Шилов привел запись Д.П.Маковицкого в дневнике 17 апреля 1908 г. о желании Толстого преобразовать и озвучить «Левшу» Н.С.Лескова: «Л.Н.говорил, что хочет написать сказку для детей и рассказать её в фонограф для своих учеников разными голосами, попросить и Татьяну Львовну. Сказку весёлую, например о блохе, которую подковали тульские мастера» [Шилов 1987, 28]. Далее Л.А.Шилов сообщает об аудиофиксации другого сказочного текста: «Толстой отчасти выполнил своё намерение, записав сказку “Волк”, где волк говорит: “Я тебя съем!”, а мальчик испуганно пищит: “Ай-ай!”. Эту сказку Толстой сочинил для своих внуков и записал на фонограф около 12 июля 1908 г. Рукопись её не сохранилась» [Шилов 1987, 28]. Очевидно, Л.Н.Толстой руководствовался разными целями для записи на фонограф сказок для учеников Яснополянской школы и для своих внуков: в первом случае он хотел продемонстрировать достижения техники, во втором – сохранить голос на память. Показательно, что, как большинство народных сказочников, Л.Н.Толстой меняет тембр голоса, изображая повествователя с волком и мальчика, подчеркивая его детский возраст [Толстой].

Было бы интересно и познавательно сопоставить звучание стихов Есенина с декламацией других поэтов – его современников, с которыми он был знаком и чьи голоса сохранились: с А.А.Блоком, Н.А.Клюевым, Андреем Белым, В.Я.Брюсовым, В.В.Маяковским, Б.Л.Пастернаком, О.Э.Мандельштамом, И.Г.Эренбургом, А.А.Ахматовой и др. Итогом стало бы обнаружение или нет их влияния на Есенина и наоборот (хотя манера чтения на протяжении жизни поэтов могла меняться), но эта задача другого исследования.

Безусловно, приведенные выше сведения о жестикуляции, об особой интонации, мимике и тем более о диалектном произношении Есенина не свидетельствуют о нем как о сказочнике «из народа», но показывают его знакомство с особой творческой манерой, присущей многим исполнителям фольклорной сказки. Но сказочником Есенин все-таки был: об этом свидетельствуют передача им трех легендарных сказок (или легенд) о Николае-угоднике А.М. Ремизову в 1915 г., написание «Сиротки (Русской сказки)» и «Сказки о пастушонке Пете...», а также включение сказочных сюжетов и отдельных эпизодов в повесть «Яр», в статью «Ключи Марии» и др., как уже было сказано.

Список литературы

Гавришева Г.П., Чалова С.С. Литературные параллели в романах «Шагреневая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 1071-1076.

Запись прямого эфира «Радио России – Карелия», программа «Будний вечер» 13 декабря 2021 года // <http://tv-karelia.ru/category/radio-rossii/budniy-vecher/>; soundstream.nedia/clip/byliny-olega-skobeleva (дата обращения: 28.05.2026).

Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923-1930) / Сост. В. Шмидт, В. Золотухин. М.: Три квадрата, 2018. 516 с.

Кошанский Н.Ф. Частная реторика (так!). 2-е изд. СПб.: В Имп. Академии наук, 1835. 151, XIV с.

Морозов А.А. Марья Дмитриевна Кривополенова. Жизнь и творчество // Кривополенова М.Д. Былины, скоморошины, сказки / Ред. вступ. статья и примечания А.А. Морозова. Архангельск: Архангиздат, 1950. С. 3-33.

Озаровская О.Э. Моей студии: этюды по художественному чтению. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. Вып. 1. 76 с.

Озаровская О.Э. Школа чтеца: Хрестоматия для драм., пед. и оратор. курсов. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. 516 с.

Организация местных кооперативных курсов: Курсы: Вл. Махновца, Вл. Кильчевского, В. Хижнякова, И. Подольского, А. Евдокимова, А. Чайнова, А. Минина и О. Озаровской / Моск. гор. нар. ун-т им. А.Л. Шанявского. М.: Типо-лит. т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1917. VIII, 300 с.

Самоделова Е.А. Об особенностях экспериментальной текстологии на примере фольклорных сказок В.В. Бородиной из Липецкой области // Труды конференции «Покровские дни». Н. Новгород, 2019 г. Нижний Новгород, 2020, 30 ноября. № 11. С. 18-81.

Сладкопевцев В.В. Искусство декламации. СПб.: Изд. журн. «Театр и искусство», 1910. (Переизд. 1909). 367 с. (Сер.: Энциклопедия сценического образования. Т. 3).

Соколов Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. № 1. С. 5-29.

Солобай Н.М. Есенин и искусство декламации // Сергей Есенин и искусство: Сб. науч. трудов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 259-289. (Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 2).

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.

Сухов А.В. Музыкальные образы в творчестве С.А. Есенина: мифопоэтика и контекст: Дисс. ...канд. филол. наук. Пенза, 2017. 202 с.

Шилов Л.А. Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста. Книга для учащихся старших классов. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1987. 159 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 688 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008. 480 с.

Шубникова-Гусева Н.И. «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 11. С. 79-120.

Список источников

Адамович Г.В. Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 1. Воспоминания / Под ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 90-92.

Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: В 5 т. / Под ред. А.Е. Грузинского. Изд. 4-е. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1913-1914.

Ахматова А.А. Сергей Есенин (в записи А.П. Ломана) // Наш современник, 1990. № 10. С. 156-160.

Баранов В.С. Сергей Есенин: Биографическая хроника в воспоминаниях, фотографиях, письмах: М.: Радуга, 2003. 464 с.

Бениславская Г.А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Фонд «Содружество», 2001.

Блок А.А. Из дневников, записных книжек и писем // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 174-178.

Галахов А.Д. История русской словесности. Учебник для средне-учебных заведений. СПб.: В тип. Морского министерства, 1879. 252 с.

Голоса поэтов. Договор, заключенный с издательством «Academia» Государственного института истории искусств на издание книги «Голоса поэтов». [Рукопись]: [печатный, машинопись с подписью-автографом должностного лица] / Издательство «Academia» Государственного института истории искусств; рукопись. Б/м., 1926, 1 дек. 4 л. // РГБ.

Грузинов И.В. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М.: Всероссийский союз поэтов; Книгоиздательство ВСП, 1926. 22 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос; Наука, 1995-2001.

Иванов Г.В. Есенин // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 1. Воспоминания /Под ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 30-44.

Конёнков С.Т. Мой век: Воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. 384 с.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2003-2018.

Орешин П.В. Мое знакомство с Сергеем Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 263-269.

Пастухов В. Из очерка «Страна воспоминаний» // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 1. Воспоминания /Под ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 88-89.

Повицкий Л.И. Сергей Есенин в жизни и творчестве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 232-250.

С.Г. <С.М.Городецкий?>. Вечер старинной русской сказки // Утро России. М., 1915, 7 октября.

Слоним М. Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 2. Эссе, очерки, рецензии, статьи /Под ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 90-97.

Старцев И.И. Мои встречи с Есениным // С.А.Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 408-417.

«Счастливые дни золотой юности...» (Воспоминания М.В. Бабенчикова о С.А. Есенине) /Публ. С.В. Зыковой // Встречи с прошлым: Сб. мат-лов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Вып. 4. М.: Советская Россия, 1982. С. 178-192.

Толстой Л.Н. Волк // SkySound // <https://xn----dtbtgbdqexhd2i.skysound7.com/> (дата обращения 28.06.2026).

Устинова Е.А. Четыре дня Сергея Александровича Есенина // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания / Под ред. И.В. Евдокимова. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 232-237.

Чернявский В.С. Три эпохи встреч (1915-1925) // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 198-235.

Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. 2-е изд. М.: Советская Россия, 1974. 172 с.

Эллэнс Ф. Сергей Есенин и Айседора Дункан // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. /Вст. ст., сост. и комм. А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 20-23.

И.И. Балясова

Образ сердца в поэзии Сергея Есенина (Опыт исследовательской работы при изучении поэзии на факультативах в старших классах средней школы)

Аннотация. В статье литературно-методической и педагогической направленности приведен личный опыт учителя средней школы по изучению творчества Есенина с привлечением одной из научных монографий по есениноведению. Рассказывается, как анонсирование выходящих книг, предпринимаемое крупными книжными магазинами, позволяет заинтересованному учителю быть в курсе новинок тематической литературы и затем использовать их на школьных уроках и факультативах. Такие сугубо научные книги, проанализированные учителем и растолкованные им ученикам, играют позитивную роль для вовлечения учащихся в исследовательскую деятельность. В итоге собрание сочинений Есенина и даже сборники его стихов используются в качестве анализируемого материала, а не только для заучивания наизусть любимых поэтических текстов. Попутно приведены неизвестные сопутствующие данные об автографе Есенина и чрезвычайно ценные сведения о его взаимоотношениях с А.Л. Милашевской, услышанные из ее уст при личном знакомстве с ней автора статьи. Также высказаны новые идеи для научного изучения творчества Есенина в контексте русской поэзии первой четверти XX в.

Ключевые слова: «Антропологическая поэтика С.А. Есенина...» Е.А. Самоделовой, образ сердца у Есенина, сталкер-исследователь, Есенин в школе, А.Л. Миклашевская.

Когда я работала учителем-словесником в средней школе, а также в вечерней школе рабочем молодежи, то на факультативе по творчеству С.А. Есенина мне приходилось выстраивать материал по теме не только в виде учительского монолога, но и в рамках дискуссии. Особенно ярко завязалась дискуссия после выхода одной из книг Е.А. Самоделовой.

Необходимо заметить, что я начинала учительскую деятельность в Ростове-на-Дону, куда приезжал Есенин в 1920-е годы. Ростовские методисты раскритиковали мой педагогический подход: дискуссия в школе ни к чему и непонятна детям. Действительно, я привлекала разные литературоведческие работы, но дети скучали и не понимали, о чем идет речь, пока дело не дошло до одной монографии.

Преподавая в старших классах уже московской средней школы, я написала тему урока и будущего сочинения на доске: «Образ сердца в поэзии Сергея Есенина». Учащиеся были в недоумении: они привыкли, что понятие «образ» ассоциируется с героем художественного произведения – например, образ Онегина, образ Печорина и т.д., но не с неодушевленным предметом. Если раньше они писали сочинения на тему, например, «Образ Анны Снегиной в одноименной поэме Есенина», то было ясно, что нужно рассказать о качествах характера и поступках героини, дать ее речевую характеристику. А как охарактеризовать бездушный объект, даже если он олицетворен автором?

Тогда я направила внимание старшеклассников на изучение литературоведческой литературы, а сама с двумя талантливыми ученицами поехала в центральный книжный магазин «Библиоглобус» на ул. Мясницкой в Москве, где в читальном зале можно познакомиться с анонсами еще не выпущенных в продажу новинок литературы. Среди таких новинок оказалась научная монография «Антропологическая поэтика С.А. Есенина: авторский “жизнетекст” на перекрестье культурных традиций» Е.А. Самоделовой (2006)¹. Потом я узнала, что это вторая книга исследователя из трилогии по поэтике Сергея Есенина, вышедшая после «Историко-фольклорной поэтики С.А. Есенина» (1998) и предшествующая «Гастрономической поэтике С.А. Есенина и народной пищевой культуре» (2012; обе изданы в журнальной серии «Рязанской этнографический вестник», организованной В.В. Коростылевым, прежним директором Рязанского областного дома народного творчества)².

Пока «Антропологической поэтики С.А. Есенина...» Е.А. Самоделовой не было в продаже, мы с двумя девочками, как уже говорилось, ездили из Подмоскovie в центральный книжный магазин, чтобы переписать наиболее интересные отрывки из этой книги. Потом мы привлекли к этому делу даму-секретаря нашей школы, которая на маленькой портативной пишущей машинке перепечатывала переписанные нами страницы книги, а я использовала их для работы на факультативных занятиях в старших классах. Так продолжалось до тех пор, пока я не купила эту книгу. Получив монографию, я выбрала из нее главу, доступную для понимания учеников, и мы стали работать по ней, укрепляя изучение творчества Есенина. Факультатив так и назывался: «Жизнь и творчество С.А. Есенина».

Когда учащиеся увидели отрывок из книги Е.А. Самоделовой по антропологической поэтике, они поначалу веселились по поводу словосочетаний и выражений вроде того, что «образ сердца типичен для телесной поэтики Есенина», а также привели забавный перл – «человеческий торс состоит из груди, боков и других частей» (Самоделова, с. 445, 449)³. Ученики искренне удивлялись цитатам из Есенина: «Пучились в *сердце* жабы глаза // Грустящей в закат деревни» из поэмы «Пугачев» (март-август 1921) и т.п. (ПСС, т. 3, с. 8)⁴.

Поняв удивление старшеклассников, не привычных к подобному филологическому анализу художественных произведений, я предложила на уроке литературы: «Хорошо, давайте посмотрим часть главы, которая так и называется “Сердце”, и, может быть, придумаем другое название для нашего сочинения. Я зачитываю вопрос, а вы отвечаете на него отрывками из главы». Замечу: мне особенно понравилась глава «Сердце», почему я и заострила внимание учащихся на ней. Начало главы – такое же запоминающееся, с уже приведенной цитатой из поэмы «Пугачев», которую не изучали в школе, и далее еще с одной репликой заглавного героя: «И *сердцем* такой же степной дикарь!» (ПСС, т. 3, с. 21). И учащиеся запомнили именно эти строчки. Далее мы изучали на уроке всю главу, отвечая на возникающие по ходу вопросы.

Первый из них: «Как изображается сердце в устном народном творчестве?» Зачитываем фрагмент монографии: «В народном представлении сердце – источник радостей и горестей, своеобразный эмоциональный двигатель настроения (вспомните понятие “сердечности” как

дружелюбия). Из фольклора взято устойчивое представление о том, что “сердце бьется”, выраженное в строках Есенина – “О *сердце!* // Перестань же *биться*” (II, 246 – “Мой путь», авторизованная машинопись, 1925), “Глупое *сердце*, не *бейся*” (I, 273, 274 – 1925)» (Самоделова, с. 445). Далее кто-нибудь из учеников читает наизусть одно из стихотворений Есенина с образом сердца – например, «Глупое сердце, не бейся» (1925). Я задаю еще вопрос учащимся: «Кто нашел другие стихотворения Есенина с подобным обращением к сердечному действию или, наоборот, с просьбой о бездействии сердца?»

Второй вопрос по теме телесности поэтики Есенина: «Как, по мнению поэта, проявляется “жизненность” любого героя?» Зачитываем соответствующий отрывок книги: «У Есенина жизненность любого героя (даже абстрактного в авторском афоризме) проявляется в движении сердца, в совершении им колебательных движений в физиологическом смысле: “Ведь за кладбищенской оградой // *Живое сердце не стучит*” (I, 237 – “Гори, звезда моя, не падай...”, 1925); “*Всколыхнулось сердце* Батыя” (II, 179 – “Песнь о Евпатии Коловрате”, 1912, 1925)» (Самоделова, с. 445). Задаю вопрос: «Кто нашел другие стихи поэта, которые подтверждают это положение из главы книги или опровергают его?»

Третий вопрос: «Есть ли, по мнению исследователя, стихи Есенина, в которых поэт показывает собственное одиночество через “сердечные страдания” своего лирического героя?» Ответ: «Да, в стихотворении “Песня” находим такие строчки: “Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю”» (ПСС, т. 1, с. 217). Ученик читает полный текст стихотворения 1925 г., акцентируя внимание на этой строке.

Четвертый вопрос: «Каким способом Есенин показывает сердце как самоценное существо, способное уставать и выражать свои чувства?» Этот вопрос вызван фрагментом из монографии о том, что «сердце выступает отчасти как самостоятельное существо, обладающее памятью и собственным языком, способное уставать и выражать чувства» (Самоделова, с. 445). Ответ содержится, например, в стихотворении «Метель» (1924) со строками: «Волнуюсь *сердцем* // И стихом» (ПСС, т. 2, с. 149). Ученица читает полный текст этого стихотворения. Также подходящая характеристика сердца имеется в стихотворении «Письмо к сестре» (1925), и ученик читает его, особо останавливаясь на строчках: «Коль *сердце* нежное твое устало, // Заставь его забыть и замолчать» (ПСС, т. 2, с. 157).

Пятый вопрос – с заданием: «Найдите стихотворения, где Есенин называет сердце поэта “нежным”, “чистым”, “глупым” и подобными словами». Можно иначе сформулировать вопрос: «Какие эпитеты использует поэт для характеристики различных состояний сердца?» Этот вопрос основан на тезисе Е.А. Самоделовой о том, что «в сочинениях Есенина сердце обладает устойчивыми признаками, которые, однако, не препятствуют ему также находиться под воздействием разных состояний, сменяющих одно другое, что характеризуется описательными глагольными конструкциями и эпитетами: *сердце нежное, чистое, глупое* и др.» (Самоделова, с. 445).

Шестой вопрос: «Как характеризует сердце Есенин в стихотворении “Ты такая ж простая, как все...” (1923). Ребята читают текст и находят характеристику – «сумасшедшее *сердце* поэта» (ПСС, т. 1, с. 190).

Седьмой вопрос: «Когда слово “сердце” у поэта превращается в свою уменьшительно-ласкательную форму “сердечко”?» Этот вопрос вызван фрагментом монографии: «К любимому человеку применимо ласковое обращение, показывающее отношение к суженой как к неотделимой частице собственного организма героя. В стихотворении “Темна ноченька, не спится...” (1911) звучит призыв: “Выходи, мое *сердечко*, // Слушать песни гусяра!” (I, 20)» (Самоделова, с. 446). Ребята обращают внимание на то, что с этой уменьшительно-ласкательной формы Есенин начал использовать образ сердца в своей поэзии, что словоупотребление «сердечко» характерно для раннего периода его творчества. В данной конструкции «мое сердечко» выступает словесным способом обращения лирического героя к любимой девушке, что продолжает традицию фольклорной стилистики. Эта народная традиция была воспринята Есениным с детства из звучащих в родном селе Константиново Рязанской губ. народных песен и из прочитанных в книгах, в том числе учебных. Показательно, что с

ростом художественного мастерства поэт все чаще употребляет именно словоформу «сердце». Она обладает существенно большим спектром потенциально-разных значений, чем более узкое в семантическом плане «сердечко», имеющее оттенки уменьшительности, слащавости или детскости. Это уже наше с ребятами открытие: в изучаемой книге этих суждений нет.

Восьмой вопрос-задание: «Найдите в цикле стихотворений “Любовь хулигана” (1923, опубликовано в книге “Москва кабацкая” в 1924 г.) и отметьте те произведения, в которых поэт употребляет слово “сердце”». Мы с учащимися отмечаем, что стихотворения этого периода емкие, афористические. Вслед за Е.А. Самоделовой мы находим, что образ сердца присутствует в стихотворении «Ты такая ж простая, как все...» (1923): «По-смешному я *сердцем* влип» (ПСС, т. 1, с. 189). В отличие от автора монографии, которому при исследовании телесной символики была не важна ее прикрепленность или нет к циклам Есенина, мы с ребятами отмечаем этот момент и считаем его существенным. Организация цикличности ряда произведений поэта, а потом отказ от нее является важной теоретической позицией писателя-рязанца, влиянием литературных настроений того времени и учетом более ранних исторических процессов и предпосылок. Цикличность была обусловлена умением Есенина создавать определенные художественные миры, связывать их единой темой и ведущим героем (типом), соразмерять их составные части. Потом, если поэт хотел создать новые циклы или вообще отказаться от подобного структурирования, он мог перераспределять тексты иначе, создавать новые системы и редуцировать, даже игнорировать прежде установленные связи.

Девятое задание: выявить и подсчитать, сколько раз Есенин употребляет слово «сердце» (рекомендуем для этого использовать академическое «Полное собрание сочинений» 1995-2001 гг.)⁵. Выполняя задание, учащиеся пришли к выводу, что поэт особо выделяет тех людей, которые, как его лирический герой, «сердцем чист» (ПСС, т. 1, с. 169). Они поясняют, что такая характеристика означает отсутствие каких-либо затаенных темных чувств и мыслей – зависти, обиды, желания отмщения и др.

Мы с учащимися стараемся прокомментировать мысль автора монографии: «Такие сердца открыты в своей младенческой чувствительности для вписывания в них задушевных откровений» (Самоделова, с. 446). Мы задаемся вопросом: кто будет вписывать эти «задушевные откровения» в собственную жизнь? И читаем далее предположение Е.А. Самоделовой в ее восприятии мировоззрения Есенина: «Очевидно, наивные в благодарственном чувстве сердца притягивают к себе благословение природы и творение цивилизации: “К *сердцу* вечерняя льет благодать” (I, 64 – “Черная, потом пропахшая выть!”, 1914); “*Сердцу* – песнь, а песне – *жизнь и тело*” (I, 272 – “Отчего луна так светит тускло...”, 1925)» (Самоделова, с. 446). Мы соглашаемся с мыслью исследовательницы, которая сначала показала нам парадоксальной и непривычно словесно оформленной: «Сердце выступает своеобразным складом, хранилищем, накопителем и скрытым резервуаром различных проявлений человеческой жизнедеятельности (обычно словотворческой и чувственной, как это свойственно лирическому герою-поэту): “Затаил я в *сердце мысли*” (I, 39 – “Край любимый! Сердцу снятся...”, 1914) <...>» (Самоделова, с. 446).

Ученики получили домашнее задание – перечитать главу монографии Е.А. Самоделовой и ответить на вопросы: «Правомерны ли такие выражения, как “образ сердца”?» и «Что можно добавить для полного раскрытия этой темы?» Решили найти у Есенина те выражения, которых нет в монографии. В результате ученики представили вопросы к главе исследователя и даже обнаружили другие примеры у Есенина, отсутствовавшие в книге: «Залегла забота в *сердце* мгlistом», «В глупой страсти *сердце* жить не в силе» и «Прояснилась омут в *сердце* мгlistом» из стихотворения «Я обманывать себя не стану...» (1922), «Я хотел, чтоб *сердце* глуше // Вспоминало сад и лето» из «Дорогая, сядем рядом...» (9 октября 1923) (ПСС, т. 1, с. 165-166, 193). Школьники сделали свои комментарии к найденным строкам. Из стихотворения «Пускай ты выпита другим...» они добавили к проанализированной в книге строке «Я сердцем никогда не лгу» еще один пример – «Уж *сердце* напилось иной, // Кровь отрезвляющею брагой» (1923) (ПСС, т. 1, с. 191). Учащиеся сделали

вывод о том, что во всех этих найденных примерах сердце действует, как одушевленное существо, и это достигается употреблением глаголов в связки с ним. Эти стихотворения посвящены А.Л. Миклашевской.

По ее воспоминаниям, сообщенным нам в устной беседе, Есенин в общении с ней говорил, что она бессердечная по отношению к нему. Она так и сказала, что Есенин обратился к ней: «Почему Вы такая бессердечная?» Эта фраза не зафиксирована в опубликованных воспоминаниях А.Л. Миклашевской⁶. Действительно ли А.Л. Миклашевская была бессердечная или это крик души Есенина? По фотографии, где мы с А.Л. Миклашевской изображены вместе, видно, что она не была бессердечной⁷. Очевидно, поэту хотелось, чтобы у них с А.Л. Миклашевской установились более сердечные отношения, поэтому он и показывает свое сердце как бы в действии, как друга, который будет содействовать искренней дружбе. Мы с другими ребятами, в более ранние годы, ездили к современникам Есенина, ходили в гости к А.Л. Миклашевской, и ее суждение помогало нам впоследствии в понимании темы, настраивало на желание искать эпитеты к слову «сердце» у поэта.

А.Л. Миклашевская рассказала, что ей Есенин подарил книгу «Москва кабацкая» (1924) с дарственным автографом на титуле. В этой книге имеется цикл «Любовь хулигана» из 7 стихотворений, с посвящением «Августе Миклашевской»; сохранились и отдельные автографы произведений с таким же или похожим посвящением. А.Л. Миклашевская сожалела, что потом этот экземпляр книги исчез: была война и даже неизвестно, как он пропал. Но потом, спустя годы, ее разыскала заведующая библиотекой в Ленинграде и сообщила, что книга нашлась, и попросила разрешения оставить ее в фонде как особо ценный экспонат, а А.Л. Миклашевской прислать копию. Далее эта копия хранилась у ее сестры А.Л. Спировой. О местонахождении подлинника в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салыкова-Щедрина (ныне Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге) стало известно в начале 1960-х гг. и сообщается в «Полном собрании сочинений» С.А. Есенина (ПСС, т. 7, кн. 1, с. 487).

Мои ученики оказались под сильным впечатлением от этой истории и с разрешения хозяйки сфотографировали автограф и сделали копию с копии, распечатали стихотворения на пишущей машинке. Мы тогда задумывались о создании Есенинского уголка в школе, девочки копию книги подарили мне, и она хранилась в школьном кабинете. Там же находился и наш альбом с фотографиями А.Л. Миклашевской и А.Л. Спировой и других лиц, которых мы посещали как друзей и знакомых Есенина; были еще книги с автографами его современников. К сожалению, в постперестроечное время при переходе в другую школу эти экспонаты были утеряны, хотя остается надежда, что они все-таки где-то сохранились. Теперь этот автограф приведен в «Полном собрании сочинений» С.А. Есенина и в «Летописи жизни и творчестве С.А. Есенина»: «Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин. 24/III 25. Москва» (ПСС, т. 7, кн. 1, с. 258, № 234)⁸. А.Л. Спирова опубликовала воспоминания о своей сестре А.Л. Миклашевской в книге «Принцесса Брамбилла и поэт» (2013).

С учащимися нашей школы, а в редких случаях без них, мы ходили в гости не только к А.Л. Миклашевской и А.Л. Спировой, но и к другим знакомым и родным Есенина (сестрам А.А. и Е.А. Есениным, сыну К.С. Есенину, В.В. Казину, Рюрику Ивневу, Л.О. Повицкому, Н.И. Александровой (псевдоним – Грацианская), Р.Б. Судаковой – сестре А.Б. Мариенгофа, Т.П. Радимовой – дочери П.А. Радимова)⁹, писателям и исследователям его творчества (В.И. Лихоносову, А.А. Волкову, В.Е. Кузнецовой)¹⁰, беседовали с ними об их личной дружбе с поэтом или о причинах обращения к изучению его поэзии. Поэтому наши учащиеся, даже из более младших поколений, проявившие искренний интерес к кругу современников Есенина и литературоведов-есениноведов, были подготовлены к дальнейшей задаче расширения источников по проблематике телесности.

Пошла исследовательская работа: сердце у Есенина выступает как друг, как существо, которое помогает лирическому герою во всем, участвует в жизненных коллизиях. Повторим: учащиеся являлись не обычными детьми, но особо интересовавшимися литературой, занима-

лись на факультативе. Чувства от встреч с современниками Есенина и даже от моих рассказов об этом воздействовали на восприятие лирики поэта (см. об этом далее). Примерно 50 % учеников согласились, что «образ сердца» – такая формулировка возможна и допустима, а другая половина сказала, что это сформулировано сухо.

Был не один урок по теме сердца у Есенина. На следующем занятии мы продолжили анализ стихотворений поэта и поиск слов и стихотворных строчек, где была бы видна его работа со словом «сердце». Ребята нашли еще одну строчку, отсутствующую в монографии и, соответственно, не проанализированную ее автором: это «Залегла забота в *сердце* мгlistом» из стихотворения «Я обманывать себя не стану...» (1922) (ПСС, т. 1, с. 165). Вследствие таких лексических поисков и находок у учащихся возник вопрос о том, являются ли они исследователями стихотворных строчек Есенина?

Напомним, что, готовясь к факультативным занятиям по творчеству Есенина, среди огромного количества монографий и методических пособий по лирике поэта я наткнулась на монографию Е.А. Самоделовой. Как сказано в аннотации, в этой книге «впервые представлен совершенно новый подход: исследуется сама фигура поэта в ее жизненных и творческих проявлениях. Образ поэта рассматривается как сюжетобразующий фактор, как основоположник и “законодатель” системы персонажей. Выясняется, что Есенин оказался “культовой фигурой” и стал подвержен процессу фольклоризации, а многие его произведения послужили исходным материалом для фольклорных переделок и стилизаций» (Самоделова, аннот.). Е.А. Самоделова указывает, что «впервые предлагается точка зрения: Есенин и его сочинения в свете антропологической теории применительно к литературоведению» (там же). Нам в педагогической практике важна представленная исследователем «новаторская проблематика: феномен человека как основа литературного замысла и главный постулат философии творчества» (там же).

Мы предлагаем дополнить изучение образа сердца, равно как и других символов телесности у Есенина, воспоминаниями современников на эту тему. Так получается более объемное представление об оригинальной символике, выработанной и применяемой поэтом в его творчестве. Вероятно, на этом пути поисков могут возникнуть затруднения, связанные с возможной редкостью обращения внимания друзьями и знакомыми Есенина на данную проблематику и лексику. Однако идея представляется продуктивной и заманчивой как раз в силу непредсказуемости и неизвестности результата.

Но и на данном этапе изучения темы мы проследили, что по мере роста мастерства поэта образ сердца углубляется, «жизнь сердца» начинает изображаться различными способами, с описанием разных его состояний. В итоге мы убедились, что изложенный материал трудно назвать как-то иначе, чем «образ сердца в поэтике Есенина», хотя были попытки изменить тему на «изображения сердца» или представить каким-то подобным способом. И я пришла к выводу, подкрепленному находками ребят, что вообще Есенин – «сердечный поэт». Ведь если бы проанализировать стихи Есенина с этой точки зрения, подсчитав количество употреблений слова «сердце» в его поэзии и у других поэтов, сопоставив полученные числа, то наверняка бы он занял первое место. Но такая работа пока не проделана, и она могла бы стать новой интересной темой как для профессиональных исследователей, так и для занятий на школьных факультативах.

В начале одного из уроков кто-то из учеников спросил: «Сегодня опять Вы будете рассказывать о сталкерах поэзии Есенина?» Это был неожиданный поворот! Оказывается, речь у ребят шла о сталкере как исследователе всего нового и неизвестного, как о проводнике в таинственный и неизведанный мир. В конце занятия я снова получила от учеников подобный вопрос: «А можно назвать ученого, которые пишет такие книги о Есенине, сталкером?» Ученики отталкивались от любимого ими художественного фильма «Сталкер» Андрея Тарковского (1979), снятого по философско-фантастической повести «Пикник на обочине» братьев Стругацких (1972). Однако у заимствованного из английского языка слова «сталкер» имеется целый спектр значений, поэтому я ответила так: «С большой натяжкой можно, но я бы назвала его новатором». Ребята и себя воспринимали «сталкерами», подразумевая под этим

словом именно исследователей-поисковиков: ведь они тоже внесли вклад в есениноведение, найдя новые примеры с лексемой «сердце» у Есенина и проанализировав их.

Возник и еще один спор. Изучая творчество Есенина не только напрямую, читая его произведения, но и опосредованно, через работу Е.А. Самоделовой, учащиеся задались вопросом: должен ли ученый-есениновед работать только для своих братьев-коллег или стараться популяризировать собственные научные работы через выступления перед широкой публикой, вовлекая ее в дискуссии и споры? Высказывая такое пожелание и адресуя его всем литературоведам, ребята сами учились дискутировать на факультативе.

После проведенных дискуссий учащиеся на уроках стали более внимательно относиться и к другим темам. К образу сердца они добавили изучение подобных тем: образ души, а также комплекс «руки, плечи, шея», хотя и не исследовали их в такой же мере подробно.

В начале монографии Е.А. Самоделова указывала, что художественные образы Есенина, особенно выполненные в духе фольклорной поэтики, собственно и восходят к ней, и для установления таких параллелей из литературы и фольклора были проведены полевые экспедиции в с. Константиново и другие селения Рязанской области. Моя дочь Мария Балясова в школьные годы тоже оказалась вовлечена в штудии есенинского творчества, а позже, уже вместе с ее старшей дочкой, они обе стали непосредственными участниками нескольких фольклорно-этнографических экспедиций с Е.А. Самоделовой на Рязанщину, с младшей дочерью побывали на «малой родине» Есенина.

Итак, в результате наших занятий ученики глубже погрузились в изучение есенинской поэтики, и подтверждением этому как раз является вопрос о сталкере. Хотелось бы думать, что и в дальнейшей жизни учащиеся еще не раз обратятся к поэзии Есенина.

Список литературы

1. *Балясова И.И.* Есенинские памятные места и современники поэта в восприятии писателя Виктора Лихоносова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань: Рязанский институт развития образования, 2024. Т. 85. С. 137-147.
2. *Балясова И.И.* Мои путешествия в Страну поэзии: личные встречи с родными и друзьями Сергея Есенина // Современное есениноведение. Рязань, 2019. № 1 (48). С. 91-105.
3. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос; Наука, 1995-2001.
4. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.).* М.: ИМЛИ РАН, 2003-2018.
5. *Миклашевская А.Л.* Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под ред. А.А.Козловского. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 83-92.
6. *Самоделова Е.А.* Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. 920 с. (Сер. *Studia philologica*).
7. *Самоделова Е.А.* Гастрономическая поэтика С.А. Есенина и народная пищевая культура /Рязанский этнографический вестник. 2012. Вып. 48. 376 с.
8. *Самоделова Е.А.* Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина /Рязанский этнографический вестник. 1998. Вып. 27. 225 с.
9. *Спирова А.Л.* Принцесса Брамбилла и поэт: [воспоминания о своей сестре А.Л. Миклашевской] / Комментар. С.В. Самариной; предисл. и послесл. В.Е. Кузнецовой; послесл. И.Б. Циркунова. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2013. 230 с.

Примечания

- ¹ *Самоделова Е.А.* Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. 920 с. (Сер. *Studia philologica*).
- ² *Самоделова Е.А.* Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина / Рязанский этнографический вестник. 1998. 225 с.; *Самоделова Е.А.* Гастрономическая поэтика С.А. Есенина и народная пищевая культура /Рязанский этнографический вестник. 2012. Вып. 48. 376 с.
- ³ Здесь и далее в круглых скобках дана ссылка на: *Самоделова Е.А.* Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006, – с указанием страниц.
- ⁴ Здесь и далее в круглых скобках дана ссылка на: *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос; Наука, 1995-2001, – ПСС, с указанием тома и страницы.
- ⁵ *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос; Наука, 1995-2001.
- ⁶ См., напр.: *Миклашевская А.Л.* Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. /Под ред. А.А.Козловского. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 83-92.
- ⁷ *Балясова И.И.* Мои путешествия в Страну поэзии: личные встречи с родными и друзьями Сергея Есенина // Современное есениноведение. Рязань, 2019. № 1 (48). С. 95.

⁸ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. 5. Кн. 1. С. 151, фотография – с. 668.

⁹ Балясова И.И. Мои путешествия в Страну поэзии: личные встречи с родными и друзьями Сергея Есенина // Современное есениноведение. Рязань, 2019. № 1 (48). С. 91-105.

¹⁰ Балясова И.И. Есенинские памятные места и современники поэта в восприятии писателя Виктора Лихоносова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань: Рязанский институт развития образования, 2024. Т. 85. С. 137-147.

АРХИТЕКТУРА

С.В. Пасынков, О.В. Курчевская

О реставрации деревянной резьбы иконостаса Успенского собора г. Рязани

Аннотация. В публикации дается анализ проведения реставрационных работ иконостаса собора Успения Пресвятой Богородицы Рязанского кремля. Рассматриваются основные исторические этапы строительства собора. Особое внимание уделяется конструктивным особенностям иконостаса и работе реставраторов по его сохранению. В статье впервые приводятся материалы ранее неизвестных эпиграфических текстов, обнаруженных в процессе реставрации.

Ключевые слова. Русская архитектура, реставрация, Рязанский кремль, Успенский собор, иконостас.

Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы Рязанского кремля – главный символ города и выдающийся памятник истории и культуры России.

Это грандиозное сооружение XVII века с уникальным резным декором является одним из наиболее значительных произведений русской архитектуры «нарышкинского» барокко. Его деревянный и самый высокий в стране иконостас под стать величественному храму – художественный шедевр, аналогов которому нет.

За свою более чем трехсотлетнюю историю церковь неоднократно ветшала, но благодаря неравнодушным рязанцам реставрировалась, поэтому и смогла дойти до сегодняшних дней практически в первозданном виде. О некоторых из этих меценатов и реставраторах, бережно хранивших наследие предков, а также о ряде интересных открытий и пойдет дальше речь, но обо всем по порядку.

Во второй половине XVII в. старый Успенский собор, впоследствии переосвященный в Христорождественский, перестал отвечать требованиям активно развивающейся Рязани. В 1677 г. к царю Федору Алексеевичу обратился Рязанский митрополит Иосиф, с просьбой о постройке нового. Место для него выбрали на участке, где располагались каменные зелейные (пороховые) палаты. Через два года их разобрали и в 1684 г. начали копать ров под фундамент и возводить стены. [6, с. 75] Строительство велось под руководством выдающегося зодчего своего времени Якова Бухвостова.

В 1689 г. для изготовления деревянной резьбы иконостаса будущей обители подрядили артель под руководством Сергея Христофорова. «К 21 августа 1690 года местный и праздничный ряды были уже готовы». Работы были закончены к 1692 году, но только что возведенный собор неожиданно для всех обрушился. И уже сделанный иконостас, в ширину 24,5 м и высоту 25,96 м, был размещен в повторно отстроенном храме, освящение которого состоялось в 1702 году. [2, с. 17, 27]

На протяжении всего XVIII века в новом Успенском соборе проводились различные ремонтно-восстановительные работы. В основном они были связаны с появившимися на стенах трещинами из-за неравномерной усадки фундамента. Дело в том, что юго-восточный угол сооружения выходил на участок, где ранее находилось небольшое озеро, впоследствии засыпанное. Следует так же сказать, что ураганные ветра, не раз срывали кровлю с крыши, а в 1727 г. даже два купола [3, с. 65]. Атмосферные осадки, проникающие внутрь, отрицательно влияли на иконостас. К концу XVIII века храм пришел «в совершенную ветхость» и Святейший Синод 5 марта 1800 г. принял решение о его разборе. Однако, этого не произо-

шло. Рязанские купцы Гавриил Васильевич Рюмин, Петр Алексеевич Мальшин и многие горожане того времени пожертвовали личные средства на его восстановление.

В середине XIX века вновь возникла потребность в поновлении внутреннего убранства Успенского собора, «так как иконостас от давности времени полинял и потемнел, а стены почернели». С 1854 по 1856 годы иконостас был полностью разобран, позолочен и возвращен на прежнее место. И в сей раз недостающие деньги на реставрацию собрали рязанцы [5, с. 466–475].

Минуло целое столетие. Многое изменилось за это время... Но величественный собор, как и прежде возвышается над Рязанью, являясь тихим свидетелем ее истории.

Летом 2022 года Министерство культуры РФ приняло решение о реставрации рязанского кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы. Масштабные работы охватывали: фасад собора, его подклет, иконостас, полы, росписи и различные инженерные коммуникации. Перед началом внутренних работ в храме, все иконы были демонтированы и вывезены в реставрационные мастерские. Затем произвели демонтаж деревянной резьбы иконостаса. Его основой являлся каркас, состоящий из вертикальных и горизонтальных брусков сечением 15х15 см. На нем крепилась деревянная резьба. «Плоскость иконостаса Успенского собора состояла из девяти рядов со 164 иконами: страстного, праотеческого, деяний апостолов, пророческого, апостольских проповедей, деисусного (апостольского), праздничного, местного чинов, притчей Господних... В девятом ряду, под местным, в нижних тумбах, помещались восемь икон на сюжеты библейских притч, которые до сегодняшнего дня не сохранились» [2, с. 31].

При снятии деревянной резьбы выявились некоторые конструктивные особенности. Колонны с листьями, виноградные кисти, капители, ветки фруктов и другие детали крепились к каркасу коваными гвоздями и полосами (ил. 1). Гвозди использовали четырехгранные, разной величины, длиной от 6,5 до 17,5 см, в зависимости от размера закрепляемого фрагмента.

Пластины тоже варьируются, по длине от 6 до 16 см, а по толщине - от 0,4 до 0,8 см и имеют от одного до четырех квадратных отверстий. Края грубо отрублены, это может указывать на вырубку из длинной полосы (ил. 1.7). Одна пластина (ил. 1.9) изготовлена методом проката и отверстие в центре у нее круглое, что говорит о более позднем её изготовлении. Извлеченные, в ходе реставрационных работ 2024-2025 гг., гвозди и пластины, можно отнести к начальному периоду строительства, а также к середине XIX века, когда поновлялся собор.

В теле иконостаса иконы фиксировались за счет выбранных, под размер икон с тыльной стороны балок и стоек каркаса, четвертей. С тыльной стороны к каркасу образа фиксировались накладными отрезными досками с помощью деревянных нагелей (деревянные гвозди – прим. автора). В ходе проведения работ по демонтажу икон эти доски сняли, чтобы заменить новыми. На одной из досок была обнаружена надпись «поколению коммунизма». Надпись вырезана современным шрифтом, в две строки, углубленно, узким резцом. Размер доски: 54,5х25х4 см (ил. 2).

При снятии деревянной резьбы, данная доска являлась всего лишь вспомогательным элементом крепежа икон и явно относилась к более позднему времени, чем сами элементы резьбы. Не представляя художественной ценности, её разрешили забрать.

Доска с надписью, о которой идет речь, находилась в самом верхнем ярусе иконостаса. Там размещалось шесть икон Страстного чина. Если встать лицом к иконостасу, то это будет крайняя слева икона – «Биение Господа у столпа». Крепление данного образа осуществлялось четырьмя накладными досками по углам с тыльной стороны.

Вырезанная надпись «поколению коммунизма», это, своего рода «капсула времени», обращенная к людям будущего. Получается, что к нам, ныне живущим. Естественно, возникает вопрос: кто автор этих строк? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо сделать краткий исторический экскурс по истории собора.

Известно, что собор для богослужений закрыли в 1929 году. На протяжении нескольких десятилетий подклет использовали как склад, а помещение храма – для проведения экскурсий. В алтаре организовали планетарий. Полукруглые своды очень удобно подходили для показа звездного неба. В годы Великой Отечественной войны в подвалах Успенского хранили боеприпасы. Рязань бомбили, но кремлевский ансамбль остался целым.

Когда закончилась тяжелая кровопролитная война, первоочередная задача страны была отстроить разрушенные города и восстановить заводы, чтобы люди могли нормально жить и работать. Однако, уже в октябре 1945 года сотрудник краеведческого музея В.И.Зубков поднимает вопрос о необходимости сохранения построек Рязанского кремля.

13 октября 1948 г. Президент Академии Наук СССР академик С.К. Вавилов в письме председателю комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР тов. Г.А. Симону пишет: «До сих пор ... с территории Кремля не выселены авторемонтные мастерские. Управление дороги Москва-Куйбышев (занимает здание архиерейской гостиницы 17 в.), гараж и склады Автотракторсбыта (занимает здание Спасо-Преображенского монастыря постройки 17 в.)... Кроме того, имея большой автопарк, обе организации организовали непрерывную езду груженых автомашин вокруг древнейших памятников архитектуры и по Спасо-Преображенскому кладбищу» [7, с. 14].

Вмешательство Москвы возымело действие. Приказом Рязоблисполкома №84 от 30 ноября 1950 г. была организована специальная научно-производственная реставрационная мастерская. Так в очередной раз были спасены постройки Рязанского кремля и, в первую очередь, Успенского собора, стены которого дали трещины. Особенно беспокоила трещина западной стены. Она угрожала всему собору.

Восстановительные работы возглавил главный инженер Рязоблкомхоза Павел Дмитриевич Самсонов. Благодаря его активной деятельности и собранной команде мастеров удалось укрепить стены и самое главное фундамент здания. После чего уже можно было приступить к реставрации белокаменного декора храма и его внутреннего убранства [7, с. 15]. Реставрация резного декора иконостаса была, наверное, самой сложной и трудоемкой работой.

Для ее выполнения пригласили рязанского скульптора, резчика по дереву Андрея Дмитриевича Мелешкова (1906-1992 гг.). Ветеран войны, награжденный боевыми орденами и медалями, член Союза Художников СССР, участник многочисленных выставок, он с огромным желанием приступил к работе (ил. 3). В семье Мелешковых сохранился его архив. Пользуясь случаем, выражаем слова благодарности Марине Светозаровне Мелешковой за любезно предоставленную возможность работать с документами.

Основой архива являются несколько папок с фотографиями, отражающими всю трудовую жизнь скульптора. Это и работа в мастерской, и обучение молодежи своему ремеслу, фотографии художественно оформленных городских зданий и скверов. Особый интерес представляют снимки, относящиеся к работе по реставрации деревянной резьбы иконостаса Успенского собора г. Рязани. На их оборотной стороне Андрей Дмитриевич оставил свои заметки и комментарии, благодаря чему мы можем знать больше о порядке проведения реставрационных работ того периода, которые длились несколько лет.

Когда Мелешков впервые увидел иконостас, он был поражен его удручающим состоянием. На одной из фотографий он написал: «мне пришлось трудно, потому что там все загажено, окна разбиты, там голуби, там вороны», «приходилось всё очищать» [1].

Перед началом работ осуществлялась фотофиксация тех участков иконостаса, которые требовали восстановления. Хорошо, если утраченные элементы имели аналогию с сохранившимися деталями резьбы. Тогда они являлись образцом, что давало возможность изготовить точную копию.

Когда образцов не было, процесс реставрации значительно усложнялся, поскольку необходимо было заново сделать деталь, которую реставратор никогда не видел. В таком случае сначала делался рисунок всего фрагмента в натуральную величину с дорисовкой

недостающей части. Андрей Дмитриевич пишет, что эскизы «критиковались, перерабатывались, утверждались». Затем осуществлялась лепка воссозданного орнамента из глины. И «только потом, после согласия ведущего архитектора, деталь вырезалась из дерева и монтировалась на место» [1].

Сильно поврежденные детали иконостаса приходилось снимать, восстанавливать утраченное и лишь затем возвращать на место. Вертикальные резные колонны состояли из отдельных частей. В зависимости от степени повреждения можно было работать или с целой колонной, или с отдельной её составляющей (ил. 4). Были и другие не менее сложные, а даже более крупные детали, такие как картуши. А.Д. Мелешков относился к делу с большой любовью. И когда выяснилось, что на реставрацию южного картуша не хватило денег, Андрей Дмитриевич сказал: «Я его отреставрирую бесплатно» [1].

Некоторые фрагменты резьбы иконостаса имели глубокие трещины, а также смещение деталей относительно друг друга. Эти недостатки так же надо было устранять. «Разрушившиеся стволы и капители колонн скреплялись деревянными нагелями и на казеиновом клее. Укрепление трещин виноградных гроздей или веток фрутков производилось введением в трещину шпонки на клее. Шпонками на клее и деревянными нагелями укреплялись базы, пояски, абакс капителей и другие архитектурные детали» [4, с. 1].

В процессе реставрации специалистами также был открыт любопытный факт из истории иконостаса. «Внимательный осмотр тех мест, где от времени левкас отслоился, выявил, что виноградные кисти на стволах колонн имеют по дереву окраску зеленого цвета.» Главный архитектор проекта Ирина Валентиновна Ильенко «изучавшая Успенский собор и являющаяся одним из авторов его восстановления высказывает предположение, что первоначальная резьба иконостаса была раскрашена, а отдельные элементы при этом были позолочены» [4, с. 4].

Уникальному памятнику деревянного зодчества угрожала и другая опасность, жуки-точильщики. Дело в том, что возведенные леса имели неокоренную (не ошкуренную) древесину, где могли жить эти вредители. Для осмотра иконостаса пригласили специалиста из треста «Союзантисептик». После осмотра он заявил, что «конструкции иконостаса не заражены ни грибом, ни жучком и антисептировать древесину конструкций не следует». Первый этап реставрации, связанный с восстановительными работами иконостаса, завершили в июне 1963 года, а вторым и заключительным этапом было восстановление его позолоты [4, с. 3].

Когда статья была уже написана выяснилось, что имеется другая доска с надписью, расположенная на тыльной стороне той же иконы. Об этом сообщил архитектор-реставратор Дмитрий Владимирович Куликов. Он любезно предоставил фотографию, где видно, что на доске вырезано: «Мелешков 1962 г.» (ил. 5). Теперь нет никаких сомнений в том, кому принадлежала надпись и на первой доске.

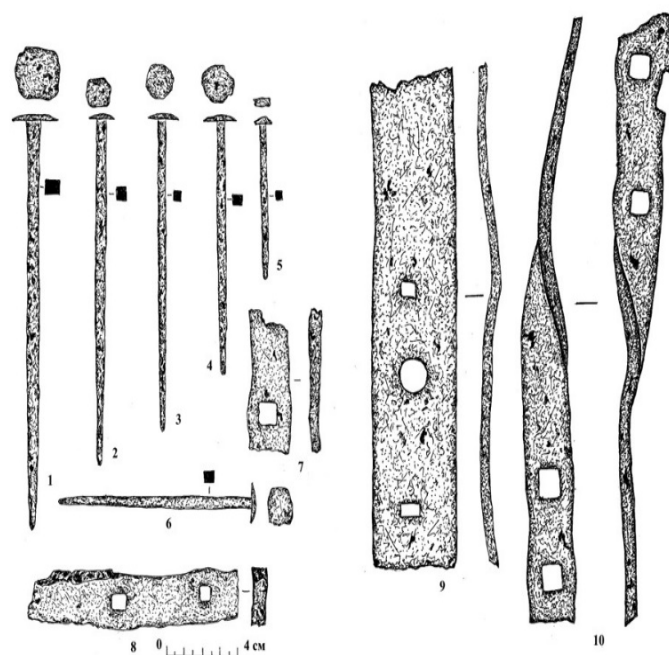
Так что же хотел сказать реставратор Андрей Дмитриевич Мелешков, вырезая слова «поколению коммунизма»? Верил ли он в светлое будущее или во что-то другое, мы не знаем. Но с большей долей вероятности можно предположить, что скорее «да», как человек своей эпохи, представляющий поколение воинов-победителей (ил.6).

На закате своей жизни он оставил для нас, ныне живущих, еще одну запись. Сделана она на обороте фотографии – это событие, которое произошло во время его работы в Успенском соборе в 1963 г. Запись дана с некоторыми сокращениями. «Однажды стучат. Пришли пять женщин одетые в черных костюмах. Можно нам посмотреть и перекреститься. Ну что ж, заходите. Одна говорит: ведь мы были здесь певчими, а можно нам хоть потихоньку [спеть]. А я сказал: да чего там потихоньку, спойте, не бойтесь, двери закрыты. И действительно [спели], так громко, так красиво, у меня сердце задрожало». Ниже подписано: «А мне сейчас Мелешкову 82 года» [1].

Реставрация кафедрального собора наших дней продолжается, а это значит, что возможно впереди нас еще ждут новые находки. Мы хотим поблагодарить всех благодетелей

и реставраторов, которые помогали ранее и сохраняют сейчас уникальные образцы русского зодчества и декоративно-прикладного искусства.

Иллюстрации

Ил. 1. Детали крепления деревянной резьбы иконостаса: гвозди 1 – 6; пластины 7-10

Ил. 2. Доска с вырезанной надписью и её прорисовка

Ил. 3. А.Д. Мелешков за работой в соборе

Ил. 4. Фрагмент резной колонны Успенском иконостаса до реставрации

Ил. 5. Доска с вырезанной надписью «Мелешков 1962 г» (б. м.)

Ил. 6. А.Д. Мелешков в своей мастерской, 1984г. Фото Е.Н. Каширина
Список источников

1. Архив семьи Мелешковых.
2. Монахиня *Мелетия (Панкова), Т.П. Синельникова*. Рязанский кремль. Кафедральный собор. Рязань, 2015.
3. *Михайловский Е.* Консервация Успенского собора в Рязани // Теория и практика реставрационных работ. Сборник № 3. М., 1972.
4. Научный архив РИАМЗ. № 3704. Успенский собор в г. Рязани. Отчет. О проведенных консервационно-восстановительных работах по резьбе иконостаса (1962 – 1963 гг.).
5. Рязанские епархиальные ведомости. № 16, 15 августа 1902 г.
6. *Хворостова Е.Л.* Палаты с проходом и проездом в подклети Успенского собора Рязанского кремля // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV. М. 2001.
7. *Яковлев В.Н.* Сокровенные памятники земли Рязанской. Рязань, 2000.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.П. Нагорнов

Рязанские приметы в морском рассказе Станислава Гагарина

«Вы снились мне на Лабрадоре...»

Аннотация. Началом литературного творчества известного русского писателя, успешно работавшего в литературе приключений и фантастики, стал цикл морских рассказов, основанных на многолетней работе штурманом и капитаном рыболовного флота. Среди них одним из первых стал рассказ «Вы мне снились на Лабрадоре...». Он был написан в начале 1970-х годов (1970-1971) в Рязанском крае, в д. Полково близ Солотчи, опубликован только через 20 лет, в 1991 году.

Основное содержание рассказа сводится к истории знакомства немолодого капитана рыболовного траулера, старого морского волка, прошедшего и горнило Отечественной войны, и годы безмятежной морской военной службы, и суровые ветры Северной Атлантики, Степана Минаева и красивой молодой женщины Христины в мурманском ресторане «Дары моря». Текст рассказа неоднократно пересекается душевными интермедиями Минаева. Он вспоминает свою земную родину (Рязанскую Мещеру), близких родных, годы Отечественной войны, службу на военном флоте, первоначально счастливую семейную жизнь, рождение дочери и неожиданное крушение семейного счастья, ставшее его первым душевным надломом, повлекшим уход с морской военной службы. Работа на рыболовном флоте привела ко второму кардинальному потрясению психики главного героя, он стал участником масштабного кораблекрушения. В левый борт его корабля врезался танкер с горючим, море горело как гигантский факел. Спасся только Минаев, но и на его спасательной лодке все матросы погибли, а боцман сошел с ума.

Минаев пытался воспользоваться шансом на обретение душевного равновесия в союзе с Христиной. Но критический анализ своего положения, значительная разница в возрасте привели его к мучительному решению: чтобы не ломать в будущем судьбу ставшей ему близкой молодой женщины, он должен свои планы на романтическое будущее оставить, и испытывать к ней чувства только как ко второй своей дочери.

Ключевые слова: Рязанский край, Мещера, Лопухи, Полково, Солотча, морской рассказ, писатель Станислав Гагарин, Лабрадор, Мурманск, большой морской рыболовный траулер (БМРТ), Степан Васильевич Минаев, ресторан «Дары моря», Христина, экзистенциальные проблемы Минаева, любовь к родному дому, душевный надлом и раздвоенность мироощущения.

Рассказ известного русского советского писателя Станислава Гагарина «Вы снились мне на Лабрадоре...» был напечатан в 1991 году. Он вошел в антологию «Мегамир», опубликованную в 1991 году в Москве в издательстве общества «Отечество» и продолжило известную книжную серию «Народная полка приключений, фантастики и отечественной истории» библиотеки «Отечество», под сокращенным названием под номером «ФПИ-4». Пилотным выпуском ФПИ стал вышедший в Москве в 1990 году историко-приключенческий роман (хроника XV – XVI веков) Владимира Балязина «Охотник за тронами» в издательстве Российского творческого объединения «Отечество», председателем которого являлся сам Станислав Гагарин. Как писал Станислав Гагарин в аннотации к пилотному изданию: «Этой увлекательнейшей книгой мы начинаем новую серию библиотеки «Отечества» Надеемся, что Вам придется по душе наша «Народная полка приключений и фантастики».

А теперь зададимся вопросом: «Какое же отношение имеет Станислав Гагарин к Рязани и Рязанскому краю?» Отвечаем: «После многочисленных скитаний по необъятным просторам нашей русской родины, Советского Союза, 34-летний начинающий писатель, бывший профессиональный морской «волк» наконец-то нашел временное пристанище в наших рязанских землях. По протекции и деятельном содействии Эрнста Сафонова, возглавлявшего в тот период рязанскую писательскую организацию, Станислав с женой Верой Васильевной и малолетними детьми, сыном Анатолием и дочерью Еленой, попадает в д. Полково Рязанского района. На Рязанской земле Станислав Гагарин провел три года (с конца 1968-го по начало 1972-го Станислав Гагарин живет на Рязанской Земле, затем перебирается на Урал, в Екатеринбург) [1]. Это были тяжелые для жизни времена, приходилось просто выживать. Вот как он описывал в 1993 году в письме рязанскому краеведу Кулиничину Николаю Андреевичу (которого я хорошо знал и который доверительно поделился со мной своими воспоминаниями и документами, связанными с именем Станислава Гагарина) рязанский период: «Полково не потому, что меня так уж прельщало и манило деревенское бытие, хотя до сих пор мечтаю о домике в сельской местности. Нет, я попросту был бездомным, и с радостью ухватился за предложение перебраться в Полково, где получила работу в сельской конторе моя Вера, а к ней более или менее сносный кров для себя, мужа и двух наших ребятишек. Жилось архитрудно.

У жены шестьдесят рублей, у меня вообще заработок случайный, никто не печатал, существовал ответами на письма читателей в «Сельской молодежи». Спасибо Олегу Попцову. Дал мне хоть и нищенский, но кусок хлеба. Кроликов разводил, огород под окном соорудил, грибы собирал, лесную малину, иногда в Рязани давали рукопись прорецензировать, на выступления посылали... Бился как рыба о лед, но ухитрился писать, многое сделал за эти рязанские три года...».

В первом своем письме Кулиничину Станислав Гагарин, вспоминая своё рязанское житье писал: «Рязань, Кулиничину. Дорогой Николай Андреевич! С интересом прочитал ваше письмо из Рязани. <.....> Надеюсь, что меня не забыли мои друзья по рязанской писательской организации: Валентин Сафонов, Саша Архипов, Борис Жаворонков, Боря

Шишаев и другие. Видимо, вы тоже их знаете. При встрече передавайте привет, скажите, что Станислав Гагарин помнит их всех и любит.

В Полково я попал с помощью писателя Эрнеста Сафонова, который возглавлял тогда Рязанскую писательскую организацию. Он просил оказать мне содействие директора Мещерской опытной мелиоративной станции, тот взял на работу мою жену, Веру Васильевну, и дал мне и моей семье жильё в Полкове, ибо я был тогда писателем-бомжом. Сын мой ходил в школу в Заборье, а дочь я водил в детский садик, расположенный в Солотчинском монастыре. В Полкове я написал роман «Возвращение в Итаку, или По дуге большого круга», роман «Последний шанс Фрегатен-капитана», рассказы «Гаврилыч», «Вы снились мне на Лабрадоре» и другие, первую книгу дилогии «Страда, или Путешествие к центру Земли» и любимый мой роман о Евпатии Коловрате «Память крови».

Наверное, было ещё что-то, но я не помню, а архивы разбирать пока нет времени.

<.....>

Романы рязанского цикла войдут в наши сериалы: 20-томный «Русский сыщик» и 24-томное собрание моих сочинений.

Будем дружить! Слава Отечеству!

11 апреля 1993 года. Станислав Гагарин» [2. С. 14].

Хотя Николаю Кулиничину не удалось лично встретиться с Станиславом Гагариным, но их связала тесная крепкая дружба, писатель неоднократно высылал Кулиничину книги со своими произведениями. Во второй бандероли пришла книга «Мегамир», в которой был напечатан рассказ Гагарина «Вы снились мне на Лабрадоре...». К книге была приложена записка: «Н. А.! Ваше мнение? Этот рассказ я написал в деревне Полково Рязанского района Рязанской области».

Рассказ увлек Николая Андреевича и он залпом прочитал талантливое (по мнению Кулиничина) произведение писателя. Но в первую очередь его привлек главный герой рассказа Степан Минаев: «Дом, срубленный дедом в начале века, стоял в деревне Лопухи, что в десяти верстах в болотистую глубь Мещеры к югу от Богословского монастыря. Здесь, в Лопухах, и родился Степан Минаев в ночь под Рождество, если по старому стилю...»

Сочный русский язык отмечал Кулиничин в своем отзыве, написанном на двух машинописных листах и посланном С. Гагарину. Вот что он писал: «Добрейший Станислав Семенович! Это я Вас пишу, Николай Кулиничин из Рязани. Спасибо за книгу. Пока «Третий Апостол» не прочитал, вернее, не дочитал. А вот ваш рассказ «Вы снились мне на Лабрадоре...» дважды прочитал и даже написал отзыв. Его я высылаю с этим письмом и если он Вам понравится, можете использовать по своему усмотрению. Можете положить в свой архив.

Для меня это будет большая честь. Вы – писатель с большой буквы. Вашим книгам долго жить. Желаю Вам лично вдохновенного пера на благо нашей родины России. С великим уважением. Николай Кулиничин».

Николай Андреевич считал, что «самое плодотворное творчество у писателя Гагарина было, когда он проживал в деревне Полково и Мещера его вдохновляла на писательский труд».

На книжной полке Кулиничина драгоценными артефактами стояли пять книг, лично присланных Гагариным своему заочному рязанскому другу. На последней присланной книге Гагарина «Третий Апостол» на первой странице стоит знаменательный и символический инскрипт (дарственная надпись) Гагарина: «Славному земляку Н. А. Кулиничину от автора С. Гагарина». Значит, Станиславу Гагарину было приятно и почетно почувствовать себя рязанцем. Кулиничин договорился осенью 1993 года встретиться с Станиславом Гагариным в его подмосковном доме, но в сентябре месяце пришла трагическая весть о кончине «одинокого морского волка», незаурядного творца детективных, приключенческих, и фантастиче-

ских произведений, оставивший неповторимый собственный след в истории современной русской литературы. Его назвали в современном литературоведении «первым постмодернистом XXI века». Проза жизни – личное знакомство Кулиничина с Гагариным не состоялось и всего один год (1993) был отпущен заочному общению этих замечательных людей, одержимых безмерной любовью к русской истории и русской литературе.

Имеется еще один знаменательный факт обретения Станиславом Гагариным второй родины на Рязанской земле. В эти годы в поисках заработка Гагарин стал обращаться в периферийные издательства, так он попал в Скопин в редакцию районной газеты «Ленинское знамя», которое впоследствии стало «Скопинским вестником». Здесь он познакомился с заведующим отделом писем и руководителем скопинского литобъединения Виталием Абаньшиным, с которым они быстро нашли общий язык, поскольку перед знакомством Абаньшин вернулся из длительной командировки на теплоходе «Фёдор Полетаев». Вскоре страницы районной газеты украсились остросюжетными и захватывающими произведениями Гагарина. И вот с тех пор скопинские литераторы записали Гагарина в земляки – свои воспоминания «Мастер» о Гагарине Абаньшин опубликовал под рубрикой «Книги наших земляков» [3]. Приведем подробную *скопинскую библиографию Гагарина*:

1. *Гагарин Ст.* Шахтеры: рассказ (Начало) // Ленинское знамя (Скопин). 1969. 28 июня. Суббота. № 77 (8615). С. 3, 4.

2. *Гагарин Ст.* Шахтеры: рассказ (Окончание) // Ленинское знамя (Скопин). 1969. 1 июля. Вторник. № 78 (8616). С. 3.

3. *Гагарин Ст.* Следы на асфальте: отрывок из повести «Третье лицо Януса» // Ленинское знамя (Скопин). 1969. 2 декабря. Вторник. № 143 (8681). С. 4. [В предисловии Станислав Гагарин назван рязанским писателем]

4. *Гагарин Ст.* Возвращение: рассказ (Начало) // Ленинское знамя (Скопин). 1970. 8 октября. Четверг. № 121 (8813). С. 4.

5. *Гагарин Ст.* Возвращение: рассказ (Продолжение) // Ленинское знамя (Скопин). 1970. 10 октября. Суббота. № 122 (8814). С. 4.

6. *Гагарин Ст.* Возвращение: рассказ (Продолжение) // Ленинское знамя (Скопин). 1970. 13 октября. Вторник. № 123 (8815). С. 4.

7. *Гагарин Ст.* Возвращение: рассказ (Окончание) // Ленинское знамя (Скопин). 1970. 15 октября. Четверг. № 124 (8816). С. 4.

8. *Гагарин Ст.* Гость со звезды Барнарда. Индийский чай со слонами (начальная глава р-на «Вторжение») [Литературная страница] // Скопинский вестник. 1993. 10 августа. Вторник. № 95 (12861). С. 3.

После всей этой радостной рязанской литературно-краеведческой прелюдии перейдем к анализу самого рассказа. Из всего вышесказанного автором время написания легко определенно зафиксировать на дате - начало 1970-х годов (примерно 1970-1971 годы). Гагарин жанр повествования определил как «морской рассказ». И действительно все действие происходит на океанских просторах, морских городах – Мурманске, морских ресторанах («Дары моря»), Морском вокзале, причале, основные герои рассказа – моряки и для понимания основных смыслов рассказа важно проанализировать ключевые символы, заложенные уже в самом названии. Название произведения само по себе звучит очень образно и символично, что напрямую подразумевает некий внутренний, порой иррациональный импульс к творчеству.

Здесь сразу же обращаешь пристальное внимание на символическое название «Лабрадор». Это же знаменитый североамериканский полуостров, принадлежащий Канаде. Он же в морской практике - район Северной Атлантики, омывающий этот полуостров прославился как замечательное место рыбного промысла сельди и пр. рыбной продукции. Но Лабрадор - это отдалённое, суровое, почти пустынное место.

В литературе такой топоним часто становится символом отчуждения, одиночества, границы между освоенным миром и дикой природой. Герой может быть «где-то очень далеко» от привычной жизни или от того, кому он снится.

Сон («Вы снились мне»). Сам по себе мотив сна — это классический символ подсознания, невысказанных желаний, страхов или воспоминаний. В русской литературе, особенно в переходные эпохи, сны часто служили способом показать внутренний надлом или предчувствие перемен. Фраза «Вы снились мне» делает акцент на разрыве связи между людьми. Тот, кто снится, находится в недоступном пространстве. Сон здесь может являться единственным каналом связи между героями.

И главные герои здесь «Вы» — это «Она», «Женщина»; и «Мне» — это «Он», «Мужчина». Она недоступна в пространстве и времени ему и лишь сон — единственный канал, связывающий героев рассказа.

Структура рассказа составляет 9 частей, имеющих вполне самостоятельное значение.

Сюжет рассказа прост. В 1-й части описывается, как капитан Степан Минаев в ресторане «Дары моря» знакомится с молодой женщиной и в танце для привлечения ее внимания к своей персоне произносит необычайную фразу: «Вы мне снились на Лабрадоре...»

Ее действительно зацепила пронзительность и тоска, глубоко затаенные в необычной фразе. Она вскинула голову и спросила: «Это правда?» Степан Минаев кивнул.

После танца капитан вернул ее за прежний столик. А сам «сел за стол, где сидел в одиночестве перед салатом, бутылкой «боржоми» и окуном в кляре». Вокруг капитана бурлила морская молодежь. Он думал о них: «И все у них еще впереди. И любовь. И радость возвращения на землю, и удивление, и открытие мира, и многое такое, что заставляет сильнее биться сердце, ощущая себя живым и сильным, и хочется быть в этом мире дальше. А что осталось в этой жизни для меня? Вот увидел эту женщину, и хватило лишь на неумную фразу о том, чего не было на самом деле».

После пролога в 1-й части автор во 2-й части дает всю предыдущую историю жизни капитана Минаева, начиная с его рождения, той стези, которая привела его на флот и на Отечественную войну.

И здесь читателя ожидают удивительные подробности биографии Степана Минаева. Оказывается, по рождению он коренной рязанец. Его родная деревня Лопухи и по сию пору стоит в глубине рязанской Мещеры на краю знаменитого Красного болота в 10 километрах от деревни Полково. Она есть на всех местных географических картах и входит в состав Полковского сельского совета. А упомянутый Богословский монастырь лежит в соседнем Рыбновском районе Рязанской области в с. Пощупове [4].

Процитируем этот рязанский отрывок рассказа: «Дом, срубленный дедом в начале века, стоял в деревне Лопухи, что в десятке верст в болотистую глубь Мещеры, к югу от Богословского монастыря. Здесь, в Лопухах, и родился Степан Минаев в ночь под Рождество, если по старому стилю».

Дед у Степана был грамотей, долгое время жил и работал в Москве, а дети по учености не удались. Они больше скудную песчаную землю ковыряли, воевали с болотами, не до науки было. И когда подрос внук, дед остаток жизни отдал ему, поклялся вывести Степана в шибко грамотные люди.

Война застала парня, когда он закончил школу и готовился поступать в Тимирязевскую академию. Но судьба оторвала Минаева от земли, теперь, кажется, навсегда. ... тут и флотская разрядка подоспела в военкомат, но, главное, конечно, война» [5. С. 323].

После сокращенного обучения в 1943 Минаев стал младшим лейтенантом и его назначили командиром артиллерийской группы, предназначенной для охраны «торгашей». Из Америки везли груз по ленд-лизу через Атлантику в Архангельск и Мурманск. Минаеву везло, ни разу он не хлебал соленой воды. За сбитые самолеты получил даже орден. А под конец войны его перевели вахтенным офицером на тральщик, но в первый же рейс тральщик подорвался на mine. Когда лейтенанту Минаеву стукнуло 22 года, война закончилась. Его перевели на Балтику, присвоили звание капитана-лейтенанта, целых 4 звездочки приколот на каждый погон. И как жизненный итог — «в одну из развлекательных поездок в Питер встретил её и женился».

После этой автобиографической интерлюдии, промелькнувшей в сознании Минаева, он в замешательстве не мог принять решение – уйти или продолжить знакомство. Ему вдруг подумалось: «Может быть, и в самом деле снилась мне в этом рейсе?»

Во втором танце узнал её имя. Её звали Христиной и она была родом из Гродно, по профессии учительница. Немногословный разговор во время танца закончился немым пониманием неизбежности будущего близкого знакомства.

В 3-ей части Минаев со своей спутницей Христиной после ресторана бродили по городу, в рыбном порту капитан показал ей свой траулер. Их разговор постепенно свелся к его бывшей жене. А это была для него самая трагическая тема – развод и унижение мужского достоинства.

Во время службы в Кронштадте получил квартиру, счастливо жил с семьей больше года, родилась любимая дочь Юленька. Крах семейной жизни наступил совсем неожиданно, жена подала на развод по причине отсутствия любви к мужу. Душевный надлом пытался утопить в спиртном, при этом запил по-страшному. Командование предложило написать рапорт об увольнении по-тихому, без суда офицерской чести. После сдал экзамен на гражданского штурмана и ушел на полгода в Атлантику ловить селедку. Наконец-то в его жизни появилась какая-то осмысленность.

В 4-ой части Степан Минаев вновь возвращается в своих воспоминаниях к теме родной земли. «К нему приходили сны, и все они были связаны с землей».

Рязанская тема вновь всплывает в цитируемом отрывке рассказа: «А ведь дома, в Мещере, он побывал лишь дважды: вскоре после войны и неделю назад.

В первый его приезд был жив еще дед. Старик Минаев аж светился весь, гордясь внуком, прибывшим из дальних краев в черном с золотым шитьем мундире и кортиком на боку. Время было летнее, на охоту сходить с дедом не успели, а уж порыбачили на лесных озерах вдостоль. Потом дед умер. Написали Минаеву, что перед смертью дед Степку кликал, да был Степан далеко от отчего дома...»

«С берега пришла радиограмма, что в одночасье отдали богу душу его старики. Батю молния ударила в лесу, а маманя день выла, ночь пластом лежала, а к утру заволодела вовсе. Так их и положили рядом в мещерский песок. Словом, никого в деревне у Минаева не осталось. Поэтому и домой Минаева не тянуло».

После Лабрадора вдруг затосковал он, захотелось увидеть деревню, потянуло на родину Минаева. После отгрузки рыбы и оформления отгулов передал судно старпому и помчался в аэропорт.

«В Рязани Минаев подрядился до Солотчинского монастыря такси. Ему хотелось пройти до Лопухов пешком, но едва отошла машина от вокзала, Минаева удивило, что он совсем не узнает город, а дальше – больше, будто и не был раньше в Рязани и совсем это незнакомое место. Минаев смутился, подумал, что и лес он, поди, забыл, заплутает, идучи в деревню, и когда добрались до Солотчи, поселок капитан тоже не узнал, разве что монастырь остался на прежнем месте».

«В Лопухах разыскал он тетку Анфису. Та племянша признала и повела смотреть дом, где никто больше не жил, и наследником родовой избы оставался только он, Степан, поскольку дальневосточный брательник Колька письменно от всего отказался».

«Дом с заколоченными окнами высился среди одиноких яблонь. Крыша под дранью была цела, стены потемнели, но каменный фундамент, уложенный дедом, держал их прямо. В комнатах пахло сыростью». «Это мой дом, – подумал капитан Минаев. – Что у меня общего теперь с ним?» И у раскрытой русской печи родного дома полезли ему в голову мысли об одиночестве, об иллюзии собственной значимости. Ведь настает в жизни момент, когда исчезают душевные мечтания, и ты остаешься один на один с давным-давно нетопленной русской печью. Тогда горькая истина ненужности одинокого человеческого существования становится такой ясной и прозрачной. Значит задача – разжечь огонь в печи. Но это-то как раз и не получилось у наследника родового гнезда.

«Он переночевал у тетки и перебрался в Солотчу». Остановился в гостиничном номере в бывшей обители монахов. Здесь Минаева захватила грибная лихорадка. Эта страсть отвлекла на время Минаева от грустных мыслей, ведь пропасть белых грибов заставляла только ахать от такого добра. Но лишь он очутился у стен древнего монастыря, как его грибное возбуждение отхлынуло и пришла давняя тоска.

Здесь продолжился прерванный воспоминаниями и грустными мыслями разговор с Христиной. Минаев с гордостью сообщил: «В этом году я набрал корзину белых», – и смутился.

«Христина удивленно ахнула и стала расспрашивать». Последовал еще один отрывок рассказа, полный характерных рязанских, бишь мещерских, примет.

«И капитан принялся рассказывать ей о родном крае, а сам словно видел перед собой захиревшие по новым временам Лопухи, где остались лишь старики и старухи, откуда даже почта переехала в раздобревшую, сытую деревню Полково, хотя отделение и сохранило прежнее название. Он вспомнил, как забрел на запущенную станцию узкоколейки и долго стоял на заросшем травой перроне, который не топтали больше пассажиры, их отобрали у железной дороги автобусы, бегущие мимо станции по новому асфальту в Касимов.

На красном дощатом станционном доме Минаев увидел потемневшую вывеску: «ст. Солотча». Рядом – перекошенный от старости сарай с надписью «Бакгауз» и новехонький плакат: «По путям ходить воспрещается». Но по путям ходили. И куры ходили, и ребятишки бегали. И Минаев тоже пошел по путям, где стояли четыре игрушечные платформы с углем, и голые черные грузчики, бросив работу, смотрели ему в спину».

«Всё здесь казалось не настоящим, и Минаев не мог почувствовать себя своим в прекрасной Мещере, в крае, лучше которого нет ни в Африке, ни в Европе, ни в обеих Америках, ни на одном континенте планеты, там, где побывал капитан».

В сознании капитана теперь существовало два мира: один, который он сейчас наблюдал в родной Мещере и второй – это Мурманск, его траулер, Лабрадор, Ньюфаундленд с Флеммиш-Капом, Джорджес-банкой и Уолфиш-беем.

Христина попросила: «Я хочу в Солотчу, и в твою деревню». – «Мы можем поехать туда вместе, – ответил Минаев.

«Тебе понравится монастырь в Солотче. Старый, старый монастырь. Он стоит высоко над болотами и озерами Мещеры и с любой точки кажется трехмачтовым кораблем, идущим в Неведомое».

Так совпало, что отплытие Минаева в море на завтрашнее утро совпало с днем рождения Христины. Но главным в его сознании стало то, что из любимой женщины она приобрела дорогие черты второй его дочери и он все больше укреплялся в этом понимании.

V часть стала яркой интерлюдией всего повествования и вылилась в отдельную морскую историю страшной катастрофы, которые время от времени неизменно происходят на флоте. Человеческий фактор всегда играет здесь главенствующую роль.

В то далекое утро танкер «Кептен Джонс» ударил смаху в левый борт. Дело обстояло так. Траулер «Грумант» с полным грузом пересекал Северную Атлантику, возвращаясь домой с промысла на Джорджес-банке. В том рейсе Минаев был старпомом. Когда «Грумант» приблизился к туманной полосе, по инструкции Минаев сбавил обороты и включил автоматические туманные сигналы. До восьми часов шел «Грумант» при уменьшенном ходе, как на экране локатора появилась отметина: неизвестное судно слева и впереди по курсу. Согласно правилам он должен был уступить «Груманту» дорогу, а траулеру следовало следовать прежним курсом. Капитан приказал сбросить скорость, очевидно, так решили и на встречном, в результате пути кораблей пересеклись в одной точке. «Грумант» содрогнулся от жестокого удара в левый борт, последовал второй удар одновременно с первым. Трагедия началась, когда от удара взорвался носовой танк «Кептена Джонса» с авиационным бензином. Команда танкера спустила шлюпки и отошла в море. Капитан траулера вручил Минаеву пакет с судовыми документами и еще один личный для своей жены и велел на шлюпке с че-

тырмья гребцами-матросами спастись. Именно из обращения капитана к Минаеву «Васильич» мы узнаем отчество главного героя.

VI часть краткая и посвящена яркой мысли Минаева о желании Христине не видеть снов о чёрном верхе и белом низе.

В VII части в ходе расследования морской трагедии прокурор потревожил Минаева с просьбой об опознании погибших. «Хоронить ведь пора, а вот кто есть кто – для, нас, извините, неясно». «Опознать их надо», - сказал прокурор.

В спасательной лодке Минаева два матроса сорвали с себя маски и одурев от жара и дыма выбросились в море, два оставшихся без сознания свалились под банки, где и погибли от удушья. Лишь боцман, увидев идущее к ним судно, встал, протянул руку и захохотал.

В VIII краткой части Минаев, мысленно обращаясь в Христине, сообщает: «Вот уже несколько лет прошло, до выхода в последний рейс побывал у него в больнице. Не узнал меня боцман, только смеялся и смеялся».

Заключительная IX часть рассказа посвящена завершению расследования дела о гибели «Груманта». Минаев в морге смотрел на своих товарищей по команде, у них нижняя часть тела сохранилась, а верхняя сгорела. На всех были надеты нагрудники, и потому после смерти они продолжали плавать, стоя в воде.

Так они и лежали в морге – чёрный верх, белый низ.

После этого не дали ему своего парохода, перестали доверять. Но силы еще были, капитан из жизненной ямы вылез. С Балтики перевели в «Севрыбу» и вот он уже несколько лет командует большим морозильным рыболовным траулером.

В этой части в заключение автор дает развязку романтическим отношениям заматерелого морского волка, уже немолодого, неоднократно битого в морских стихиях и на любовном фронте, капитана Степана Васильевича Минаева, хотевшего, может быть, в последний раз устроить свою тихую семейную гавань. Однако в объекте своих мечтаний Христине, которая в его мечтах снилась на Лабрадоре, увидел он не дорогую и желанную женщину, и поскольку весь жизненный опыт после двух срывов, семейного и морского, говорил, что третьего срыва он не выдержит, - а хрупкую и загадочную вторую дочь. Он понял, что не может брать в свои руки судьбу Христины и только может её удочерить.

Степан молил, чтобы сегодняшний разговор оказался сном. «Мы расстанемся сейчас. Так надо, Христина». Мой адрес в море: Мурманск, Северная Атлантика, БМРТ «Кристалл», туда и пиши.

Придя к ее дому капитан легонько прижал к себе локоть Христины.

На приглашение выпить кофе поблагодарил и подумал: «Спасибо за то, что ты есть, Христина, и может быть, ты приснишься мне на Лабрадоре...»

«Прощай, капитан», – сказала она, повернулась и вбежала в дом.

Капитан надвинул поглубже фуражку, поднял воротник плаща и, сгорбившись, зашагал в порт.

Заключение

Рассказ, безусловно, привлекает внимание читателя своей морской экзотикой, фигурой старого морского волка, капитана Степана Минаева, вышедшего из глубин Рязанской Мещеры. В его судьбе отразилась вся история страны в годы лихолетья и счастливого бытия. Название повествования поражает своей романтичностью и для советского и русского читателя Лабрадор и другие – это все удивительные и фантастические географические названия, за которыми стоят приключения, необыкновенные события, выдающиеся личности. Образ же романтической героини Христины выписан кратко и блекло, никакими яркими чертами она не отмечена, это скорее символическая фигура.

Большой удачей стало изображение сыновней любви Минаева к родным пенатам Рязанского края. Эти подробности придают повествованию какой-то специфический местный

колорит и подчеркивают, что любовь к земле продолжает подспудно тлеть в душе главного героя. Ведь недаром в юношестве он мечтал поступить в Тимирязевскую академию. И все же раздвоенность миробития Степана Минаева на морской и земной миры, кажется, лежит в основе его рефлексизирующего сознания. В эпилоге повествования он просто уходит в очередной рейс в Северную Атлантику.

Рассказ Станислава Гагарина «Вы снились мне на Лабрадоре...» занимает почетное место в целом цикле морских рассказов, написанных в до – и рязанский период – это «Гаврилыч», «Штурман Уоллес», «Шкипер», «Мыс Палтусово перо», «Последняя буфетчица «Зарайска», «Цветы для механика с «Андромеды», «Женщина для старпома».

Примечания

1. *Нагорнов В. П.* Гагарин Станислав Семенович. С. 51 // Российский флот и Рязанский край. Опыт историко-энциклопедического словаря / Под ред. проф. Б. В. Горбунова. Рязань: Пресса, 2011. 448 с.
2. *Кулиничин Н. А.* Знакомы заочно: Станислав Гагарин – писатель и человек // Евпатий Коловрат (Рязань). 2003. № 3(42). С. 14-15.
3. *Нагорнов В. П.* Гагарин Станислав Семенович. С. 90-91 // Скопинская энциклопедия / Под ред. Ю. И. Суслина. Рязань: Издательский дом «Контраст» (ИП Аладышева Г. Е.), 2024. 568 с.
4. Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1070 года. Рязань: Издательство газеты «Приокская правда», 1970. 200 с. [С. 83 –д. Лопухи Полковского с/с в 10 км от центра д. Полково].
5. *Гагарин С. В.* Вы снились мне на Лабрадоре...: морской рассказ. С. 321-339 // Мегамир: фантастический роман / редактор и составитель Станислав Гагарин. М.: Российское творческое объединение «Отечество» при Литературном фонде РСФСР, 1991. 352 с.

ПЕРСОНАЛИИ

О.В. Романов

Новые аспекты и перспективы изучения двух юбилеев Симеона Бекбулатовича, включая его роль в политической жизни Московского государства и вопросы сохранения исторической памяти через призму прошедших лет

Аннотация. Статья посвящена двум юбилейным датам, связанным с жизнью Симеона Бекбулатовича (Саин Булата): 450-летию со дня его избрания на царство в России (2025) и 410-летию со дня кончины (2026). В работе освещается биография этого неординарного исторического деятеля — касимовского царя, великого князя всея Руси и Тверского, — его происхождение из рода Чингизидов, крещение, кратковременное правление при Иване Грозном, роль в политической системе Московского государства XVI века. Особое внимание уделено родословной Симеона, связям с родом Булатовых и судьбе его потомков. Также представлен очерк жизни Александра Ксаверьевича Булатовича (иеросхимонаха Антония) — выдающегося исследователя Эфиопии и религиозного деятеля, связанного с родом Симеона через его мать. Поднимается вопрос о необходимости установки памятника Симеону Бекбулатовичу в Касимове, рядом с могилой его матери.

Ключевые слова: Симеон Бекбулатович, Саин Булат, Касимов, Чингизиды, Иван Грозный, великое княжение, родословная, Булатовы, Александр Булатович, Антоний Булатович, Эфиопия, местничество, Золотая Орда, Тверское княжество.

Несмотря на то, что биография Симеона Бекбулатовича достаточно исследована, в науке ещё много белых пятен, и до сих пор нет единого мнения по многим вопросам. Для написания статьи были использованы подготовленные к изданию материалы «Касимовской энциклопедии» (на правах рукописи).

Из правителей Касимова лично получил титул царя – Государя Всея Руси, официально «великий князь Всея Руси» с октября 1575 г. по август 1576 г. Саин-Булат (Саин-Булат бин Бекбулат, Симеон или Семион Бекбулатович) (до крещения – Саин-Булат хан,), тат. ساین بولات, в монашестве Стефан; родился в XVI веке, Хаджи-Тархан, умер 5 (15) января 1616, Москва). В оные годы Симеон был главой Боярской Думы, т. е. высшего Совета.

«Личность Симеона не принадлежала к числу блестящих в нашей истории», — писал Николай Васильевич Лилеев (1862 – 1916) в историческом очерке-монографии: «Симеон

Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской». 1567 – 1616 г. Тверь, 1891. Он упоминается как преподаватель Тверской духовной семинарии в библиографических описаниях его трудов. Николай Васильевич родился в селе Высоково Угличского уезда, воспитанник Ярославской духовной семинарии, магистрант (1887) Московской духовной академии (1883 – 1887 гг.), преподавал в Тверской духовной семинарии и служил священником в г. Твери. «Он (Симеон), мол, не заявил себя широкой деятельностью, которая заметно отразилась бы на той или другой стороне русской жизни». Но золотая монета всегда маленькая, гласит восточная поговорка, и история не должна забывать и скромных деятелей, а тем более не должна оставлять без внимания личности, судьба которой объясняет много интересных и важных фактов в исторической русской жизни конца XVI и первой четверти XVII века. Твёрдость и прямота характера, скромность в величии, мужество и стойкость в перенесении бедствий, глубокая религиозность и благочестие, благотворительность и щедрость к церквям и монастырям – все эти черты придают этой личности особенный интерес.

В разные периоды жизни Симеон был касимовским царём, великим князем всея Руси, великим князем Тверским, иноком. Причины таких перипетий во многом остаются неразгаданными. По происхождению своему Симеон Бекбулатович не был русским, как показывает его отчество и прежнее имя Саин-Булат. Понятие «русский» и «православный» виделись абсолютно тождественными, причём конфессиональный фактор доминировал над этническим («*Отечественная история*», № 1, *Российская академия наук*, 2005 г.).

Он был татаринoм, сыном царевича Бекбулата [Бек-Булат (Белёк-Булат) Салтана (Крепкий-как-сталь). Кто такой царевич Бекбулат (Бек-Булат, Бик-Булат, Бик-Пулад, Бик-Фулад)? Свидетельств о нём сохранилось немного. Известно, что он Чингизид, астраханский царевич. В летописях утверждается, что Бекбулат приходился братом царевичу Тохтамышу, а их родная сестра являлась супругой ногайского мирзы Асанака (Хасанака) бен Хаджи-Мухаммеда бен Мусы. В посольской книге Тохтамыш назван ближним родственником Шах-Али. В родословных книгах XVI в. выстраивается следующая возможная генеалогия царевича: Бекбулат (Камбулат) бен Бахтияр (Багатыр) бен Ахмед (Седи-Ахмед). Имена оказались значительно искажены, но у Камбулата отмечен единственный сын – царь Симеон. *И.В. Зайцев* делает слабо аргументированную попытку отождествить Бекбулата с Кайбулой (Абдулла, Абдаллах) бен Ак-Кубеком бен Муртазой. Он умер в 1566 году. Женат на старшей дочери Темрюка Идарова, княжне Алтынчач. Касимовцам более интересна Алтын-сач-бикем – жена царевича Бик-Пулада, мать царя Симеона Бекбулатовича, родная сестра жены Ивана Грозного Марии Темрюковны, ведь она умерла и похоронена в Хан-Кермане (Касимов). (*Общ. Истор. и Древн. Российских кн. X, Матер., стр. 129.*), был внуком Ахмеда, хана Золотой Орды, и, следовательно, троюродным братом известного Шиг-Алея Шах-Али ибн Шейх-Аулиар (царь Шигалей, тат. *Şahğali*, Шахгали, شاه علی; 1505, Сурожи́к (?) – 22 апреля 1566, Касимов (Шах-Али), царя Казанского; который был внуком родного брата Ахмеда, Бахтияра. Поэтому в грамоте Ивана Грозного к Исмаилу, князю Ногайскому, от 1556 года Шиг-Алей зовётся «братом» царевича Тохтамыша, брата Бекбулатова, а сам Тохтамыш в царской к нему грамоте называется «ближним братом» Шиг-Алею (*Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. С.11. Б. 1864 г., т. II, стр. 7 – 11*). **И как пишет Вельяминов-Зернов, что ещё в самом начале XVII столетия касимовские цари и царевичи по местническому счёту являлись выше английского короля.**

Касимовский хан Саин-Булат (1567 – 73) – чингизид, потомок ханов Золотой Орды и Астраханского ханства. В первой половине 1573 г. крестился с именем Симеон, после чего должен был оставить Касимов, поскольку занимать этот пост мог только мусульманин. Так ли это? Утверждение о том, что с принятием православия татарский царь терял права на Касимов, прочно утвердилось в историографии. Хотя каких-либо документов на этот счёт мы не имеем. Московский государь не собирался сохранять в городе служилого чингисидомусульманина. Новый касимовский царь появится в городе только после его смерти. Поэтому мы вправе предположить, что касимовские доходы или их часть сохранялись за новокре-

щёным царём, по крайней мере, какое-то время, возможно даже до 1584 г. В сообщении *А. Поссевино* имеется одно интересное место: «Кроме того, за ним (Симеоном – авт.) осталась и часть его владений». Что это могло быть? Логичнее всего допустить, что речь идёт о касимовских поместьях. Но в таком случае мы вправе говорить о том, что Симеон формально остаётся касимовским царём до 1584 г. или же до того момента, как его лишили касимовских доходов. *А.В. Беляков «О городах, доходы с которых жаловались Симеону Бекбулатовичу»*. Биография крещёного чингисида, царя Касимовского, посаженного царём Иваном Грозным на «великое княжение» в 1575 – 1576 гг. [*Зимин*], наиболее полно исследована в трудах *А. В. Белякова* [*Беляков, 2011, 2022*].

С одной стороны, в выборе нового имени сыграл роль ассонанс христианского имени с мусульманским (Саин-Булат – Симеон), а с другой – традиция имянаречения ордынских царевичей. Глава Боярской Думы царевич Симеон Бекбулатович (ум. 1616 году) по желанию русского царя Ивана IV Васильевича Грозного стал в октябре 1575 года Великим князем всея Руси. **Вопрос о причинах, по которым Иван IV провозгласил Симеона великим князем, до настоящего времени является дискуссионным.**

Венчание на царство прошло в Успенском соборе Московского Кремля – Симеона увенчали шапкой Мономаха. Летом 1573 года Саин-Булат принял христианскую веру и в святом крещении был назван Семионом, под этим именем он уже упоминается в документах Дел Датских 15 июля 1573 года. Однако надо добавить, что в летописи имя СИМЕОН указано как “СЕОМИН”, и, возможно, имя это происходит от титула “Semoviti desponsata”, что переводится как “Земной жизни деспот”. **Деспотами называли потомков Византийских императоров, а Саин-Булат был праправнуком Софии Палеолог.** Иван Грозный временно передал трон Симеону Бекбулатовичу (Саин-Булату), при этом сам принял титул «Князь Московский». В этой роли он официально утверждал жалованные грамоты и государственные указы. Симеон, будучи правнуком Большой Орды Ахмеда, формально олицетворял власть, однако ключевые решения по-прежнему принимал Иван IV.

Вот цитата из новейшей книги *А. А. Черёмина: «В августе 1576 года Иван Грозный сформировал значительную судовую рать на Волге (из двинян, пермичей, суздальцев), поручив Симеону подавить мятеж в Эски-Астархане. Мятеж был жестоко подавлен с применением силы. Параллельно с этими событиями государство Ногаи Малые (располагавшееся на правом берегу Волги и в Приазовье) после смерти его основателя — мирзы Касы (1577 г.) — стало союзником Крымского ханства и Османской империи. В этот период Русское государство прилагало значительные усилия для поддержания порядка на недавно завоёванных территориях»*.

Через одиннадцать месяцев чингизид Симеон Бекбулатович по собственной инициативе пригласил рюриковича Ивана IV Васильевича Грозного вернуться на царский трон. Этот шаг легитимизировал (сделал законным) царский титул Ивана IV, поскольку **Симеон принадлежал к роду Чингизидов – самому престижному роду в системе местничества той эпохи.**

В сентябре 1576 года Иван IV Грозный официально вернулся на трон, а Симеон Бекбулатович получил в управление великое княжество Тверское (города Тверь и Торжок). Унизил ли государь этим свойственника? Заглянем в источники. В Твери при Симеоне Бекбулатовиче имелся свой дворец и приказы. С получением титула великого князя тверского и обширных пожалований в Тверском уезде Симеон Бекбулатович стал одним из крупнейших землевладельцев своего времени. В соответствии с данными писцовой книги 1580 г. Симеону Бекбулатовичу принадлежало около 1082 населённых и ненаселённых местностей в 9 волостях Тверского уезда. Симеон отправился из Москвы осуществлять «великое княжение» в Твери. Если мы обратимся к полному царскому титулу Ивана Васильевича, то заметим, что кружок «великий князь Тверской» находится в верхней части его титула. Выше стоят только коренные земли государей (княжества Владимирское и Московское), Казанское и Астраханское царства, а также территории с особым статусом, к тому же постоянно оспариваемые ближайшими соседями (Великий Новгород, Псков и Смоленск)... **Таким образом, Симеон по-**

лучил, пожалуй, наивысший на тот момент титул, который московский государь без значительных имиджевых потерь и внешнеполитических осложнений для себя мог передать своему свойственнику. Великий князь Тверской — это очень высокий титул! После лишения Симеона Бекбулатовича титула Великого князя тверского, он, вероятно, был лишён большей части своих владений.

Нам известны дети Симеона Бекбулатовича и Анастасии Мстиславской. Не все дожили до взрослого возраста. Их было шестеро и все они носили очень знаковые имена: дочери Евдокия, Мария, Анастасия, сыновья: Фёдор, Дмитрий и Иван. Эти имена совпадают с именами детей Ивана Грозного (от первого брака — Мария, Дмитрий, Иван, Евдокия, Фёдор; от второго — Дмитрий). Они были последними потомками Ивана III и Софии Палеолог, известными по письменным источникам (не считая князей Голицыных, потомков другой дочери Ивана Фёдоровича Мстиславского, Ирины). Точная судьба детей неизвестна, но последний сын Иван, вероятно, скончался до 1600 года.

Род Булатовых, к которому принадлежали декабрист Александр Михайлович Булатов, его отец Михаил Леонтьевич Булатов и иеросхимонах Антоний (Александр Ксаверьевич Булатович), восходит к более раннему поколению — к родоначальнику Ураку Булатову (1536 г.), который в середине XVI в. был голова войска стрелецкого. Урак (также упоминаемый как Юрак) был сыном Василия III и Соломонии Сабуровой. По летописным сведениям, дочь Урака стала женой царевича Бекбулата и матерью Саин-Булата (будущего Симеона Бекбулатовича). Таким образом, **Булатовы связаны с Симеоном Бекбулатовичем через его мать, похороненную в Касимове, а не через его собственных детей.** Борис Сергеевич Ижболдин (англ. Boris Ishboldin, 13 декабря 1899, Москва — октябрь 1984, Нью-Йорк) — почётный профессор экономических наук университета Сент-Луиса, штат Миссури, США, член Русской академической группы в США. Он окончил Императорский лицей в Москве и получил диплом из рук Патриарха всея Руси Тихона. После революции эмигрировал из России сначала в Чехословакию, потом переехал в Германию, окончил факультет коммерции Берлинского университета (1925). Продолжил учёбу в Кёльнском университете (Universitt zu Kln) — получил степень магистра (1926) и через два года защитил диссертацию «Русская внешнеторговая политика» на степень доктора политических наук. В 1950-х годах в Америке опубликовал свои исследования. **По этим исследованиям весь род Булатовых также принадлежит к роду потомков Абу Бакра, тестя и сподвижника Пророка Мухаммеда, и имел бы, как и князья Юсуповы, приставку Эль Бекри, если бы все члены рода не были бы крещены и сосланы подальше. Значит, и Царь Симеон — потомок Пророка Мухаммеда, достойного предка.**

Во времена СССР данные сведения не разглашались.

Касимовцы и не знают о выдающихся земляках. Некоторые известные потомки из этого рода: **Михаил Леонтьевич Булатов** (1760 — 1825) — генерал-лейтенант, участник многих военных кампаний, включая Русско-шведскую войну 1808 года. **Александр Михайлович Булатов** старший (20 ноября 1793, село Гудово, Пронский уезд, Рязанское наместничество — 19 января 1826), названный по желанию отца в честь Александра Македонского, почитаемого всеми поколениями Булатовых, — русский офицер, полковник, герой Отечественной войны 1812 года, декабрист, командир 12-го егерского полка. **Мать — Софья Казимировна Лещинская** (внучка польского короля **Станислава Лещинского**, тестя короля **Франции Людовика XV** и, соответственно, племянница королевы **Франции Марии**) умерла в 1796 г., похоронена в Гудово — родовом имении Булатовых в Рязанской губернии. Воспитывался Саша после смерти матери у её родственников и в 1-м кадетском корпусе (вместе с повешенным поэтом К. Ф. Рылеевым, другом детства и сокурсником). В службу вступил в лейб-гвардии Гренадерский полк, служил в лейб-гвардии Егерском полку до чина полковника, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. **Командир охотников полка в битве при Бородино.** За отличие в сражении под Бауценом награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, за взятие Парижа — орденом Святой Анны 2-й степени и золотой шпагой «За храбрость». Командир 12-го егерского полка с 1823 года

(стоянка – Керенск Пензенской губернии). Осенью 1825 года получил трёхмесячный отпуск и 11.09 прибыл в Петербург. Член Северного общества (принят К. Ф. Рылевым 9.12.1825), на совещаниях накануне восстания избран одним из его военных руководителей. Сам явился вечером 14.12.1825 в Зимний дворец, где и был арестован; 15.12 посажен под присмотр в доме коменданта Петропавловской крепости, доставлен в Военно-сухопутный госпиталь 10.01.1826. Умер в госпитале, похоронен на Георгиевском кладбище на Большой Охте. Жена – Елизавета Ивановна Мельникова (умерла 23.06.1824 на 23-м году жизни), дочь тайного советника Ивана Андреевича Мельникова, женатого на Карпинской. Дети: Пелагея (замужем за Иосифом Петровичем Преженцовым), Анна, впоследствии монахиня Бородинского монастыря (под именем Досифеи). Братья: Александр младший (1801 – 1874) (в 1825 году – гвардейский офицер), крестник Александра I и его матери вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, штабс-капитан, служил в лейб-гвардии гренадерском полку, женат на княжне Марии Андреевне Голицыной. Михаил (? – 1837), камер-паж императрицы Марии Фёдоровны, с 28 мая 1824 г. прапорщик лейб-гвардии, с ноября 1825 г. подпоручик, погиб уже поручиком на дуэли, защищая честь возлюбленной, имел сына Николая. В Санкт-Петербурге Булатовы имели три дома: один из них на Исаакиевской площади (ныне Исаакиевская площадь, дом № 7, см. фото) после смерти А. М. Булатова он был продан Китнеру (Кутнеру). С 1824 года здесь снимал квартиру декабрист А. И. Одоевский (26 ноября [8 декабря] 1802, Санкт-Петербург – 15 [27] августа 1839, форт Лазаревский, (ныне Лазаревский район города Сочи)), с января по май 1825 года с ним проживал великий А. С. Грибоедов (4 (15) января 1795, Москва – 30 января (11 февраля) 1829, убит в Тегеране), работавший здесь над своим знаменитым «Горе от ума»; два других дома находились около Преображенских казарм. *Источник: ВД, XVIII, 285—323.*

Биография следующего потомка нашлась в доступных соцсетях. **Антоний (Александр Ксаверьевич Булатович)** (1870 – 1919), офицер, учёный, исследователь Эфиопии, позднее – иеросхимонах, лидер религиозного движения «имяславия». В 2003 году были обретены его нетленные мощи Иеросхимонаха Антония (в миру Александра Ксаверьевича Булатовича) (26 сентября (8 октября) 1870, Орёл – 5 декабря 1919, Луциковка, Харьковская губерния, ныне Сумской области Украины), русский учёный и религиозный деятель. Александр Булатович родился в городе Орле в дворянской семье. Отец – генерал-майор Ксаверий Викентьевич Булатович, из потомственных дворян Гродненской губернии, умер около 1873 года. Детство Александра прошло в богатом поместье Луциковка Марковской волости Лебединского уезда Харьковской губернии. В 1884 году он вместе с матерью переехал в Санкт-Петербург. Саша учился в Александровском Лицее (1884 – 1891 гг.), который окончил среди лучших выпускников. 28 мая 1891 года он был зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии Гусарский полк 16 августа 1892 года получил первый офицерский чин корнета. В 1896 году Булатович добился своего включения в члены российской миссии Красного Креста в Эфиопии, где он стал доверенным лицом негуса Менелика II. В апреле 1896 года в качестве курьера совершил пробег на верблюдах из Джибути в Харэр, преодолев расстояние свыше 350 вёрст по гористой пустыне за 3 суток и 18 часов, что было на 6 – 18 часов быстрее, чем время в дороге профессиональных курьеров. Как это описано в книге Булатовича. Об этой экспедиции ещё увлекательно рассказывал будущий писатель и атаман Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснов (10 [22] сентября 1869, Санкт-Петербург – 16 января 1947, повешен Москва) – русский генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Один из руководителей Белого движения на Юге России, находившийся там в то же самое время. В России миссия Булатовича была высоко оценена: он получил серебряную медаль от Русского географического общества за работы по Эфиопии (1899). Ему также было присвоено звание поручика лейб-гвардии Гусарского полка. Наш земляк (памятник в Шилово), поэт Николай Гумилёв (3 [15] апреля 1886, Кронштадт – 26 августа 1921, Петроград), русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, драматург, переводчик и литературный критик, путешественник, африканист, с детства восхищался эфиопскими экспедициями А. Булатовича и был первым,

кто смог повторить эфиопский маршрут Булатовича. 23 июня 1900 года по личному указанию Николая II (канонизирован в лике страстотерпцев) Главному штабу Булатович был направлен в Порт-Артур в распоряжение командующего войсками Квантунской области. Затем он послан в отряд генерала Н. А. Орлова, действовавший вдоль КВЖД. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. 18 июля 1900 года отряд А. Булатовича вошёл в Хайлар, захваченный до этого повстанцами, и двое суток удерживал его до подхода основных сил. После взятия Хайлара казачий отряд под командованием генерала Орлова двинулся к Хинганскому перевалу. В ночь на 8 августа Булатович лично руководил разведкой вражеских позиций, а затем смелым обходным манёвром вышел противнику в тыл. После жесточайшей схватки китайцы отступили. 135 забайкальских казаков получили за этот бой Георгиевские кресты, а сам Булатович – орден Владимира 4-й степени. В 1903 г., после разговора с Иоанном Кронштадтским, он ушёл из армии, был пострижен в монашество с именем Антоний. Вместе с ним в монахи ушли шестеро солдат его эскадрона. Вслед за своим командиром они отправились на Святую Гору Афон, где поселились совместно в Андреевском скиту Ватопедского монастыря. В 1913 году философ Николай Бердяев (1874 –1948) – представитель русского княжеского рода татарского происхождения (т. н. князья татарские), происходящий от князя Кудаша по матери, 7 раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1942 – 48) писал о Булатовиче: *«Когда он приехал с Афона в Россию искать «правды Божией» у Русской православной церкви, то его прежде всего подвергли обыску, потом Святейший Синод предложил Министерству внутренних дел выслать его из Петербурга как человека беспокойного. Полициейскими преследованиями ответили на его духовную жажду»*. 28 августа 1914 года Антоний Булатович получил разрешение поехать в действующую армию как армейский священник. Во время Первой мировой войны отец Антоний не только служил священником, но и во «многих случаях вёл солдат в атаку», был награждён наперсным (священническим) крестом на Георгиевской ленте. В 1916 году оказался в австрийском плену, но сумел сбежать, после чего вышел в отставку. Отец Антоний был убит выстрелом в спину бандитами в ночь с 5 на 6 декабря 1919 года, защищая от ограбления неизвестную женщину. Похоронен в селе Луциковка Белопольского района Сумской области, Украина. Имел награды: серебряную медаль Императорского Русского географического общества за научные труды об Эфиопии (1899), орден Святой Анны 2-й степени с мечами, орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орден Почётного легиона (за спасение из плена французского миссионера сеньора Лавесьера во время подавления «восстания боксёров» в 1900 году). Высшая военная награда Эфиопии при негусе Менелике II (1844 – 1913) – золотой щит и сабля. И. Ильф и Е. Петров воспользовались биографией А. К. Булатовича для создания вымышленной юмористической истории о гусаре-схимнике Буланове, которую рассказывает герой романа «Двенадцать стульев» Остап Бендер. Русские националисты оценивают её как русофобскую. Иван Соколов-Микитов упоминает о доставленном в Одессу с Афона А. К. Булатовиче в рассказе «На мраморном берегу». Ричард Зельтцер, «Имя героя» (роман, пер. с англ. Н. А. Немзер). А. К. Булатович является одним из героев романов цикла «Этногенез», в частности, романа Алексея Лукьянова «Ликвидация» (Бандиты. Книга 2). Бахревский В. А. (биография в «Касимовской энциклопедии») «Долгий путь к Богу» и «Искания на Святой горе. Служение и брение иеросхимонаха Антония» М., «Вече», 2019.

Симеон Бекбулатович похоронен в московском Симоновом монастыре, родовой усыпальнице Мстиславских (ум. 5 января 1616 г.). В.И. Ульяновский предполагает, что это ошибочная дата. В кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря поминальный корм по нему значится 21 – 22 декабря. Скорее всего, это дата смерти бывшего царя, а 5 января – день, когда его перевезли из монастыря в Москву и здесь захоронили. В текие (мавзолее) Шах-Али б. Шейх-Аулиара постройки 1555 г. были похоронены: царица Алтын-сачбикем (1571/72 г.) – вторая жена царевича Бекбулата, мать царя Симеона Бекбулатовича, родная сестра жены Ивана Грозного Марии Темрюковны. В.В. Вельяминов-Зернов считает, что это две разных женщины; царевна Даулет (январь 1572 г.) – Бекбулата (Симеона Бекбулатовича).

Утверждение, что памятник Царю и великому князю Симеону Бекбулатовичу возможно установить только в одном месте – на месте разрушенной колокольни, где он погребён, не верно. Ведь сам он явно желал лечь рядом с матерью в Касимове. Здесь и необходим ему памятник.

Заключение. Биография Симеона Бекбулатовича отражает сложные процессы интеграции тюркской знати в политическую систему Московского государства XVI века. Его правление, хотя и было кратковременным, сыграло определённую роль в укреплении власти Ивана Грозного. Изучение родословной Симеона и его связей с родом Булатовых позволяет лучше понять динамику межэтнических и межконфессиональных отношений в России того времени.

Источники. Печатные издания:

Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. – СПб.: Нестор-История, 2022. – 406 с.

Беляков А. В. Инкорпорация тюркской знати в России: чингисиды в Московском государстве XV – XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02.

Галашева Т. Н. Сказание о царе Симеоне Бекбулатовиче в Житии Ефрема Новоторжского // Проблемы исторической поэтики = The Problems of Historical Poetics. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 194 – 210.

О. В. Романов. Симеон Бекбулатович / Касимовская энциклопедия. Т. 3 / (на правах рукописи). – С. 226 – 227.

Кутаков С. С. Удел великого тверского князя Симеона Бекбулатовича: локализация и происхождение // Страница аспиранта: науч. журн. – 2023. – № 4. – С. 125 – 138. – Библиогр.: С. 137 – 138 (15 назв.).

Лилеев Н. В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской. 1567 – 1616 г.: исторический очерк. – Тверь: Топография губернского Правления, 1891. – 136 с.

Черёмин А. А. Астраханский улус – ханство (XIII – XVI века). – М.: Green Lamp, 2024. – 270 с. – С. 259.

Черёмин А. А. Касимовское ханство (XV – XVII века). – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – 143 с.: ил. – С. 61 – 65.

Шишкин Н. И. История города Касимова с древних времён. – Рязань: издание газеты «Благовест», 1999. – С. 33 – 34.

Декабристы : биографический справочник / под редакцией М. В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – С. 31.

Очерки из истории татар Борис Ишболдин Почётный профессор экономических наук / Истории экономики / Университета Сент-Луи, штат Миссури, США, Второе издание, 1973. Перевод с английского В. С. Мирзянова. Общество новой книги Индии.

Горбунов, Б. В. Рындин И. Ж. История Рязанского края: в 3-х частях. – Часть 2. XVIII – XIX века / Учебник по краеведению для учащихся старших классов средней школы / под редакцией профессора Б. В. Горбунова / Серия «Рязанский региональный учебник»; Науч.-исслед. лаб. проблем регионализации образования, ГОУ ДПО «Рязан. обл. ин-т развития образования». – Рязань: Узорожье, 2010. – С. 203 – 206.

Пикуль В. С. Исторические миниатюры. – Рига: фирма «ИМПАКТ», 1994. – С. 364 – 377.

Электронные ресурсы:

Омская энциклопедия Бабаев – Бычков. С. 164 – 155 / https://admomsk.ru/c/document_library/.

Беляков А. В. О городах, доходы с которых жаловались Симеону Бекбулатовичу.

Русский царь – татарин из Касимова // Русская линия. – 2024. — 25 марта.

О роде царя и великого князя Симеона Бекбулатовича [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилёва.

Sain-Bulat (Симеон-Стефан): царь, полководец, монах [Электронный ресурс] // Международная военно-историческая ассоциация.

Н. С. Попов

Рязанский путешественник, исследователь Памира В. Ф. Ошанин и его мать, до последнего времени неизвестная помещица из Лебедяни.

Аннотация. В статье раскрываются не известные факты, связанные с рождением российского ученого-энтомолога, путешественника В. Ф. Ошанина, его проживания в Рязанской губернии и дальнейшей службой в Туркестане.

Ключевые слова: Ошанины, Штейны, Памир, Данков, Лебедянь.

Один из самых известных российских ученых и путешественников конца XIX в. Василий Федорович Ошанин родился 22 декабря 1844 г. в селе Политовка (Политово) Данковского уезда Рязанской губернии. Сейчас это Данковский район Липецкой области¹.

В. Ф. Ошанин был энтомологом. Он определил генетическую связь фауны Средней Азии со Средиземноморьем (Средиземноморское подцарство фауны), с Центральной Азией и Тибетом².

Сделал он это на основе изучения собранной им коллекции полужесткокрылых насекомых Туркестана. Его теория подтверждена современными исследованиями. По выводам ученого, ледникового периода в истории Средней Азии не было, поэтому здесь выжили некоторые виды флоры и фауны севера Европы и Азии. Накопленный по время экспедиций и поездок материал послужил основанием для написания капитального труда: «Зоогеографический характер фауны полужесткокрылых насекомых Туркестана», изданного в Петербурге под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского. Этот эпохальный труд поставил В. Ф. Ошанина в ряд наиболее авторитетных энтомологов того времени³. Им был издан трехтомный каталог полужесткокрылых насекомых, содержащий 2160 видов этого отряда насекомых, считающийся специалистами как основное руководство по изучению полужесткокрылых. Последние годы жизни он работал в Зоологическом музее Академии наук России, где образовал коллекцию насекомых, являлся Вице-президентом Русского энтомологического общества (1917). После смерти В. Ф. Ошанина в 1917 г. его богатейшая специальная энтомологическая библиотека, состоящая из 2100 книг, была передана семьей зоологическому музею Академии наук СССР.

В. Ф. Ошанин в известен как путешественник. Его заслуги в области географии оцениваются наравне с заслугами нашего земляка П. П. Семенова-Тян-Шанского. В 1876 г. Ошанин состоял натуралистом в составе Алайской Военно-научной экспедиции Михаила Дмитриевича Скобелева в предгорья Памира. Ошанин прошел по Алайской долине с востока на запад вдоль Алайского хребта почти 90 км, пока не вышел к границе с Каратегиним. Василий Федорович и его группа поднялись в горы по глубокому руслу реки и начали подъем на перевал Кара-Казык (4439 м). Именно в ходе этого, почти десятикилометрового восхождения, Ошанин определил верхние границы альпийских лугов, начало снеговой линии и залегания ледников⁴. Обратный маршрут путешественника пролегал с запада на восток вдоль Заилийского хребта до границы с Китаем. Наиболее важным результатом этой первой его крупной экспедиции было обстоятельное физико-географическое описание Алайской долины, сравнительно небольшое по объему, но интересное и важное свежестью материала и широкой постановкой ряда научных проблем.

В 1878 г. В. Ф. Ошанин уже самостоятельно руководил ученой экспедицией на Памир, результатом которой стало описание горных хребтов Гиссара и Каратегина⁵. Продвигаясь по правому берегу реки Сурхоб, на противоположном берегу экспедиция обнаружила высочайшую горную цепь протяженностью почти 200 км., с самой высокой вершиной – 6785 м. Единогласно было решено назвать эту горную систему хребтом Петра I в честь первого русского императора, старавшегося проникнуть вглубь Средней Азии⁶. Из-за невозможности переправиться на противоположный берег реки, изучение горной системы шло методом визуального наблюдения, определения расстояний с помощи буссоли и опроса местных жителей. По тем же причинам не удалось посетить и горную систему Дарваз, и она была описана методом опроса населения. Одной из целей экспедиции по задумке Ошанина был проход из Алайской долины в центр Памира на озеро Каракол. Несмотря на то, что этот маршрут пройти не удалось из-за его крайней сложности, тем не менее исследование этих мест принесло неслыханную удачу – у рек Сауксай и Каинды был обнаружен громадный, как стало известно позже, самый большой в Азии ледник шириной более 2 км. «Местами поверхность ледника спускается вниз под острым углом, местами же он оканчивается вертикальными обрывами, имеющими до 30-ти саженей вышины. У его подошвы встречаются отломанные от него глыбы льда в виде больших параллелепипедов, сажени в три длиною. Цвет льда зеленоватый, местами же, где по нему течет мутная вода – грязный. Из-под ледника вытекают ручьи, которые, слившись вместе, образуют реку Сельдару. Ледник в этом месте представляет стену, наклонившуюся над рекою, так что каждую минуту можно ожидать того, что верхняя, выдававшаяся часть льда, обрушится⁷. Нужно было леднику дать имя, и я посвятил его памяти Алексея Павловича Федченко. Я желал этим выразить, хотя бы в слабой степени, мое глубокое уважение к замечательным ученым трудам моего незабвенного товарища, которому мы обязаны разъяснением стольким темным вопросам в географии и есте-

ственной истории Средней Азии», – писал в дальнейшем В. Ф. Ошанин⁸. Современники высоко оценили результаты каратегинской экспедиции. Русский ученый, геолог и географ, знаменитый путешественник, член Императорского Русского Географического Общества, исследователь Средней Азии И. В. Мушкетов писал: «Эта в высшей степени любопытная экспедиция в свое время прошла как-то незамеченной благодаря главным образом скромности участников ее; это тем более удивительно, что географические результаты ее настолько почетны и важны в научном отношении, что она может считаться одной из главных новейших экспедиций в Туркестане. Она не только исследовала многие малоизвестные местности, но и сделала существенные географические открытия»⁹. По представлению И. В. Мушкетова, 17 января 1883 года Советом ИРГО вынесено решение: вручить «Малую Золотую медаль РГО по отделению математической и физической географии – действительному члену Василию Федоровичу Ошанину – за путешествие в 1878 году в Каратегин и Дарваз и за естественно-исторические исследования в Туркестане»¹⁰.

Опубликованные им сведения о перевалах Каратегинского, Зеравшанского, Алайского, Дарвазского и Петра Великого хребтов еще несколько десятилетий спустя оставались единственным источником информации для путешественников и исследователей.

К сожалению, время стерло из памяти современников почти всю информацию о Василии Федоровиче. По небольшим статьям в энциклопедиях и отрывочным воспоминаниям его коллег, опубликованным в начале XX века, невозможно создать целостную картину жизни В. Ф. Ошанина. В воспоминаниях он предстает тщедушным ловцом насекомых и обычным школьным учителем, таким затворником, находящим себя в путешествиях по степям, пустыням и горам. Однако это далеко не так. Он был открытым и общительным человеком. Находясь в Туркестане, занимался общественной деятельностью. Являлся членом правления Общества вспомоществования бедным учащимся в Ташкенте и членом совета Туркестанского Педагогического кружка. Долгое время занимал должность заместителя председательствующего Туркестанским отделом ИРГО¹¹.

Скрыта была информация и о государственной службе Василия Федоровича. Согласно немногочисленным справочным источникам 1940-60 гг., В. Ф. Ошанин в 1872 г. стал директором Туркестанской школы шелководства и был ее директором вплоть до закрытия в 1883 г. Впоследствии работал преподавателем естественных наук в Туркестанской учительской семинарии, затем директором Ташкентской женской гимназии. Его успехи на этом поприще были значительны. Об этом говорит его государственный ранг. В 1904 году он уже действительный статский советник, что соответствовало в то время армейскому званию генерал-майора¹².

Необходимо отметить, что за последние несколько лет интерес к В. Ф. Ошанину вновь проявился. Архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) позволили почти досконально восстановить обстоятельства проживания представителей рода Ошаниных в Данковском, Рязанском и Спасском уездах Рязанской губернии и в самой Рязани¹³.

Почему В. Ф. Ошанин был почти забыт, почему его имя малоизвестно? Можно предположить, что это связано с изменением административного деления губерний после Октябрьской революции. Данковский уезд, где родился в с. Политовка наш путешественник, был в 1928 году передан в состав Центрально-Черноземной области, затем в состав Тульской, Воронежской, вновь Рязанской области, а в 1954 г. в Липецкую область. Этот регион уже давно не воспринимается как Рязанская земля и все, что с ним связано, уже не актуально. А жаль! Ведь есть немало вопросов, очень важных для понимания становления В. Ф. Ошанина как ученого и путешественника, которые нужно решить не разделяя проживания Ошаниных на рязанской и липецкой земле.

Что это за вопросы?

Главный – о матери путешественника и первой жене его отца. История матери Василия Федоровича, можно сказать, вообще не изучена. По ней постоянно возникают вопросы. В метрической книге Данковской округи села Еропкина Казанской церкви за 1844 год запи-

сано за № 96: «Родился 22, крестился 24 декабря 1844 года, ВАСИЛИЙ. Родители – деревни Политовой помещик Федор Дмитриев Ошанин и законная жена его Александра Иванова дочь, оба православного вероисповедования. Восприемники: – той же деревни штабс-капитан Дмитрий Дмитриевич Ошанин и покойного майора Дмитрия Федоровича Ошанина дочь девица Наталья Федоровна»¹⁴. Здесь упоминается мать нашего путешественника Александра Иванова, правда, без фамилии.

Ранее, в 1843 году, имелось еще одно интересное упоминание. Рязанский историк И. Ж. Рындин, пишет, что дочь Федора Дмитриевича и Александры Ивановны Ошаниных Анна Федоровна «родилась 14.11.1843; крещена того же числа в с. Еропкино Данковского у.; восприемники: отставной поручик Аполлон Иванович Штейн и Екатерина Дмитриевна Ошанина»¹⁵. Это о старшей сестре Василия Федоровича.

Но кто был Аполлон Иванович Штейн для семьи Ошаниных?

1-й вариант – брат Александры Ивановны. Это вполне вероятно, так как отчества совпадают. 2-й вариант – сосед, сослуживец, друг Ошаниных.

Удалось установить, что Аполлон Иванович был помещиком с. Замартынье Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Это верст 60 от с. Еропкино и в другой губернии. Соседями их назвать нельзя.

Сослуживцем тоже не был. Федор Ошанин после военной отставки нигде не служил. Другое дело, друг или приятель. Аполлон Иванович Штейн, Федор Дмитриевич, Дмитрий Дмитриевич Ошанины и данковский помещик Василий Матвеевич Бибилов, муж Анны Дмитриевны Ошаниной, были, начиная с 1847 года, действительными членами Лебедянского общества сельского хозяйства. Общество было создано из людей, заинтересованных в развитии сельского хозяйства Тамбовской, Орловской, Тульской, Рязанской и Воронежской губерний. Общество называлось лебедянским потому, что его создали помещики, съезжавшиеся на Лебедянскую ярмарку и выставку «сельских произведений», учрежденную Министерством Государственных имуществ в городе Лебедяни¹⁶.

С одной стороны, Аполлон Штейн мог быть просто другом семьи, но не исключено, что эти отношения являлись и родственными.

Дальнейшее исследование показало, что Аполлон Иванович имел с семьей Ошаниных родственные связи, он был родным братом первой женой Федора Дмитриевича Ошанина – Александры Ивановны (в девичестве Штейн) (1804 – 47)¹⁷.

После подтверждения родственной связи Ошаниных и Штейн стало возможным говорить и о других интереснейших фактах, которые требовалось подтвердить архивными материалами:

Во-первых, в селе Замартынье Лебедянского уезда (ныне Липецкой области) на рубеже XVIII-XIX вв. проживала помещица Анна Петровна Дехтярева. Отец Анны Петровны Петр Алексеевич Дехтярев, в 1794–1798, 1803–1806 гг. был предводителем дворянства Лебедянского уезда Тамбовской губернии. В замужестве она была за крещеным в православие Иваном Егоровичем Штейном, предводителем уездного дворянства с 1814 по 1828 год.

Эти материалы перепроверены. В Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) хранится дело за 1810 г. с жалобой на решение Раненбургского уездного суда в которой описывается ход имущественного спора (аренда водяной мельницы). Суть его в том, что крестьянин А. Хаустов взял в аренду мукомольную мельницу сроком с 1807 по 1812 год в Раненбургском уезде близ села Делехового у помещика полковника Петра Алексеевича Дехтерева. Деньги за аренду крестьянин передавал полковнику Дехтяреву, а по смерти полковника, его зятю титулярному советнику Ивану Штейну. Однако наследница мельницы, дочь полковника П.А. Дехтерева Анна Петровна Штейн (в девичестве Дехтерева) оплату не подтвердила и сделку объявила незаконной¹⁸. Эти материалы доказывают родство семейств Дехтеревых и Штейн. У последних было как минимум четверо детей. Один из них – Аполлон Иванович – в детстве обучался в пансионе при Московском университете, его соучеником был Михаил Юрьевич Лермонтов. В 1840-60 гг. он проживал в с. Замартынье, был краеведом и занимался

наблюдением за погодой, урожаями и прочей сельскохозяйственной информацией. Вел переписку с Академией Наук¹⁹.

Во-вторых, в это же время в Лебедянском уезде служил поручик, позже полковник Николай Иванович Арандаренко. Он был землемером, затем с середины 1830-х Управляющим палатой Государственных имуществ Полтавской губернии, в дальнейшем – губернатором Архангельской губернии, сенатором, замминистра внутренних дел Российской империи. Был автором «Записок о Полтавской губернии» в 3-х частях (Полтава, 1848–1852), с дополнением атласа карт и видов, в частности, планом Полтавы до 1800 г., содержащих ценные сведения по истории Полтавщины с древнейших времен, в том числе по истории административно-территориального устройства, государственных учреждений XVII–XVIII веков, развития сельского хозяйства, промышленности, ремесел, торговли и т. д.²⁰

У него была жена - Варвара Ивановна Штейн (1810 -1872). По печатным источникам, в 1839 году теща Николая Ивановича, Анна Петровна Штейн, приезжала к дочери Варваре в Полтаву²¹.

В-третьих, у Н. А. Арандаренко была дочь – Зинаида Николаевна, двоюродная сестра Василия Федоровича Ошанина, по первому мужу княгиня Максудова. Кстати, это род касимовских помещиков. Ее муж Петр Петрович имел двух братьев. Оба – герои Крымской войны, георгиевские кавалеры, артиллеристы, защитники Петропавловска-Камчатского. Один из братьев погиб в бою. Второй, Дмитрий Петрович, 19.01.1859 г. назначен помощником главного правителя русских владений в Америке. В 1863 вернулся в Россию. В декабре того же года снова направлен в Америку, и. д. главного правителя. Произведен в капитаны 1-го ранга и утвержден главным правителем Русской Америки 1.01.1866 г. В этом качестве принял участие в заключении договора и передаче русских владений в Америке правительству США. Произведен в контр-адмиралы 17.05.1882 г. с увольнением от службы с мундиром и пенсией. В г. Ситке (Аляска) есть улица, носящая его имя²². Эта родственная связь: Ошанины – Арандаренко – Максудовы очень важна для работы рязанских историков, предметно занимающихся Русской Америкой (Аляской).

На основании всего изложенного можно сделать вывод:

1. Василий Федорович Ошанин является одним из самых известных российских ученых и путешественников конца XIX века.

2. Не плохо было бы, чтобы современные рязанские историки и краеведы помнили об этом и всячески прославляли его имя.

Литература:

1. ГАРО. Ф. 627. Оп. 241. Д. 79. Л. 40 «б».
2. Костенко Л. Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник, № 4. 1877.
3. Ошанин В. Ф. Зоогеографический характер фауны полужесткокрылых насекомых Туркестана. «Записки РГО по общей географии». – Т. XXIII. – СПб. 1891.
4. Ошанин В. Ф. Алайская долина. «Туркестанские Ведомости». № 2. 1877 год.
5. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз. «Известия РГО». 1881. Т. 17. В. 1. С. 21.
6. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз. «Известия РГО». 1881. Т. 17. В. 1. С. 29.
7. Ошанин В. Ф. На верховьях Муксу. «Известия РГО». 1880. Т. 16. В. 1. С. 48 – 49.
8. Ошанин В. Ф. На верховьях Муксу. «Известия РГО». 1880. Т. 16. В. 1. С. 50.
9. Мушкетов И. В. Туркестан. Ч. 1. СПб. 1915. С. 33.
10. Известия ИРГО. 1883. Т. 19. В. 1. С. 5.
11. Адрес-календарь Туркестана на 1904 год. Ташкент. 1904. Типография ТВО. С. 34 – 35.
12. Адрес-календарь Туркестана на 1904 год. Ташкент. 1904. Типография ТВО. С. 3, 20.
13. Попов Н. С. Ошанин Василий Федорович (к 175-летию со дня рождения энтомолога и путешественника // Календарь знаменательных и памятных дат на 2020 год / М-во культуры и туризма Ряз. обл., РОУНБ им. Горького. Рязань, 2020. С. 56–64; Попов Н. С. Василий Федорович Ошанин на Алае и Памире (1876–1878 гг.). Новые документы о рязанском периоде жизни путешественника. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сборник научных работ. Рязанский институт развития образования (РИРО). Т. 68. Рязань. 2020. С. 173 – 185.
14. ГАРО. Ф. 627. Оп. 241. Д. 79. Л. 40 «б».
15. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.10. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / Под ред., с дополнениями проф. Б.В. Горбунова. – Вып. 6.

Надеждины-Пчелкины / ГОУ ДПО «Рязанский областной институт развития образования». – Рязань: Узорочье, 2011. – С. 140.

16. Записки Лебедянского общества сельского хозяйства за 1847. – М., 1848. – С. 209.

17. Ошанин В. Д. Родословие дворянского рода Ошаниных. – Т. 1. Виллербанн. Франция. Изд. AGG Print. 2009. – С. 318.

18. ГАРО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 119. Л. 1 – 5.

19. Суворин Р.В. Записки Лебедянского помещика А. И. Штейна как источник для изучения повседневной жизни сельского населения западной части Тамбовской губернии в середине XIX в. / История: факты и символы: Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля. – Елец: Изд-во Елецкого государственного университета (ЕГУ), Выпуск 3 (№ 4). 2015. – С. 42 – 74.

20. Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии Николая Арандаренко, составленные в 1846 году [Текст]. – Полтава: тип. Губ. правл., 1852. – Ч. 3. – 1852. – [8], 434, 48 с.

21. Жизнеописание в бозе почившего троюкуровского затворника, старца Иллариона Мефодиевича Фокина, основателя Богородичного Иларионовского Троюкуровского женского монастыря: гл. 11. – М., 1888: Типография Общества распространения полезных книг. Моховая, дом Торлецкой. – С. 27.

22. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.10. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / Под ред., с дополнениями проф. Б.В. Горбунова. – Вып. 5. Лавровы-Мясоедовы / ГОУ ДПО «Рязанский областной институт развития образования». – Рязань: Узорочье, 2010. – С. 134.

Т.В. Шаркова

Василий Головнин – слава земли Пронской

(По страницам книги В. А. Дивина «Повесть о славном мореплавателе»)

К 250-летию со дня рождения
выдающегося русского мореплавателя
Василия Михайловича Головнина

Аннотация. В статье «Василий Головнин – слава земли Пронской» автор на основе документальной повести историка В.А. Дивина представляет главные моменты биографии выдающегося русского мореплавателя Василия Михайловича Головнина, уроженца Пронского уезда Рязанской губернии. В работе приведены сведения о двух кругосветных путешествиях мореплавателя с его пребыванием в японском плену в 1811 – 1813 годах.

Ключевые слова: мореплавание, кругосветное путешествие, русские моряки, Военно-морской флот.

Впервые о знаменитом земляке я услышала в Москве, будучи в гостях у историка и писателя Василия Афанасьевича Дивина, – было это в далёком 1971 году. Тогда из-под его пера в московском издательстве «Мысль» только что вышла книга «Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке». В книге автор убедительно с историческими фактами рассказывает о русских мореходах, открывших Курильские, Алеутские острова, северо-западную Америку, проложивших морской путь к Японии и доказавших, что Азия от Америки отделяется проливом.

Наряду с известными русскими мореплавателями в книге упоминается и один из лучших исследователей морей и океанов вице-адмирал Василий Михайлович Головнин, к 200-летию которого в этом же издательстве в 1976 году Дивин выпустил документальную «Повесть о славном мореплавателе». Содержание повести основано на архивных данных и произведениях самого путешественника, в ней приведены копии служебных записок Головнина, географическая карта двух его кругосветных плаваний, фотографии и другие документы.

Вице-адмирал, член-корреспондент Петербургской Академии наук, географ, государственный и общественный деятель, талантливый писатель, мемуарист, руководитель двух кругосветных путешествий Василий Михайлович Головнин родился 8 апреля (19-го по новому стилю)¹ 1776 года в селе Гулынки Пронского уезда (ныне Старожиловский район) Рязанской губернии. Происходил будущий мореплаватель «из старинного дворянского рода, ведущего начало от XVII века, его первым предком, зафиксированным в исторических доку-

ментах, был Игнатий Головнин. В описании герба, пожалованного предку за особые воинские доблести, говорилось: «Фамилии Головниных, за Игнатъем Головниным по писцовым книгам и по грамоте 1626 года писана вотчина, жалованная ему за Московское осадное сидение, т.е. за оборону Москвы во время шведско-польской интервенции в начале XVII века»². Мать вице-адмирала, Александра Ивановича, происходила из богатого рязанского рода Вердеревских³.

Жизненный путь Василия Михайловича сложился под влиянием боевых подвигов его предков, семейные реликвии которых хранились в роду Головниных. «Трудно найти в истории другого мореплавателя, – пишет В. А. Дивин, – который мог бы сравниться с ним по широте своего образования и многогранности деятельности. Он был мореплавателем и учёным, историком и географом, экономистом и лингвистом, кораблестроителем и навигатором, этнографом и теоретиком военно-морского флота, философом и литератором, государственным и общественным деятелем». Как истинный патриот своей родины «Головнин разоблачал некоторых иностранных мореплавателей и историков», пытавшихся «преуменьшить заслуги русских в географических открытиях и освоении новых территорий».

Девятилетним ребёнком Василий Михайлович остался круглым сиротой, в двенадцать лет родственники-опекуны определили его в Морской кадетский корпус в Кронштадте. Через два года за отличную учёбу и примерное поведение подросток был произведён в гардемарины и в том же году во время войны России со Швецией на корабле «Не тронь меня» был отправлен в море, где и получил первое боевое крещение, за что был удостоен Золотой медали за отвагу. В то время ему было всего четырнадцать лет.

Учебная программа кадетского корпуса включала в себя широкий спектр предметов: «арифметику, геометрию, навигацию, астрономию, морскую тактику, артиллерию, корабельную архитектуру, механику, фортификацию, грамматику, риторику, философию, генеалогию, право, историю, географию, рисование, такелажное дело, английский, французский, датский, итальянский и шведский языки, а также фехтование и танцы и, конечно, «закон божий». Во время учёбы Василий Михайлович изучал также физику, историю, с особым увлечением читал книги о географических открытиях и морских путешествиях.

Морской кадетский корпус Головнин окончил в 1793 году. С начала службы юный офицер находился в походах-стажировках за границей: ходил в Стокгольм, Норвегию, несколько раз бывал в Англии. По возвращении из зарубежных командировок в Россию по поручению Морского министерства Головнин составил «Свод морских сигналов для дневного и ночного времени», который служил руководством для военных моряков русского флота более двадцати пяти лет.

* * *

Василий Михайлович Головнин совершил два кругосветных путешествия: первое – в чине лейтенанта на шлюпе «Диана», второе – капитаном 2-го ранга на шлюпе «Камчатка». Задачей первого плавания значились «географические открытия в северной части Тихого океана преимущественно в пределах России», командование кораблём было доверено тогда ещё молодому лейтенанту Головнину, чего не встречалось ранее в российском флоте. «Однако ж по уважению к опытности и познаниям Головнина морское министерство отступило от этого общего правила». Так писал впоследствии военный деятель государства Российского и главный правитель Русской Америки (с 1829 по 1835 гг.) адмирал Фердинанд Петрович Врангель.

Помощником командира «Дианы» был назначен высокообразованный офицер Пётр Иванович Рикорд – друг Головнина со времён их совместной учёбы в морском корпусе.

25 июля 1807 года шлюп «Диана» снялся с якоря и вышел в море из Кронштадта.

Почти через девять месяцев на пути к берегам Южноафриканского мыса Доброй Надежды, береговая линия которого открывает проход из Атлантики в Индийский океан, в бухте города Саймонстаун, принадлежавшего британцам, шлюп «Диана» был задержан английской эскадрой. В это время отношения между Россией и Англией вновь обострились, но Головнин об этом не знал. Вынужденная задержка продолжалась больше года, запасов

продовольствия к этому времени на корабле почти не осталось, не поступало из Англии и распоряжения о судьбе команды «Дианы». Взвесив все «за» и «против», Василий Михайлович решился на побег. Несмотря на огромные трудности, командир решил самовольно уйти из залива, предварительно подготовившись и хорошо изучив направление ветров. «Когда я уверился, - приводит цитату Головнина Дивин, - что по сему делу между англичанами и мною справедливость на моей стороне, тогда я решился, не теряя первого удобного случая, извлечь порученную мне команду из угрожавшей нам крайности».

Выждав подходящий момент, «Диана» успешно вышла из бухты, и дальнейшее путешествие до берегов Камчатки прошло без проблем. По прибытии в Петропавловскую гавань Василий Михайлович узнал о награждении его двумя орденами: боевым орденом св. Георгия «за восемнадцать морских кампаний» и орденом св. Владимира «за благополучное свершение многотрудного путешествия».

На далёком российском полуострове Головнин провёл две зимовки. За это время он собрал богатый материал о флоре и фауне края, о быте народностей, его населяющих, расспрашивал промышленников о Курилах.

Наступила весна 1810 года. После ремонтных работ, проведённых экипажем во время первой зимовки, «Диана» в середине мая отправилась к берегам Российской Аляски, в её столице Ново-Архангельске⁴ экипаж оставался до августа. На вторую зимовку команда вернулась в Петропавловск, где Головнин получил предписание от морского министра приступить к описанию Курильских островов: Василию Михайловичу и его команде предстояло продолжить дело, начатое русскими мореплавателями, которые в начале XVIII века открыли эти острова, после чего их земли начали осваиваться русскими.

25 апреля следующего 1811 года, прорубив лёд в Петропавловской гавани, через Авачинский залив корабль проследовал в Тихий океан. На восемнадцатый день шлюп достиг острова Матуа Курильской гряды, и капитан корабля, продвигаясь на юг, начал их описание. В результате исследований Василий Михайлович установил, что Курильская гряда включает в себя не двадцать один остров, как считалось ранее, а двадцать четыре⁵.

«Головнин знал, – пишет далее В.А. Дивин, – что на юге Курильской гряды японцы незаконно устроили свои фактории. Поэтому он действовал с большой осторожностью. 17 июня «Диана» вошла в бухту северной части острова Итуруп, где (путешественники) действительно встретили не только айнов (аборигены Курил – Т.Ш.), но и японцев». На двадцать четвёртый день пути корабль приблизился к острову Кунашир, но при попытке наладить мирные контакты с японцами Головнин и ещё несколько матросов были взяты в плен. Пленников связали и под конвоем на лодках переправили на южное побережье острова Хоккайдо, там их заперли в «большом тёмном сарае» и «поместили в клетки из толстых деревянных брусьев».

На десятом месяце плена, 23 апреля 1812 года пленники предприняли попытку побега, прорыв под стеной тюрьмы узкий лаз, при выходе из которого Василий Михайлович повредил ногу. «Девять дней моряки укрывались в оврагах, лощинах и на покрытых лесом возвышенностях. Все были голодными и изнурёнными. «Без ужаса не могу помыслить, - вспоминал Головнин, - на какие страшные утёсы мы иногда поднимались и в какие пропасти часто принуждены были спускаться». Но беглецов выследили, их схватили, возвратили в тюрьму и усилили охрану. Всю вину за побег Василий Михайлович взял на себя. После этого в течение почти полутора лет шли переговоры с японцами о вызволении русских моряков из плена, в результате чего в октябре 1813 года все были освобождены. В Петропавловске, куда прибыла «Диана» в начале ноября, пленников пришли встречать родственники, друзья и знакомые.

Плен русских моряков длился «два года, два месяца и двадцать шесть дней», но несмотря на лишения и трудности, моряки проявили невероятное мужество и сохранили верность своей родине. В плену Василий Михайлович вёл дневник, который позже послужил основой для его книги «Записки в плену у японцев».

В июле 1814 года Головнин вернулся в Петербург, за заслуги перед отечеством отважному путешественнику было присвоено звание капитана 2-го ранга. Таким образом, первое кругосветное путешествие мореплавателя продолжалось семь лет, включая годы японского плена. Во время путешествия он изучал материалы, касающиеся Камчатки, Сахалина, Берингова, Охотского морей, Алеутских и Курильских островов, точная опись и карта последних была составлена им в 1811 году, японцы в это время не проявляли должного интереса к Курилам. Стоит упомянуть, что своё название острова получили не от слова «курить», а от слова «курья», то есть «человек». Так называли себя Айны – коренные жители Курил.

В конце января 1815 года Головнин отправился домой – в Гулынки Рязанской губернии. Его отпуск в родных местах продолжался один год, в середине февраля следующего года он вернулся в Петербург для издания «Записок в плену у японцев».

* * *

Второе кругосветное путешествие капитана 2-го ранга Головнина длилось три года: с 1817-го по 1819-й, в этой экспедиции принял участие и молодой мичман российского флота Фердинанд Врангель. Подготовка к экспедиции началась ещё в 1816 году, и тогда же Василий Михайлович был избран почётным членом Государственного Адмиралтейского департамента. Экспедиция должна была доставить грузы на Камчатку, обследовать русские владения в Северной Америке, уточнить географическое положение некоторых островов и в конечном итоге привести «в большее соответствие морские карты отдалённых тамошних мест».

26 августа 1817 года шлюп «Камчатка» покинул Кронштадт и вышел в открытое море.

Во время второго кругосветного путешествия на обратном пути шлюп «Камчатка», обогнув мыс Доброй Надежды, посетил остров Св. Елены, где Василий Михайлович ознакомился с условиями жизни заключённого здесь Наполеона. «Осторожность и строгость, с каковыми англичане карают Наполеона, – писал впоследствии Головнин, – явно показывают, что он имеет ещё сильную партию, старающуюся о его освобождении».

По возвращении в Петербург из Петропавловска в начале сентября 1819 года Головнин пишет рапорт морскому министру, в котором докладывает об окончании второго кругосветного путешествия с выполнением всех поставленных перед ним задач и поручений. В октябре этого же года отважный мореплаватель был произведён в капитаны 1-го ранга.

Через месяц после возвращения из кругосветного путешествия Головнин вступил в брак с любимой невестой Евдокией Лутковской.

В 1830 году Василий Михайлович получил звание вице-адмирала. Через год, 29 июня 1831 года в возрасте 55 лет, великий русский мореплаватель скоропостижно скончался от холеры, и это была невосполнимая потеря для государства Российского.

Василий Михайлович Головнин известен не только как путешественник, совершивший множество морских походов, но и как талантливый литератор и мемуарист. Его трудами зачитывались писатели, поэты, путешественники, общественные деятели и обычные люди. «Записки в плену у японцев» были переведены на многие языки мира и пользовались необыкновенной популярностью не только среди литераторов и путешественников России, но и были известны в других странах. Находясь в японском плену, не имея ни бумаги, ни перьев, он придумал свой способ «записи» информации в своеобразный «журнал», состоящий из обыкновенных ниток. «Каждому примечательному событию в этом «журнале», – пишет Дивин, – соответствовали нитки определённого цвета, которые выдёргивались из манжет, подкладки мундира или шарфа. Нитки искусно сплетались в узелок. Благодаря этому «дневнику» Василий Михайлович и написал своё замечательное произведение».

Друг Александра Сергеевича Пушкина Кюхельбекер, находясь в заточении в Свеаборгской крепости, в 1832 году в своём дневнике записал: «Целый день читал записки В. Головнина. Книга такова, что трудно от неё оторваться... Записки В. Головнина – без сомнения, одни из лучших и умнейших на русском языке и по слогу и по содержанию».

Сын мореплавателя Александр Васильевич Головнин, занимавший в Российском государстве с конца 1861 года по апрель 1866-го пост министра народного просвещения, о своём

отце писал: «Строгий к самому себе, недоступный корыстолюбию, гнушавшийся пользоваться случаем, он шёл прямой дорогой, не оглядываясь в стороны; долг службы, честь и правда были его законом и щитом»⁶.

За свою деятельность прославленный путешественник был награждён многими правительственными наградами. Его именем названы различные географические объекты, такие как залив и вулкан на острове Кунашир Курильской гряды; посёлок и порт там же; пролив в Тихом океане между Курильскими островами Райкоке и Матуа; гора на Камчатке; залив, лагуна и город Головин (ранее Головинин) на Аляске.

Дань памяти и уважения великому русскому мореплавателю, общественному и политическому деятелю, неизменна и в наши дни. Так, 7 сентября 2006 года к 230-летию со дня рождения состоялось торжественное открытие памятника Василию Михайловичу Головнину на его родине в селе Гулынки Старожиловского района. Через десять лет, 29 июля 2016 года, в Аллее путешественников, заложенной в честь знаменитых земляков в сквере на улице Радищева в Рязани, был открыт бюст великого русского мореплавателя. Участие в открытии бюста приняли представители городской и областной администрации, депутаты, почётные жители Рязани, ветераны-моряки и его потомки.

19 апреля 2026 года культурная общественность России и Рязанской области отметила 250-летие со дня рождения выдающегося русского мореплавателя, уроженца Пронской земли Василия Михайловича Головнина, жизнь которого была наполнена мужеством и волей к преодолению любых препятствий для достижения великих целей во имя Родины.

Примечания

1. Здесь и далее даты приведены по старому стилю.
2. Дивин В. А. Повесть о славном мореплавателе. – М.: изд. «Мысль», 1976 г. Здесь и далее цитаты приведены из данной книги.
3. В документальной повести А. Говорова «Сын морехода» (Издатель Ситников, г. Рязань, 2008 г.) автор пишет: 1. «Головнины вели свою родословную от предводителя новгородской дружины Никиты Головни, разбившего в 1401 году войско великого князя Московского Василия Дмитриевича. Первым владельцем Гулынок являлся «Василий Никитович Вердеревский, живший в царствование Ивана Грозного» (стр.180); 2. «Дальний родственник Вердеревских – Фёдор Матвеевич Апраксин был братом царицы Марфы, жены царя Фёдора Алексеевича, старшего брата Петра I, и его стольником» (там же, стр.182).
4. Ново-Архангельск – «бывшая столица» Русской Америки; поселение основано в 1799 году, после продажи в 1867 году было переименовано в город Ситку.
5. По данным электронных источников в настоящее время в Курильский архипелаг входит 56 островов и множество мелких.
6. Говоров А. Сын морехода». – Рязань: Издатель Ситников, 2008. – С. 168.

А.И. Хвостов

Иван Васильевич Ведерников

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности выдающегося садовода Ивана Васильевича Ведерникова.

Ключевые слова: детство и молодость Ведерникова, работа в акцизном ведомстве, жена и дети, выдающийся садовод.

В начале статьи вкратце расскажем о детстве и молодости Ведерникова. Иван Васильевич родился 27 октября 1840 г. в с. Большое Село Пронского уезда¹. Его родителями были дворяне – Василий Иванович и Екатерина Петровна Ведерниковы (мать – урождённая Бурцева). Они имели здесь небольшое имение, перешедшее затем сёстрам Ивана Васильевича – Анне и Екатерине. Иван учился охотно и с отличием. В 1858 г. он с золотой медалью окончил Рязанскую мужскую гимназию². Его любимым предметом была химия, поэтому после гимназии он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1862 г.³ По окончании университета Ведерников был оставлен на кафедре химии и вскоре вместо заграничной командировки был отправлен на два года в Петербург работать с уже тогда прославившимся Д. И. Менделеевым. Там он вошёл в кружок молодых учёных, литераторов, разно-

чинцев, начинавших выходить на революционный путь и группировавшихся вокруг И. А. Худякова и Н. Д. Ножина⁴. Когда в 1866 г. возникло «каракозовское дело», Ведерников, как жившего вместе с фольклористом и революционером И. А. Худяковым и вращавшегося в одних кружках, арестовали и в апреле 1866 г. заключили на три месяца в Петропавловскую крепость за «нигилистическую пропаганду»⁵. После этого его выслали на родину, без обозначения срока. Его начавшаяся блестяще учёная карьера химика была навсегда загублена.

Ведерников долго не мог найти работу, скитаясь в поисках заработка. Одно время служил в Пронске секретарём съезда мировых судей. В конце концов, он был принят на работу в акцизное ведомство, куда, как писал известный общественный деятель С. Я. Елпатьевский, «требовались честные люди, которые не соблазнялись бы взятками, и где поэтому поневоле мирились с политической неблагонадёжностью»⁶. С 1 мая 1874 г. Ведерников работал помощником акцизного надзирателя в Пронске, а впоследствии – в Скопине⁷. Сначала – младшим помощником, а потом – старшим. В «Календаре и справочном указателе Рязанской губернии на 1884 год» (Рязань, 1883 г.) отмечается, что он ещё был старшим помощником акцизного надзирателя в Скопине. Вскоре он был переведён в этой же должности в Зарайск⁸. А 1 ноября 1885 г. Иван Васильевич был назначен на должность бухгалтера Рязанского губернского акцизного управления⁹ и вследствие этого переехал в Рязань. В этой должности он дослужился до чина надворного советника¹⁰ и проработал около 30 лет. Много лет попутно он состоял действительным членом Рязанского губернского статистического комитета (по избранию). Какого-то другого участия в местных общественных делах не принимал.

Ещё в Петербурге Ведерников познакомился с будущей женой Еленой Васильевной Гололобовой. Елена, стремясь учиться в Петербурге, сбежала сюда из родительского дома, находившемся в имении при с. Верхнее Плуталово (Плуталово) Ильицынской волости Зарайского уезда¹¹. Елена разделяла взгляды Ивана¹². Молодые люди полюбили друг друга и стали супругами. У них родилось пятеро детей – Екатерина, Николай, Василий, Алексей и Елена¹³. Сначала, когда они жили в столице, Иван Васильевич и Елена Васильевна были невенчанными, но потом, когда переехали в Пронск (а у них уже было двое детей, родившихся в Петербурге), с учётом мнения окружающих, они повенчались и стали супругами законными¹⁴. Елена Васильевна стала Ведерниковой. Из их детей приобрели известность Николай и Василий. Гораздо больше сведений удалось найти о старшем брате – Николае. Он окончил Скопинское реальное училище, а затем отделение сельского хозяйства Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, отслужил военную службу, занимал должности управляющего в частных имениях, работал преподавателем естественной истории в Пронской женской гимназии, изучал опытное дело на Ивановской опытной станции в Харьковской губернии. С 1905 г. числился «политически неблагонадёжным» и состоял несколько лет под негласным надзором полиции (связь с эсером П. В. Злобиным, организация тайной маёвки в 1905 г. в пронском имении П. П. фон Дервиза, членство во Всероссийском Крестьянском союзе и т. д.), но затем поправел, стал членом партии октябристов, в 1916 г. имел 300 дес. земли при с. Большое Село Пронского уезда и 84 дес. при с. Ильицыно Зарайского уезда. С 1913 г. – гласный Пронского уездного земского собрания и член Пронской уездной земской управы, заступающий место её председателя, в 1915 – 1917 гг. – председатель Пронской уездной земской управы. Февральскую революцию 1917 г. встретил болезненно, даже покидал место председателя управы. После Октябрьской революции не эмигрировал, работал в соответствии со своей агрономической специальностью. В конце 1920-х или начале 1930 гг. был как бывший помещик выслан в Заволжье, где умер от болезни в голодном 1932 г.¹⁵. Его брат помоложе – Василий – незадолго до окончания Петербургского горного института был в 1889 г. арестован по «политическому делу», два года находился в Выборгской окружной тюрьме, а затем был под негласным надзором полиции. Сначала устроился на Кавказе в какой-то землеустроительной комиссии, впоследствии работал статистиком в Москве и Туле¹⁶.

Заведуя с 1870 г. маленьким имением жены, находящимся при с. Верхнее Плуталово (Плуталово) («Хутор Маслово»), Иван Васильевич в 1873 г. заложил на одной десятинае сад из яблонь, полученных из Петровской земледельческой и лесной академии по выбору «патриарха русского садоводства» Р. И. Шредера, к которому Ведерников неоднократно обращался за советами по поводу подходящих для Зарайского уезда сортов яблонь. Но заниматься садоводством Ивану Васильевичу, находившемуся на службе сравнительно далеко от этого имения, было очень неудобно, и только с середины 1880-х гг., когда он стал жить ближе и доступнее к имению, его возможности для занятия садоводством заметно возросли. Сад постепенно разросся до 4 дес. Кроме яблонь, в саду были груши в количестве более 10 сортов, разводились также сливы, вишни и ягоды: смородина, крыжовник, малина, земляника, ежевика. Но основное внимание уделялось яблоням, которых выращивалось более 100 сортов. Ведерников задался целью – изучить разные сорта, выясняя их пригодность для региона, причём он оговаривался: пригодных как для Зарайского уезда, так и других уездов Рязанской губернии. Сад фактически превратился в помологическую станцию. В результате многолетних исследований он выявил, что кроме сортов, традиционно разводимых в регионе, подходящие для разведения ещё следующие сорта яблонь: авенариус, княжеское, севстахольм, налив краснобокий, гранатное, графенштейнское русское, барловское, репка богдановская, восковое, алебастровое, кальвиль белый летний, кривоспица ароматная, ренет зелёный Гангардта, зеленка харьковская, антоновка круглая, ренет Крюднера и некоторые другие. Своими результатами Иван Васильевич делился в журнале «Плодоводство», сотрудником которого он стал с 1891 г., поместив в журнале более 30 статей. Он экспонировал свои плоды на сельскохозяйственных и садоводческих выставках в Рязани, Зарайске и Москве. За экспонаты из своего сада он был удостоен в Рязани серебряной, а в Зарайске и Москве – золотых медалей. Черенки яблонь из своего сада он по просьбам разных лиц и питомников рассылал в Рязанскую губернию и за её пределы. Попутно Ведерниковым производились опыты и с ягодным виноделием, о чём он поместил несколько статей в журнале «Плодоводство» и сделал доклад в Обществе плодоводства¹⁷.

К сожалению, не удалось выявить, когда и где умер этот выдающийся садовод, но произошло это не ранее второй половины августа 1918 г., поскольку его работа «Выбор сортов яблонь при разведении сада» была написана им в июле 1918 г., а предисловие к ней было дано ещё при его жизни Рязанским союзом агрономических работников 14 августа 1918 г.

Примечания

1. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 10. *Рындин И. Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / Под ред. *Б. В. Горбунова*. – Вып. 2. Вагины – Гюллинги. – Рязань, 2007. С. 37.
2. Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804 – 1904. – Рязань, 1904. – С. 191.
3. *Ведерников И. В.* Выбор сортов яблонь при разведении сада. – Рязань, 1918. С. 1; Юбилейный справочник журнала «Плодоводство» за истекшее двадцатипятилетие 1890 – 1914 / Сост. *В. Э. Эндер*; Рос. о-во плодоводства. – Пг., 1914. – С. 38.
4. *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за 50 лет. – (Л.), 1929. – С. 48.
5. Там же. С. 49; Былое: неизданные номера журнала. Кн. 1. – *Лурье Ф. М.* – Л., 1991. – С. 171.
6. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 49.
7. Рязанские губернские ведомости. – 1874. – 8 мая; Справочная книжка Рязанской губернии на 1873 год. Адрес-календарь и справочные сведения. – Рязань, 1873. – С. 121; *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 48 – 49.
8. Календарь Рязанской губернии на 1885 год / Ред. *А. В. Селиванов*. – Рязань, 1985. – С. 148; Рязанские губернские ведомости. – 1985. – 13 ноября.
9. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4412. Л. 191 – 192; Рязанские губернские ведомости. – 1985. – 13 ноября.
10. *Рындин И. Ж.* Указ. соч. С. 37.
11. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 52; Ведерников И. Пояснительные сведения к экспонатам по плодоводству, выставленным Е. В. Ведерниковой на выставке Зарайского общества сельского хозяйства в г. Зарайске в 1911 г., И. Ведерникова // Вестник Зарайского общества сельского хозяйства. – 1911. – № 9 – 10. – С. 24.
12. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 52.
13. *Рындин И. Ж.* Указ. соч. С. 37.
14. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 53.
15. ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4949. Л. 4 об. – 6, 18 об. – 19, 20, 25, 27 – 28; Ф. Р-4. Оп. 4. Д. 99. Л. 2 – 3 об., 20; Рязанские губернские ведомости. – 1916. – 14 сентября; Материалы и исследования по рязанскому краеве-

дению. – Т. 6. *Хвостов А. И.* Деятельность политических партий в Рязанской губернии (конец XIX в. – 1917 г.) / Отв. ред. *Б. В. Горбунов.* – Рязань, 2004. – С. 25.

16. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 51; ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 4. Д. 99. Л. 3; Былое. Указ. кн. С. 171.

17. *Ведерников И. В.* Выбор сортов яблонь при разведении сада. – Рязань, 1918. С. I – III; *Ведерников И.* Пояснительные сведения к экспонатам по плодоводству, выставленные Е. В. Ведерниковой на выставке Зарайского общества сельского хозяйства в г. Зарайске в 1911 г., И. Ведерникова // Вестник Зарайского общества сельского хозяйства. – 1911. – № 9 – 10. С. 24 – 26; Юбилейный справочник журнала «Плодоводство» за истекшее двадцатипятилетие 1890 – 1914 / Сост. *В. Э. Эндер;* Рос. о-во плодоводства. – Пг., 1914. – С. 38, 40.

А.А. Горюнов

Дед (очерк о П.С. Горюнове, которому в январе 2026 года исполнилось бы 155 лет)

За окном в морозных узорах темнота. Тикают ходики. В их механизме иногда что-то щёлкает, и гирька на цепочке дёргается вниз. Смотрю на циферблат: часовая стрелка сошла с семи, минутная приближается к медвежонку, сидящему на стволе упавшей сосны. Представляю, как медвежонок перебирается на стрелку и путешествует на ней по лесу. Видение быстро исчезает. Рядом с ходиками – недавно начатый отрывной календарь, ножницы на гвоздике. На столе керосиновая лампа. От самодельного, из газеты, абажура на стеклянном пузыре лампы пахнет жжёной бумагой. На печке, за переборкой, еле слышен голос деда.

Всё! Домашнее задание сделано. Тетради и учебники – в портфель. И к деду на печку. Младшие братья уже там, небось слушают очередную сказку. На печь я давным-давно взбираюсь без помощи табуретки. Это младшего нужно подсаживать. Володя ещё маленький, ему совсем недавно, через три дня после старого нового года, четыре исполнилось. А Женька в этом году в первый класс пойдёт. Он с табуретки одной ногой в печурку встанет – раз, и там.

Пытаюсь убавить огонь в лампе, чтобы жжёным не пахло и керосина меньше жечь. Но кручу не в ту сторону, фитиль высовывается, язык пламени увеличивается, и к потолку взлетает облачко копоти. Своего всё-таки добиваюсь и лезу на печь. Здесь тесновато, но тепло и уютно. Слышно, как в трубе гуляет ветер.

Со сказкой я ошибся. Дед читает стихи:

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь...

- Дедушка, а помнишь, ты рассказывал про зайцев? – прерывает чтение Володя. – Лучше про них расскажи.

- Про зайцев, так про зайцев, - с готовностью соглашается дед и начинает:

Старый Мазай разболтался в сарае:

«В нашем болотистом, низменном крае...»

Я люблю, как дед читает стихи. Про дедушку Мазая, про детей, как они ходят в лес, собирают ягоды. Мне жалко несжатую полосу...

Мама придёт часа через два. Она ушла в интернат – дежурить. Если мы с Женькой захотим спать раньше её возвращения – слезаем с печи и ложимся на свою кровать с соломенным матрасом в спальне. Володе хорошо: он спит с дедом.

... Утро солнечное, морозное. Дед, ещё в исподнем, смотрит в окно, говорит сам с собой:

- Аксинья-полужимница, полухлебница. Вон и метель в ночь была.

За ночь нанесло снегу. От крыльца до калитки глубокую тропку замело. Только мамин следы видны, ушла к восьми часам в школу. Отец работает в районном центре, приходит или приезжает, если повезёт, только на воскресенье. Я учусь во вторую смену, в первую – первый и четвёртый классы. Мне в школу к часу.

Пока тянемся, дед уже оделся. На нём длинные белые валенки с самодельными, склеенными из резины автомобильной камеры санскими мастерами, галошами, стёганные штаны, поверх чёрной рубашки чёрная же, застиранная, выдавшая виды безрукавка. Волосы у деда с редкой сединой, а вот борода вся седая. Раз в год, по весне дед подстригает бороду ножницами перед зеркалом. И сразу становится каким-то другим, неузнаваемым. Уже минувшей

весной Володя по-своему шутил с дедом после стрижки бороды: взберётся деду на колени, ладонью прижмёт укороченную бороду к дедову подбородку и смеётся чему-то: смотрите-де, на себя не похож. Дед терпит. Иногда, когда мы разбалуемся, ведём себя шумно, дед не вытерпит, выговорит:

- Ну чего раскуражились! Я вот вам покуражусь!

Обещал сегодня дед валенки подшивать. Это занятие нам нравится, потому что всем дело по силам находится. Сначала дед идёт в кладовку, берёт самодельную, из фанеры, лопату и показывает мне, как нужно в снегу проделать тропу; собственно, получается небольшой тоннель. У него так аккуратно, ровно и завидно выходит, что хочется сразу и быстро сделать.

Утром же, до завтрака, нас ждёт ежедневная, лучше сказать – ежеутренняя, церемония: «поднятие гиры». Володю ставим на табурет под часами, он обеими руками берётся за свободный конец цепочки и потихоньку тянет её. Дед в это время поддерживает, приподнимая, гирю. И каждый раз на лице Володи выражение удовольствия от выполнения серьёзного дела. Удовлетворение передаётся и нам с Женькой.

Из кладовки дед приносит пару старых валенок с донельзя изношенной подошвой, они идут на «запчасти». Из маминого портфеля ещё накануне извлечён кусочек мела. Дед водружает на нос старые очки. У него в руках сапожный нож. Один валенок распускается, и получается фигура, очертаниями похожая на два валенка, сросшихся задними частями. На голенище заготовки ставится валенок, подлежащий ремонту. Аккуратно, по намеченному мелом следу подмётка вырезается ножницами.

- Готовим дратву! – командует дед, а сам в это время вырезает вторую подмётку.

Из-под футляра швейной машинки Женька извлекает катушку, отматываем нитку длиной от входной двери до противоположной стены, складываем нитку вдвое, ещё вдвое, цепляем за дверную ручку и скручиваем. Из своего сундучка дед достаёт кусочек вара, и Володя, высунув язык от старания, натирает варом скрученную нить. Завершает процедуру Женька. Полутораметрового куска дратвы хватает, чтобы пришить одну подмётку. Дратва для лучшего скольжения натирается мылом.

Рядом с часами висит небольшой расшитый мешочек, набитый ватой. В мешочек воткнуты с полдюжины иголок разной длины и толщины. Дед берёт короткую толстую с относительно широким ушком иглу. Снова черёд Володи – вдеть дратву в игольное ушко.

Между тем на табурете, что поставлен рядом с дедовым, появляется шило, тоже из сундучка. Дед прикладывает вырезанную подошву к валенку, ладит, примеряется и, наконец, делает первый прокол шилом. Продевает иголку в отверстие внутрь валенка, до узелка на конце протаскивает дратву. У него крепкие пальцы и уверенные движения, какие бывают у людей, делающих знакомую работу; ещё один прокол, и уже изнутри валенка просовывает иглу. Кончик дратвы связывается с основной нитью.

- Таперича мы с Володей одни справимся, - говорит дед, и мы с Женькой понимаем – нужно готовить «колышки». В коридоре, в углу, на подставке керогаз. Рядом с дверью, ведущей наружу, маленькое окошко. На подоконнике консервная банка, а в ней – использованные спички. Из них-то мы готовим «колышки». Сначала ломаем спички на кусочки по сантиметру длиной, с одной стороны заостряем ножом, другую сторону делаем ровной. «Колышков» требуется около полусотни на каждую подмётку «взрослого» валенка. У нас получается своеобразное соревнование: кто быстрее сделает свою работу – мы с Женькой или дед с Володей.

«Колышки» готовы, подмётка пришита. На табурете перед дедом - маленький, словно игрушечный, молоточек и похожая на широкую кочергу металлическая лапа на коротком деревянном черенке. Дед вставляет лапу в валенок; чтобы она плотнее прижалась к подошве изнутри, обжимает валенок. Берёт несколько «колышков» с блюдца и один за другим ловко вгоняет их в шильные отверстия рядом с дратвой. Пробует рукой изнутри, проводит ладонью снаружи – не торчат ли?

Володе, как и нам с Женькой, хочется сделать то же. У нас с Женькой получается, у Володи хуже: то молоточек в руках вертится, то «колышек» в отверстие не хочет попадать.

Жаль, что скоро в школу. На время убирается инструмент. Садимся обедать. Из печи рогачом дед выкатывает на загнет чугунок со щами. Из коридора вносится большая зелёная эмалированная кастрюля с солёными опятами, к грибам подаётся печёная картошка. От томлёных щей, от опят по кухне разносится такой аромат, что слюнки текут.

Ухожу в школу. Дед лёгок на ногу. Знаю, Женька и Володя с дедом соберутся гулять к дедовому товарищу – Ёрину. Дед поможет одеться Володе, наденет старый полушубок, возьмёт свой черёмуховый бадик...

Мама, если случится «окно», забежит проведать домочадцев и снова в школу.

Когда прихожу с занятий, второй валенок тоже подшит. На некоторое время, пока не смеркается, бегу на горку к церкви.

Вот моя деревня,

Вот мой дом родной, -

приходят на память строки, тоже впервые слышанные от деда.

Вечером нас ожидает другая церемония. Дед при полном сборе домочадцев почти торжественно отрывает очередной листок календаря. Сначала читается лицевая сторона: «Двадцать четвёртое января, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год, четверг... Сороковая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции... Восход солнца, заход солнца. Восход луны, заход луны, фаза луны... Юбилей какого-то знаменитого лица...» Затем прочитывается обратная сторона. Если информация заслуживает внимания и может быть востребована со временем, листок накалывается на гвоздик без шляпки, что вбит рядом с календарём.

- Дедушка, завтра пятница, - напоминает Женька (он уже разбирается в днях недели). – Ты сам сказал, керосин кончается. Не забыл?

Раз в неделю, в пятницу, продавщица магазина тётя Нюра закрывает после обеда «кооперацию», как говорит дед, и идёт на «керосинку». Дедова обязанность – взять пятилитровую канистру с закручивающейся крышкой и сходить за керосином. У нас две лампы, фонарь «летучая мышь», керогаз и примус. Зимой расход керосина меньше, потому что готовим еду в русской печи и на плите голландской печки. Летом – на керогазе.

Около «керосинки» в этот день очередь. У тёти Нюры в руках литровая ёмкость на длинной ручке. Она вставляет лейку в канистру, черпает из металлической бочки керосин и льёт его, считая литры. Литр стоит шестьдесят пять копеек, после денежной реформы в 1961 году – семь копеек.

Завтра дед с ребятами пойдёт за керосином. Я не могу, мне – в школу.

Ужинаем рано. Мама уходит в интернат – дежурить. Сажусь за уроки. Дед и ребята лезут на печь.

За окном темно. Тикают ходики. От абажура пахнет жжёной бумагой. Слышно, как бунтует Володя:

- Дедушка, ты это вчера уже рассказывал. Хочу про птичек.

- Птичка божия не знает

Ни заботы, ни труда...

- начинает дед «про птичек».

Я прислушиваюсь и выслушиваю до конца стихотворение, хотя уже десятки раз слышал и знаю его наизусть.

- Ещё про птичку, - требует младший. Женю не слышно, как будто его нет. Лишь белобрысая голова мелькает – тут, значит. Его и родители молчуном зовут.

- Травка зеленеет, солнышко блестит,

Ласточка с весною в сени к нам летит...

На этажерке рядом с художественными книгами и маминими учебниками по химии и биологии очень долго, сколько помню себя, стоял портрет Сталина в белом кителе. Как-то дед хватился, не увидев портрета на месте. Он к нам:

- Кто взял? Куда дели?

- Не брали, - отвечаем. Дед верит, но всё же, когда мама пришла из школы, спросил и её:

- Дуся, не видела, не ребята ли куда дели?

- Нет. Андрюша его в ящик положил.

Андрюша – это наш отец.

Каждый год первого апреля родители и дед ждут и внимательно выслушивают правительственное сообщение о снижении цен на продовольствие и промышленные товары.

... Дед многое умеет. Делает столовые ножи с деревянной ручкой, лучковые пилы, топоры, колодки для рубанка и фуганка, отбивает косу, точит пилы...

С приходом весны и наступлением тепла «выставляется первая рама». Дед переходит ночевать в кладовку, в неё вход отдельный. Чтобы попасть сюда, надо выйти из дома наружу. В распоряжении деда топчан с постелью в дальнем, тёмном углу кладовки.

Начинается садово-огородный сезон. После отмены в 1953 году налогов на плодовые деревья не без помощи деда рассажены молодой сад, пока ещё нет ни одной плодоносящей яблони или груши; сеются и сажаются овощи. С родины деда, из Кутукова, доставлены кустики красной и белой смородины.

С наступлением пастбищного периода у нас с Женькой прибавляется хлопот: по вечерам, когда сельское стадо коров возвращается с пастбы, мы встречаем Жданку. В большом стаде только две похожих коровы – Жданка и не наша. Нашу с чужой не спутаешь, у чужой почему-то нет кончика хвоста. Каждый вечер после дойки мы по очереди носим в бидончике полтора литра молока на молоканку.

В июле того же года были отменены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции государству частными хозяйствами колхозников, рабочих и служащих, чему в семье только радовались.

У деда удачно и ловко получаются свистульки из лозы и гусиного пера. Какое-то время в мае мы пристаём к нему с просьбой сделать свистульку. Из гусиного пера она делается легко, потому не так желательна и соблазнительна. Даже Женька научился делать. Из лозы сложнее.

А делается это так. Дед берёт лозу толщиной в палец, отрезает, чтобы торец ровный был. Аккуратно надрезает по окружности кору на расстоянии четырёх-пяти сантиметров от торца. На середине этого расстояния делает неглубокий вырез и, легонько постукивая деревянной ручкой ножа заготовку, добивается, чтобы кора легко снялась трубочкой. На месте насечки он отрезает «пенёчек» и вдоль «пенёчка» откалывает часть древесины на четверть диаметра. Помещает «пенёчек» с продольным сколом в трубочку, надевает трубочку на лозу и, манипулируя трубочкой, то сажая её глубже, то выдвигая, дует в неё, пока не извлечёт нужный звук.

В мае и июне, в выходные дни, когда кто-то из родителей дома, дед «путешествует» по окрестностям села, иногда делая по две ходки в день, каждый раз принося тяжёлые пучки хвороста. На огороде, у стены дома, в тени, дед соорудил лавочку. Против неё заколотил в землю десяток дубовых кольев и начал плести очередной плетень. Хворост идёт на эти цели. Наша с братьями помощь заключается в том, чтобы подать деду хворостину да принести попить холодной – с колонки – воды.

Пробую и я вплести хворостину между кольями, но она оказывается неожиданно жёсткой, требует больших усилий, которых у меня недостаточно, а иногда, когда переусердствую, колья начинают вихляться в разные стороны, и дед останавливает процесс.

- Почитай, получается, - обнадёживает он. - Немного подрастёшь и будешь плести.

Ещё одна радость и занятие для нас – это кнут, который дед плетёт нам, заранее зная, что мы его быстро «расхлопаем». Кнут плетётся из лыка, его в селе можно достать свободно. На озере, вдоль которого тянется Лутилин конец – так называется улица, отмокают охапки липового корья. Липовая кора и лыко идут на различные поделки. Лыко на кнут можно выторговать у ровесника за рыболовный крючок или за свисток, который сделал дед.

В две жилы сплести кнут смогу и я. Но тогда он будет тонким и не престижным. Дед может плести в шесть и более жил. Кнут получается толстым, красивым, и ровесники завидуют. Вот только конский волос нужно достать, вплести в хвост кнута, чтобы не быстро рас-

хлопывался. Волос можно взять только на пожарке, у Кольки, отец которого, дядя Вася, там работает. А на пожарке четыре лошади: старая кобыла Хима чалой масти, вороной Яшка, гнедой по кличке Кургузый и Молодой рыжей масти.

В жаркие, знойные дни, когда днём есть неохота, дед готовит тюрю. Нет ничего проще тюри: кусочки чёрного хлеба в холодной воде. Правда, и здесь есть один секрет: если хочешь сделать тюрю с сахаром, сахар клади в воду, пока не бросил туда хлеб. Если сделать иначе, кусочки хлеба будут кислыми.

... Помню тёплый июльский вечер. Стрижи в поднебесье носятся с криком, и мирно бегают кое-где над горизонтом высокие облака. Стадо возвращается с выгона, растекаясь по улочкам. Пыль.

В окно на кухню заглядывает неяркое уже солнце. Золотятся стёкла окна. Интересно, почему стёкла золотые? Может быть, потому что на них осела пыль?

Мама суетится у двора, готовится доить Жданку, которую ушёл встречать Женька. Сегодня его очередь. Он у нас немного конопатый. Когда вырастет, говорят родители, то и следа не останется от веснушек.

Володя с дедушкой ушли к Ёриным, они каждый вечер к ним ходят. И сегодня тоже.

У крыльца, положив голову на вытянутые передние лапы, лежит нервная борзая Альма. Не поворачивая головы, провожает глазами проходящих мимо, вздрагивает и приподнимает уши, услышав мужской голос. Ждёт отца.

Наша кошка, она у нас без имени, царапает кору клёна под носом у Альмы. Когти точит. Но соседские кошки ведут себя осторожно. Не одна из них по себе знает, что с Альмой шутки плохи.

Ежегодно в конце лета, когда ещё не начались августовские совещания и у мамы свободное время, на яблочный Спас, дед отправлялся на родину, в Кутуково, где остался старый сад и маленький деревянный дом, в котором живёт семья внука – Ивана Степановича Воробьёва.

- Приходит Спас – всему час, плоды зреют, - говаривал дед, загодя готовясь; нет, сборы сами по себе недолгие. Дед решался. Потому что путь предстояло преодолеть пешком. А это тридцать километров. В заплечный мешок укладывается бутылка с водой, несколько огурцов и помидоров, хлеб. Выходит рано утром, пока мы спим.

Мы ждём деда. Зная, что придёт не раньше, чем через три дня, ждём на второй день, ждём на третий...

По прошествии трёх дней, на четвёртый, к вечеру, уставший, но удовлетворённый состоявшейся миссией, дед возвращается. Сбрасывает заплечный мешок с содержимым, развязывает горловину: яблоки!

- На второй Спас и нищий яблочко съест, - произносит дед загадочно. Мы рады и приходу деда, и гостинцу.

На следующий день вчетвером идём к дедову товарищу – к Ёриным. Володя с дедом – уж как повелось, мы с Женькой – за компанию, послушать, как дед будет рассказывать о «путешествии». Ёрины заняты делом. На расстеленном на лужайке перед домом брезенте слой метёлок проса. Ёрины дед и бабка стоят друг против друга у брезента и, поочерёдно взмахивая цепами, молотят злак. У бабки на одной ноге ниже колена деревянный протез. Позже, придя домой, узнаём от деда, что ногу она потеряла во время первой мировой.

... Сентябрь. Начались дни учёбы. Теперь не только для нас с мамой – Женя пошёл в первый класс. Ходим с ним вместе в первую смену.

В воскресенье дед с Женей ходили на корёк, что за Ключиной околицей. Принесли лозы плести корзины. Тоже интересно. Оказывается, корзину можно начинать плести и со дна, и с верха. На следующий день Володя с новой корзиной неуклюже ползает по вспаханым картофельным грядкам, то ли помогая, то ли мешая нам собирать клубни.

С похолоданием раз в день подтапливаем печь. Дед перебирается из кладовки в дом.

Поздней осенью из репродуктора, что висит в комнате и похож на большую тарелку, мы узнали о каком-то спутнике, который запустили очень высоко, выше самолётов. Мама пришла из школы и сказала, что директор собирает сегодня учеников, когда будет темно: можно

увидеть спутник. Мама повела нас ночью к директорскому дому. Мы звали с собой деда, но он сказал, что очки у него слабые и он всё равно ничего не увидит. Спутник – маленькую светящуюся точку, которая двигалась среди звёзд, – мы видели, и было жаль, что деда не было с нами.

Идёт время. По вечерам, по традиции, встречаемся на печи. Володя почти без помощи, со страховкой, взбирается сам...

- Мой сад с каждым днём увядает,
- слышу начало очередного стиха.
- Дедушка, расскажи лучше про птичек, - просит Володя.
- Володя, дальше будет про птичек. Слушай:
 - Взгляну ль по привычке под крышу –
 - Пустое гнездо над окном...

Володя смиряется, притихает.

- А помню я, как хлопотали
- Две ласточки, строя его!..
- Дедушка, а как ласточки гнёзда строят?
- Вот будет лето, покажу тебе.
 - ... Как весел был труд их, как ловок!
 - Как любо им было, когда
 - Пять маленьких, быстрых головок
 - Выглядывать стали с гнезда!

Умер дед весной, в самый разгар половодья, когда, очнувшись ото сна, природа бурно проявляла жизненные силы.

... Серая могильная плита на юштинском кладбище; краткая надпись:

Горюнов Павел Семёнович
26.01.1871 – 17.04.1960

МАТЕРИАЛЫ К БОЛЬШОЙ РЯЗАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В. П. Нагорнов

ВЛАДИМИРОВ Николай Васильевич (1903 – 1959 гг.). Родился в Рязани. Происходил из многодетной рабочей семьи, в которой было 8 детей; его отец, высланный из СПб., работал на заводе сельхозмашин. Учился в приходской школе и высшем начальном училище. Работал киномехаником (по тогдашнему – машинистом) в кинотеатре «Дарьялы» на Почтовой ул. Один из организаторов комсомола в Рязанской губ., с 29.04.1919 – член губернского оргбюро по созданию РКСМ. 21.12.1919 на I губ. съезде РКСМ выступал с отчёт. докладом о работе оргбюро, 24.12.1919 избран в состав губкома РКСМ. На II губ. съезде РКСМ 25.06.1920 избран в состав губкома и его бюро. 17.01.1921 участвовал в работе III губ. съезда РКСМ. В 1920 вступил в коммунистическую партию, в 1919-1920 гг. секретарь Рязанского губкома РКСМ. Делегат III Всероссийского съезда РКСМ. После учебы на курсах ответственных работников ВЧК работал в Рязанской губЧК-ОГПУ. В 1923-1928 гг. – старший инструктор Рязанского губисполкома, зам. зав. орготделом Московского облисполкома. В 1931-1932 гг. – председатель Ухоловского райисполкома, в 1933-1937 гг. – председатель Орехово-Зуевского горрайисполкома. В 1942 арестован и осуждён по 58 статье УК, приговорён к 10 годам лишения свободы в Коми АССР. Вернувшись из лагеря, затем, до конца жизни, находился на хозяйственной работе.

• Ист.: Владимиров Николай Васильевич. С. 448; С. 26 – 40 // Юность земли Рязанской: Очерки истории Ряз. организации ВЛКСМ. – М.: Моск. рабочий, Рязанск. отд-ние, 1984. 463 с.; Сизова И. Сто лет назад // Рязанские ведомости. 2019. 26 апреля. № 31. С. 8.

• Соч.: Владимиров Н. По пути, указанному партией. С. 18 – 34 // Страницы былого: воспоминания старых коммунистов. Рязань: Рязанское книжное изд-во, 1960. 216 с.; Владимиров Н.В. Всегда с партией! С. 28 – 62 // Заре навстречу: Сб. статей по истории Ряз. комс. организации 1918-1921 гг. Рязань, 1958. 140 с.

В. П. Нагорнов

ГОСПИТАЛИ ВОИНСКИЕ В УХОЛОВСКОМ РАЙОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 ГГ., функционировали в течение всего периода Вел. Отеч. войны. Госпиталь № 1851 был развернут в р.п. Ухолово в октябре 1941, № 2998 – в р.п. Ухолово в 1941 г. в здании средней школы и Дома культуры, № 3998 – в р.п. Ухолово в здании начальной школы, № 4787 – в р. п. Ухолово в здании средней школы с мая 1942, № 5874 – в р. п. Ухолово в 1944.

• Ист.: *Димперан Л.В.* Воинские госпитали на территории Рязани и Рязанской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Рязанская энциклопедия: справочные материалы. Т. 12. Военная история / сост., ред. *Б.В. Горбунов*. – Рязань, 1994. – С. 87.

В.П. Нагорнов

ИБЕРДСКИЙ СВЯТО-АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ СОФРОНИЕВ МОНАСТЫРЬ находится в урочище Монастырь Ухоловского р-на Рязанской обл., в 2,9 км северо-восточнее пос. Ибердский Кораблинского р-на. Монастырь, устроенный как женский у места поселения старца Софрония (Лисина) на средства благотворителей в память спасения царской семьи в катастрофе 17.10.1888, открыт в 1892 как женская богадельня, с 1904 – община, с 1907 – монастырь. В 1919 закрыт, постройки разобраны. Храм восстановлен в кон. 1990-х, в наши дни – место активного паломничества. Была заново построена церковь Александра Невского, 12.09.1998 было совершено великое освящение храма. Сегодня в обители есть храм, колокольня, облагорожено кладбище, где был похоронен старец Софроний. Недалеко от монастыря – источник и купальня. В храме Александра Невского с 1998 года покоятся мощи праведного старца. Как и предсказывал старец, Александро-Невский монастырь переживает своё возрождение, став местом активного паломничества. Монастырь находится на самом юге области и от Рязани до него приблизительно 150 км. Это трасса на Ряжск, выезжать на неё через Реткино, на посту ГАИ (в Реткино) держатся правой. Далее ориентироваться на большое село Пехлец, после него поворот на Ухолово и на этой дороге пос. Ибердский. От пос. Ибердский в лес 3, 5 км на ВСВ, на правом берегу р. Ибердь.

В. П. Нагорнов

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК (РОДНИК) НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В С. САТИНО УХОЛОВСКОГО РАЙОНА (ранее назывался Попов родник или просто Ключик) после реконструкции освящен 8.10.2022 благочинным Ухоловского округа, настоятелем Троицкого храма р. п. Ухолово Олегом Лозовым. С давних пор природный источник давал жителям с. Сатино и Богородицкое чистую воду. Он находится рядом с проезжей дорогой, многие люди останавливаются, чтобы набрать воды. В июне этого года начались ремонтные работы по благоустройству источника. При финансовой поддержке СПК «Богородицкий», его председателя Николая Григорьевича Гаврикова и работникам хозяйства родник был приведен в порядок. И назвали источник в честь одного из самых почитаемых святых на Руси, Николая Угодника.

В. П. Нагорнов

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК (РОДНИК) ПРАВЕДНОГО СОФРОНИЯ ИБЕРДСКОГО У ПОСЕЛКА ИБЕРДСКИЙ. Природный источник, в народе именуемый Софрониевым, расположен в лесном массиве, на берегу реки Ибердь, в урочище Монастырь Ухоловского р-на Рязанской обл., в 2,9 км северо-восточнее поселка Ибердский Кораблинского р-на, слева у дороги, ведущей из поселка. От дороги, для безопасного спуска к источнику, обустроена красивая лестница. Святой источник хорошо обустроен. Построена надкладезная сень, внутри которой неглубокий колодец, откуда воду надо доставать вручную с помощью традиционного ворота с цепью и ведром. Рядом построена закрытая купальня с купелями. Координаты: 53°52'07.2"N 40°17'06.1"E.

ЦИКОРНАЯ ФАБРИКА, работала в 1910-е гг., принадлежала Белоусову Григорию Васильевичу и Телелюеву Семену Петровичу, расположена в с. Ухолове Ряжского у. (почтовый адрес – ст. Ухолово, Сызр.-Вяз. ж. д.).

• Ист. : Торговые и промышленные заведения по Ряжскому уезду. Изд. Ряж. краевед. музея, 2009. С. 10; Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. Рязань: Губернская типография, 1914. С. 414.

СОФРОНИЙ ИБЕРДСКИЙ (в миру – Софроний Сазонтович ЛИСИН) (9.3.1825 ст. ст., д. Канино Сапожк. у. – 25.1.1914 ст. ст., Александро-Невский монастырь возле с. Ибердь Ряж. у., ныне – Ухоловский р-н Рязанской обл.), праведный старец, местночтимый ряз. св. Род. в семье крестьян Сазонта Абрамовича и Прасковьи Петровны Лисиных. Свое имя получил в честь преподобного Софрония, Печерского чудотворца. С 6 лет обучался в церковно-приходской школе. В детстве родители взяли его в паломническую поездку в Саровскую пустынь. Встреча с преподобным Серафимом Саровским оставила неизгладимое впечатление на всю жизнь. В юношеском возрасте по родительскому благословению женился на уроженке того же села Матроне Никифоровне. Семейная жизнь С. с избранницей была счастливой. В семье было трое детей: Наталия, Борис и Дария. Однако мысль об уединенной жизни не покидала его, и

однажды, получив на то согласие супруги, С. ушел в лес для подвигов духовных. Мать С. была против и молила его оставить мысль об отшельничестве. С. сделал себе в лесу землянку и проводил время в молитве и богомыслии, питался с огорода, разбитого здесь же. Однажды на поляне он услышал рядом звон колоколов и молитвенное пение. Обойдя поляну, С. услышал дивный голос, говорящий ему, что место это свято, будет здесь обитель. Помолившись и возблагодарив Господа, С. принялся строить несколько землянок для будущих обитателей монастыря. Слух о подвижнике распространился далеко по уезду, многие стали приходить к нему за советом, и это стало тяготить его. Вскоре С. ушел в трехлетний затвор. После затвора подвижник вернулся на свое место, чтобы основать обитель. С юности мечтал С. устроить обитель для девиц, вдов и сирот и подвизаться в монастыре в трудах и молитве. После отмены крепостного права от крестьянина села Мостья Егора Наумовича Родина С. получил землю под строительство обители. Вскоре устроилась община, в которой поселились пожилые женщины. Сначала на месте будущего храма была устроена часовня для молитвы, а в начале 1892 года первый камень новоустроваемого храма был заложен о. Софронием, а 11.07.1892 храм был освящен в честь благоверного князя Александра Невского, Святителя Николая Чудотворца и иконы Божией Матери «Знамение» протоиереем села Ухолова Гавриилом Петровичем Кудрявцевым. С 1892 при храме стали сооружаться постройки, и учреждена была богадельня. Всеми работами руководил живший в землянке сам старец С., которому в то время шел шестьдесят седьмой год. С увеличением числа сестер старец поставил управлять обителью свою дочь инокиню Дарию, которая, к сожалению, оказалась слабохарактерной, и многие из сестер этим злоупотребляли. Чтобы поправить дело, С. поехал он в Рязань к Преосвященному Аркадию за благословением и просьбой послать в его богадельню сестру-монахиню для руководства сестрами. Особого расцвета обитель достигла при назначенной в 1897 игуменье монахине Ангелине (Воронковой), присланной из Колычевского Казанского монастыря. В 1897 она приступила к управлению общиной, а в 1907 возведена в сан игумений.

В то время в монастыре подвизались 68 сестер. В течение нескольких лет при обители было построено несколько новых домов для сестер и духовенства, двухэтажный корпус с трапезной. Сестры занимались рукоделием, ткали, стегаля одеяла, вышивали, писали иконы, трудились на скотном дворе.

Когда сестер стало достаточно много и церковь стала тесна, решено было сделать пристройку к храму. Впоследствии один храм в народе называли Софрониевым, а другой, построенный позже, – Ангелининым. При суровой игуменье источником утешения в обители оставался отец С. Слово его принималось с верою, благословение его или особое внимание считалось великим утешением. Мать игуменью смущал авторитет отца С. Ей не давала покоя мысль о том, что он может стать настоятелем, а она – простой хозяйкой, хотя в сане игуменьи. Много обид причинила игуменья старцу. Слух о настроениях в монастыре достиг Преосвященного Аркадия. Владыка вызвал игуменью, увещевал ее, убеждал смириться. Но трудно было переубедить настоятельницу. После одной из ссор м. Ангелина подала на о. Софрония в суд, чтобы выселить его из монастыря. Когда приехал прокурор, батюшка любезно принял его, пригласил откусать чаю и все решить миром. Так и случилось: дело было закрыто, а игуменья остыла, видя свое поражение. Батюшка же вскоре переселился на монастырский хутор, в небольшой домик, куда и притекал к нему Божий люд за советом и утешением. Наступил 1914 год, последний в земной жизни отца Софрония. Старцу шел 89-й год. Здоровье его ослабло, и он заболел. Недолго прожил отец Софроний в устроенной им обители и мирно отошел ко Господу 25.01.1914. Похороны о. С. состоялись на девятый день, на Сретение Господне.

В 1996 началось духовное возрождение монастыря. Рядом с могилкой старца среди лесов был заложен храм. Спустя год на куполе вновь устроенной церкви воздвигли крест. 29.05.1998 были обретены святые мощи отца Софрония. 12.09.1998 года было совершено великое освящение храма. В тот день здесь собралось более четырех тысяч человек: духовенство, миряне. Торжество завершил праздничный Крестный ход, который возглавил Архиепископ Симон. Прославление в лике святых праведного Софрония Ибердского было намечено на 7 февраля – день преставления старца. В торжествах прославления праведного Софрония Ибердского приняли участие Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (позднее – в чине Митрополита), Епископ Шацкий Иосиф, тридцать семь священнослужителей, многочисленные паломники из Рязани, Москвы, других городов и сел.

Память праведного Софрония Ибердского совершается 25 января/7 февраля, в день кончины старца.

И.Ж. Рындин

КАЛАШНИКОВ Валерий Васильевич (5.11.1950, г. Рубцовск Алтайского края – 15.4.2025), д-р с.-х. наук (1994), проф., академик РАН, Засл. деятель науки РФ (2000), Лауреат Премии Пр-ва РФ в области науки и техники, выдающийся учёный, видный организатор отеч. агр. произ-ва и науки. Из рабочих. После окончания с отличием обучения на зоотехн. ф-те Киргизского с.-х. ин-та им. К.И. Скрябина он навсегда связал свою жизнь с коневодством, начав свой путь зав. племенной конефермой «Красный Октябрь» Моск. р-на Киргизской ССР. С 1972 К. учился и работал во Всесоюзном науч.-исследовательском ин-те коневодства: аспирант, мл., ст. науч. сотрудник отдела селекции, гл. зоотехник опытного конного з-да. С 1982 – дир. Опытного конного з-да ВНИИК. В 1986 –

зам. по жив-ву пред. агропром. к-та Ряз. обл. В 1986–88 – 1-й секретарь Рыбн. райкома КПСС, в 1988–1990 – секретарь Ряз. обкома КПСС. В 1990–1991 – пред. Ряз. облисполкома. В 1991–2017 – дир. ВНИИ коневодства, с 2017 – науч. руководитель ВНИИ коневодства. Член-корреспондент РАСХН с 1995, академик РАСХН с 2003, академик РАН с 2013 (Отделение с.-х. наук). К. работал в составе Межведомственной комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов с.-х. животных, Межведомственного координационного совета РАН по исследованиям в обл. агропром. произ-ва и комплексного развития сельских территорий, зам. пред. науч. совета секции зоотехнии и ветеринарии Отд-ния с.-х. наук РАН, гл. ред. Журн. «Коневодство и конный спорт», член редколлегий журналов «Зоотехния», «Достижения науки и техники АПК», «Farm Animals». Являлся экспертом РАН, Минобрнауки РФ, РНФ, был зам. пред. экспертного совета ВАК РФ,

членом НТС МСХ РФ, представителем ВНИИ коневодства от России в международных ассоциациях: WANO, Trekehner Verband, ISBC. С 2017 – член Общественного совета при мин-ве сельского хоз-ва и продовольствия Ряз. обл., в 2019–22 – его пред. К. опубликовано св. 600 науч. работ, более 20 книг. Он являлся автором 24 патентов и свидетельств РФ на изобретения. Являлся депутатом всех уровней законодательной власти РФ, в 1990–93 был народным депутатом РСФСР, координатором фракции «Коммунисты России» Съезда народных депутатов, в 2005–10 – депутат Ряз. обл. Думы. К. награжден орденами: «Знак Почета», Александра Невского, Дружбы, медалью «За трудовое отличие», удостоен 2-мя золотыми, серебряной и бронзовой медалями ВДНХ, золотой медали им. М.Ф. Иванова, серебряной медалью Сов. фонда мира, медалью «300 лет Российской академии наук». Был отмечен Благодарностями и Почетными грамотами Президента РФ, Гос. секретаря Союзного гос-ва, РАСХН и РАН, руководителей многих ведомств и регионов России. Почетный работник агропром. комплекса России. Личный вклад К. в развитие с.-х. произ-ва отмечен Памятным знаком Губернатора Ряз. обл. «Благодарность от земли Рязанской» и мн. др. региональными, ведомственными, муниципальными наградами.

• Лит.: Лидеры зоотехнической науки России. – М., 2001. – С. 65 – 66; Рязанская энциклопедия. – Т. 4. – Рязань, 2004. – С. 148; *Захаров В.А., Хвостов А.И.* Калашников Валерий Васильевич // Материалы и исследования по рязанскому краеведению – Т. 7. Сборник справочных сведений по краеведению для учителей. (Дополнительные материалы к «Рязанской энциклопедии») / Под редакцией, предисловие: *Б.В. Горбунов* / Рязанский областной институт развития образования. – Рязань: Изд. Старт, 2006. – С. 152 – 153.

Сведения об авторах

Балясова Ирина Ивановна, независимый исследователь, автор статей о С.А. Есенине, в прошлом учитель-словесник (г. Москва).

Гордова Юлиана Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН (Москва).

Горюнов Александр Андреевич, исследователь, г. Рязань.

Жохова Антонина Степановна, кандидат исторических наук, доцент, краевед, г. Рязань.

Иванов Дмитрий Александрович, заведующий отделом археологии РИАМЗ.

Кармацкая Галина Алексеевна, директор Сараевского дома детского творчества.

Курчевская Ольга Вячеславовна, исследователь, г. Рязань.

Михайлов Сергей Сергеевич, историк, этнолог, член Союза писателей России, г. Москва.

Нагорнов Валентин Павлович, главный редактор журнала «Российский научный журнал», г. Рязань.

Пасынков Сергей Васильевич, исследователь, г. Рязань.

Перекусихин Андрей Владимирович, независимый исследователь, г. Заречный Пензенской области.

Попов Николай Семенович, ведущий научный сотрудник ГБУК РО «Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького».

Романов Олег Владимирович, исследователь, Касимовский район.

Рындин Игорь Жанович, руководитель краеведческого центра ГКУ «Дом общественных организаций», главный редактор «Материалов и исследований по рязанскому краеведению», г. Рязань.

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва.

Хвостов Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, доцент.

Шаркова Тамара Владимировна, исследователь, г. Новомичуринск.

**Материалы и исследования
по рязанскому краеведению**

Сборник научных работ

Том 92

Подписано в печать 14.08.2026.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура Times.
Печ. л. 17,5. Тираж 50 экз. Заказ № 9489.

Издательство ИП Коняхин А.В.

Отпечатано в типографии Book Jet
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18
Сайт: <http://bookjet.ru>
Почта: info@bookjet.ru
Тел.: +7(4912) 466-151

ISBN 978-5-908157-39-1

